

Юхан Норберг
В защиту
глобального
капитализма

Johan Norberg

In Defense of
Global
Capitalism

Юхан Норберг

В защиту
глобального
капитализма

Институт Катона / Cato.Ru

УДК 330
ББК 65.5
Н82

Издание осуществлено в рамках совместного проекта
«Нового издательства» и Cato.Ru «Библиотека Свободы»
Перевод с английского Максим Коробочкин
Научный редактор Евгения Антонова
Дизайн Анатолий Гусев

Норберг Ю.
Н82 В защиту глобального капитализма / Пер. с англ.
М.: Новое издательство, 2007. — 272 с.

ISBN 978-5-98379-084-1

Книга шведского экономиста Юхана Норберга «В защиту глобального капитализма» рассматривает расхожие представления о глобализации как причине бедности и социального неравенства, ухудшения экологической обстановки и стандартизации культуры и убедительно доказывает, что все эти обвинения не соответствуют действительности: свободное перемещение людей, капитала, товаров и технологий способствует экономическому росту, сокращению бедности и увеличению культурного разнообразия.

УДК 330
ББК 65.5

ISBN 978-5-98379-084-1

© Cato Institute, 2003
© Cato.Ru, 2007
© Новое издательство, 2007

Оглавление

Предисловие к русскому изданию [7]

Предисловие [10]

Глава 1. С каждым днем жизнь становится лучше...

Полуправда [21]

Преодоление бедности [25]

Проблема голода [29]

Образование [33]

Демократизация [34]

Угнетение женщин [38]

Китай [42]

Индия [45]

Глобальное неравенство [48]

Необходимые оговорки [53]

Глава 2. ...и это неслучайно!

Капитализм для всех [55]

Благотворные результаты экономического роста [62]

Свобода и равенство вполне совместимы [72]

Частная собственность — в интересах бедняков [77]

Восточноазиатское «чудо» [85]

Африканская трясина [90]

Глава 3. Свободная торговля — справедливая торговля

Взаимная выгода [99]

Импорт — это важно [104]

Свободная торговля способствует росту [112]

Миф о катастрофической безработице [119]

Свободу передвижения — не только товарам, но и людям! [128]

Глава 4. Развитие развивающихся стран

Неравный доступ... к капитализму! [135]

Позор белого человека [139]

Опыт Латинской Америки [145]

На пути развития торговли [150]

«Сохраняйте свои тарифы» [154]

Долговая западня [157]

Необходимое лекарство [166]

Глава 5. Восхождение к вершине

«Я всей душой за свободу торговли, но...» [171]

Детский труд [176]

«А сами-то мы не страдаем?» [180]

Большой бизнес — не значит плохой бизнес [185]

Экологический ущерб? [199]

Глава 6. Международный капитал: так ли уж он непредсказуем?

Коллектив без лидера [213]

Больше регулирования? [221]

«Налог Тобина» [225]

Азиатский кризис [230]

Чтобы не было кризисов... [234]

«Диктатура рынка»? [238]

Глава 7. Не стандартизация, а либерализация

Право на культурное разнообразие [247]

Свобода покоряет все новые рубежи [254]

Примечания [260]

Предисловие к русскому изданию

Как и во многих других странах мира, в сегодняшней России сильны изоляционистские тенденции. Глобализацию часто воспринимают как угрозу, как нечто такое, что может быть хорошо для «других» и к чему «мы» вынуждены приспособляться. Я и сам раньше так считал, однако изменил свое мнение благодаря убедительным фактам: их изобилие свидетельствует о том, что глобализация — это уникальный шанс для всего мира.

В настоящее время круглосуточно и ежеминутно около шестидесяти человек по всему миру получают возможность вырваться из крайней бедности. За последние двадцать лет число обездоленных людей на планете сократилось вдвое. Такое повышение уровня жизни не имеет прецедента во всей истории человечества. За последнее столетие человечество преумножило свое совокупное богатство и увеличило среднюю продолжительность жизни в большей степени, чем за предыдущие тысячелетия. Наиболее значителен прогресс в государствах, предоставивших своим гражданам возможность использовать идеи и технологии всего мира, а также вести торговлю и осуществлять инвестиции за рубежом. Все это происходит благодаря процессу под названием «глобализация».

Открытость экономики имеет первостепенное значение для тех стран, которые еще не имеют доступа к международному капиталу и технологиям. Именно поэтому сегодня развивающиеся рынки показывают более высокие темпы

роста, чем богатейшие государства. В современном мире все еще немало непростых проблем, однако большинство из них являются следствием недостаточной, а никак не чрезмерной глобализации. Именно наименее либеральные и наименее вовлеченные в процесс глобализации страны — такие, как государства Африки южнее Сахары, — по темпам развития отстают от остального мира, где совокупный ВВП удваивается за двадцать с небольшим лет. Многие люди не думают о том, что глобализацию следует начинать изнутри своего государства, — и это является одной из причин подобного отставания. До тех пор пока в отдельной стране не обеспечены верховенство закона и защита прав частной собственности, не ликвидированы коррупция и произвол бюрократии, полноценный доступ к плодам глобализации имеет лишь немногочисленная околоставная элита.

Я написал эту книгу с целью рассказать о настоящем потенциале глобализации и о том, как много теряют государства, не вовлеченные в этот процесс. Решение самых значимых проблем современности уже найдено — и оно не в амбициозных политических программах, оно исходит от простых людей. Всегда и везде, если у бедных появляются права на собственность, работу и торговлю, а также свобода доступа к капиталу и возможность создать свое дело, им удается преуспеть и расширить возможности для себя и всех остальных без всякой помощи государства.

Поскольку людей, имеющих возможность свободно созидать и изобретать, становится все больше, упрощается доступ всех и каждого к новым идеям и технологиям, которые, в свою очередь, могут способствовать улучшению нашей жизни и развитию экономики наших стран. В свое время русский инженер Владимир Зворыкин изобрел кинескоп, а выгоду получили все страны с открытой экономикой, заимствовавшие эту технологию. Мобильный телефон был изобретен не в России, но ее жители сегодня уже не мыслят без него свою жизнь...

Произведенные за границей инновации и блага становятся угрозой лишь тогда, когда мы не готовы их принять и закрываем от них и сопутствующей им конкуренции границы наших стран. Однако в этом случае весь остальной мир будет получать выгоду от новейших идей и возможностей, которыми обладают предприниматели, а мы не сможем ими

воспользоваться. Перемены всегда даются нелегко, однако лучше быть в их фарватере, чем плестись в хвосте в числе отстающих и в конце концов получать доступ к инновациям самими последними.

В действительности нам нечего опасаться глобализации, нас страшит лишь это понятие.

Лично для меня наиболее очевидным доказательством огромного потенциала глобализации послужило то, что настоящая книга была переведена на множество языков по всему миру. Однако она не имела бы по-настоящему глобального охвата без перевода на русский язык. Это имеет для меня особое значение. Я вырос в Швеции и всегда отдавал себе отчет в том, что совсем неподалеку, в СССР, люди лишены тех возможностей, которые есть у меня. Однако россияне сумели не только пережить семьдесят лет диктатуры, но до сих пор выдерживают последовавшие в постсоветский период хаос и всепоглощающую коррупцию. Теперь и для граждан России настал час взять судьбу в свои руки.

Стокгольм, март 2007 года

Предисловие

Свершилось чудо — наша анархистская партия победила на школьных выборах!

Итак: место действия — школа в одном из западных пригородов Стокгольма; время действия — осенний семестр 1988 года (нам тогда было по шестнадцать лет). Как обычно, когда в стране проходили всеобщие выборы, у нас в школе устраивали собственную «предвыборную кампанию» в миниатюре. Но мы с моим лучшим другом Маркусом не верили в существующую систему. Мажоритарные выборы, думали мы, напоминают голосование двух волков и ягненка относительно обеденного меню. Школа хотела, чтобы мы избрали тех, кто будет нами управлять, а мы хотели быть хозяевами собственной жизни.

Отчасти, наверно, это было связано с тем, что мы чувствовали свое отличие от других. Я увлекался электронной музыкой и «готикой», одеваться предпочитал в черное, а волосы зачесывал назад. Нас интересовали музыка и книги, а все вокруг словно помешались на модных аксессуарах. Правые казались нам представителями имущих классов, элиты, не терпящей никого, кто от них отличается. Но и левые не вызвали у нас энтузиазма: они символизировали унылую государственную бюрократию и засилье регламентации. Хотя мы и предпочитали слушать группу Sisters of Mercy и шведского панк-певца Тострема, нашим «символом веры» были слова из песни Джона Леннона «Imagine»: «Представь, что в мире нет границ». С отдельными государствами пора кончать, думали мы, люди должны иметь право свободно пере-

мещаться по всей планете и сотрудничать друг с другом по собственной воле. Мы грезили о мире без «обязаловки», без правителей. Понятно, что мы тогда не принадлежали ни правым, ни левым, ни консерваторам, ни социал-демократам. Мы были анархистами!

Так мы основали «Анархистский фронт» и выставили свои кандидатуры на школьных выборах, придумав ироническую радикальную платформу. Мы развешивали в школьных коридорах самодельные плакаты с вопросами вроде: «Кто будет определять твою жизнь — ты сам или 349 парламентариев?» Мы требовали «упразднить» государство... и отменить запрет кататься на мотоциклах по школьному двору. Большинство учителей не поняли нашей затеи: они решили, что мы просто издеваемся над выборами, — мы же считали, что высказываем собственную позицию в лучших традициях демократии. И вызов в кабинет директора для «разбора полетов» лишь укрепил наш бунтарский дух.

Мы получили неплохой результат в конкурентной предвыборной гонке — 25% голосов. Социал-демократы заняли второе место, набрав 19%. Мы были без ума от восторга, уверенные, что это лишь первый шаг к чему-то новому, важному...

С тех пор прошло пятнадцать лет. За это время мое мировоззрение во многом изменилось. Я понял, что взаимоотношения между индивидом и обществом, свободой и принуждением куда сложнее, чем нам тогда казалось, и эти проблемы нельзя решить одним радикально-утопическим шагом. Я осознал, что государство в какой-то форме все же необходимо — защищать свободу и не позволять тем, кто могущественнее или богаче, угнетать других. Теперь я убежден, что представительная демократия лучше любой другой политической системы позволяет решить именно эту задачу — защиты прав личности. И еще я понял, что благодаря современному индустриальному обществу, которое в юности навело на меня такую тоску, мы добились высочайшего уровня жизни и распространения демократии.

Но тяга к свободе у меня сегодня не меньше, чем тогда — во время той потрясающей «избирательной кампании» 1988 года. Я до сих пор мечтаю, чтобы люди были свободны, чтобы никто никого не угнетал, чтобы государства не имели права загонять людей за частокотлы границ и посредством запретительных тарифов мешать им сотрудничать друг с другом.

Именно поэтому мне так нравится явление, обозначаемое малосодержательным понятием «глобализация», — процесс все более беспрепятственного перемещения через государственные границы людей, информации, товаров, инвестиций, демократии и рыночной экономики. Благодаря этой «интернационализации» нас все меньше сковывают искусственные рубежи, изрезавшие политическую карту мира.

Политическая власть всегда была порождением географии, в ее основе — контроль над определенной территорией. Глобализация позволяет нам все свободнее преодолевать эти территориальные рамки, путешествуя, торгуя или вкладывая капиталы по всему миру. Благодаря снижению транспортных расходов, изобретению новых, более эффективных средств связи, либерализации торговли и движения капиталов пространство нашего выбора кардинально расширилось и появилось множество новых, немыслимых ранее возможностей.

Нам уже не обязательно покупать товары у местной компании-монополиста — ее иностранные конкуренты к нашим услугам. Мы не обязаны трудиться у единственного работодателя в родной деревне: можно поискать другие варианты. Прошло время, когда мы довольствовались культурными достижениями только собственной страны, — перед нами открыта вся сокровищница мировой культуры. Мы больше не обречены всю жизнь провести в том месте, где родились: теперь можно свободно путешествовать по миру и переезжать туда, куда захотим.

Все эти новые реалии «освобождают» и само наше мышление. Мы больше не настроены подчиняться привычному укладу жизни: мы хотим сами делать выбор — энергично и свободно. Фирмам, политикам, организациям теперь приходится приложить немало усилий, чтобы добиться интереса или поддержки со стороны людей, перед которыми открылся целый мир новых возможностей. Мы все больше обретаем способность самостоятельно определять свою жизнь, а вместе с этим растет и наше благосостояние.

Потому мне кажется печальным недоразумением тот факт, что люди, называющие себя анархистами, выступают против глобализации, а не в ее защиту! В июне 2001 года я побывал в Гётеборге, где в это время проходил важный саммит Евросоюза. Я приехал туда, чтобы объяснить: проблема ЕС

заключается в том, что эта структура часто препятствует глобализации и либерализации, а также изложить свою идею о необходимости упразднения границ и государственного регулирования.

Произнести свою речь мне так и не удалось. Место, где проходил митинг, на котором я должен был выступать, вдруг превратилось в настоящее поле боя — так называемые анархо-антиглобалисты принялись громить магазины и швырять камнями в полицейских, пытавшихся защитить нас — людей, реализующих свое право на свободу собраний. Эти «анархисты» требовали введения запретов и регулирования, бросали камни в людей, исповедующих иные ценности, и настаивали, чтобы государство вновь взяло власть над людьми, которые освободились от оков национальных границ. Они издевались над самой идеей свободы. Во времена нашего веселого «Анархистского фронта» у нас бы язык не повернулся назвать этих людей анархистами. В нашем «черно-белом» подростковом сознании для них нашлось бы единственное определение — фашисты.

Но подобные проявления насилия — лишь один из элементов масштабного движения, критически относящегося к усилению глобализации. В последние годы все больше людей утверждают, что вновь обретенная свобода и интернационализм зашли слишком далеко и порождают «гиперкапитализм». Участники движения протеста против этого «глобального капитализма» могут называть себя радикалами, говорить, что выступают за новые перспективные идеи: их аргументы — лишь очередной вариант все того же противодействия свободе рынков и торговли, традиционно характерного для государственных властей. Многие — авторитарные режимы в странах третьего мира и «еврократы», аграрные движения и корпорации-монополисты, интеллектуалы-консерваторы и «новые левые» — боятся, что в результате глобализации люди отберут часть власти у политических институтов. Всех их объединяет представление о глобализации как о некоем чудовище, вырвавшемся из-под контроля, которое надо срочно изловить и посадить на цепь.

Зачастую критики глобализации стараются изобразить ее как гигантское и угрожающее явление, причем никаких обоснованных аргументов в защиту этого тезиса не приводится. Говорится, к примеру, о том, что более полусотни

гигантских корпораций по масштабам экономической деятельности сравнимы с крупными государствами, или о том, что на мировом финансовом рынке ежедневно обращается до 1,5 триллиона долларов, как будто в самом масштабе происходящего заключено нечто опасное и пугающее. Однако все это лишь арифметика, никак не проясняющая суть дела. Надо еще доказать, что большой бизнес или масштаб денежного оборота сами по себе является чем-то негативным, но подобными доказательствами критики глобализации не часто себя утруждают. В данной книге я попытаюсь обосновать противоположную точку зрения: пока у нас есть возможность свободного выбора, нет ничего плохого в том, что некоторые формы добровольного сотрудничества благодаря своей эффективности развиваются успешно и масштабно.

Впечатляющие цифры вроде вышеприведенных, да и само понятие «глобализация», появившееся еще в начале 1960-х годов, но получившее широкое распространение лишь в 1980-х, создают образ некоей анонимной, загадочной, тайной силы. Поскольку процесс глобализации определяется действиями отдельных людей во всех уголках земного шара, он кажется хаотичным и безудержным. Сетую на отсутствие «действенных сил, способных противостоять анархическим силам глобальной экономики, обуздать их и придать им цивилизованный характер», политолог-теоретик Бенджамин Барбер выразил настроение множества своих единомышленников-интеллектуалов¹.

Многие ощущают свое бессилие перед лицом глобализации, и такое чувство можно понять, если учесть, до какой степени этот процесс определяется «децентрализованными» действиями миллионов людей. Когда другие самостоятельно определяют свою жизнь, мы не имеем власти над ними, но взамен обретаем власть над собственной жизнью. И это только к лучшему: никто не занимает места кормчего, потому что у руля стоим мы все.

Интернет бы зачах, если бы мы каждый день не обменивались посланиями, не заказывали книги, не скачивали музыку через эту глобальную компьютерную сеть. Ни одна компания не импортировала бы товары, если бы их не покупали, и никто не стал бы вкладывать капиталы в других странах, если бы там не было предпринимателей, желающих развивать свой бизнес или основать новый, чтобы удовлетворить потре-

бительский спрос. Глобализация — это совокупность поступков, которые мы совершаем каждый день. Мы едим эквадорские бананы, пьем французское вино, смотрим американские фильмы, заказываем книги в Англии, работаем в компаниях, торгующих с Германией или Россией, проводим отпуск в Таиланде и вносим деньги на счета в пенсионных фондах, которые вкладывают их в Латинской Америке и Азии. Потоки капитала проходят через финансовые корпорации, а товары за рубежом закупают торговые фирмы, но все это делается только потому, что так хотим мы. Процесс глобализации идет «снизу», а политики просто пытаются за ним угнаться и выдумывают аббревиатуры вроде ЕС, МВФ, ООН, ВТО, ЮНКТАД или ОЭСР, надеясь ввести его в некое «русло».

Конечно, идти в ногу со временем — дело непростое, особенно для интеллектуальной элиты, привыкшей считать, что все и всегда у нее под контролем. В своей книге о шведском поэте и историке Эрике Густафе Ейере, жившем в XIX веке, Андерс Энмарк чуть ли не с завистью пишет о том, что Ейер был в курсе всех важных мировых событий, не покидая родной Упсалы, — он просто регулярно читал *Edinburgh Review* и *Quarterly Review*². Таким вот простым и понятным был мир, когда ход событий на международной арене определяла крайне немногочисленная элита в европейских столицах. Но каким же сложным и непонятным он становится сегодня, когда «пробуждаются» другие континенты и на мировое развитие начинают влиять решения, принимаемые повседневно миллионами простых людей. Неудивительно, что люди, обладающие властью — политики и высокопоставленные чиновники, — заявляют: из-за глобализации «мы» (то есть они) утрачиваем контроль над событиями. Да, *они* его частично теряют — потому что контроль переходит к *нам*, обычным гражданам.

Конечно, это не означает, что все мы поголовно войдем в состав мировой элиты, но для участия в процессе глобализации этого и не требуется. Особенное благо она принесет бедным и обездоленным: их материальное положение намного улучшится, когда приток недорогих товаров из-за рубежа больше не будет сдерживаться тарифными барьерами, а иностранные инвестиции приведут к созданию новых рабочих мест и оптимизации производства. Люди, которые по-прежнему живут там, где родились, чрезвычайно выигрывают

от беспрепятственного движения информационных потоков через государственные границы и возможности свободно выбирать своих политических представителей. Но для этого надо идти вперед по пути демократических реформ и либерализации экономики.

Требование большей свободы выбора может показаться банальным, но на самом деле это не так. Тем из нас, кто живет в богатых странах, новые глобальные возможности могут показаться ненужной роскошью или даже вызвать раздражение. Что ни говори о качестве кофе в кофейнях Starbucks или безвкусных американских реалити-шоу, невыносимыми их не назовешь — по крайней мере, Starbucks. А вот существование, от которого глобализация может избавить жителей стран третьего мира, поистине невыносимо. Бедняки там живут в крайней нищете, грязи, невежестве, бесправии, они не знают, смогут ли завтра поесть досыта, они вынуждены за несколько миль носить воду, которая к тому же далеко не всегда пригодна для питья.

Когда глобализация постучалась в дверь Бхаганта, пожилого батрака из касты неприкасаемых, живущего в индийской деревне Сайджани, она принесла ему и его односельчанам дома из кирпича вместо глинобитных хижин. В деревне появилась канализация, и вместо тяжелого запаха нечистот воздух теперь наполнен ароматом возделанной земли, жители больше не ходят босиком; они носят чистую одежду вместо лохмотьев. Тридцать лет назад Бхагант не знал даже названия страны, в которой живет. Сегодня он смотрит международные новости по телевизору³.

Новообретенная свобода выбора означает, что люди уже не обречены батрачить у богатых и влиятельных крестьян — единственных работодателей в деревне. Женщины, получив работу в городах, приобретают больший вес и в семье. Формирование новых рынков капитала означает, что детям Бхаганта, если им надо занять денег, больше не придется идти к местным ростовщикам, которые заставляют отрабатывать долги. Иго ростовщиков, некогда державших в руках всю деревню, свергнуто: теперь люди могут обращаться за кредитом в различные банки по своему выбору.

Поколение, к которому относится сам Бхагант, сплошь неграмотно, из его детей и их сверстников мало кто посещал школу, теперь же его внуки и дети их возраста учатся *все без*

исключения. По мнению Бхаганта, положение явно изменилось к лучшему. Сегодня у людей больше свободы, они стали богаче. Вот только дети отбиваются от рук. В его времена они были послушными и помогали по дому, а теперь стали чересчур самостоятельными, сами зарабатывают себе на жизнь. Подобные вещи, конечно, вызывают раздражение, но разве это можно сравнить с тем, что было раньше, когда дети зачастую не доживали до совершеннолетия или семьям приходилось продавать их в рабство ростовщикам-лихоимцам.

От позиции, которую вы, я и другие жители богатых стран мира займем по отношению к актуальнейшей проблеме глобализации, будет зависеть ответ на вопрос — получат ли многие другие люди доступ к благам развития, которое уже преобразило деревню, где живет Бхагант, или этот процесс обернется вспять.

Критики глобализации часто рисуют зловещую картину заговора хищников-неолибералов*, стремящихся обеспечить мировое господство капитализма. Так, политолог Джон Грей описывает распространение рыночной экономической политики в буквальном смысле как некий «государственный переворот», организованный сторонниками «радикальной» идеологии, «просочившимися» во властные структуры. «Цель этой революции», по словам Грея, состоит в «полной и окончательной изоляции неолиберального экономического курса от демократического контроля в политической жизни»⁴. Некоторые ученые мужи, в том числе редактор журнала *American Prospect* Роберт Каттнер и экономист Джозеф Стиглиц, даже называют сторонников свободного рынка адептами некоего квазирелигиозного культа, который они определяют как «рыночный фундаментализм».

Однако дерегулирование, приватизация и свобода торговли — не изобретение ультралиберальных идеологов. Конечно, идеями экономического либерализма вдохновлялись некоторые политические лидеры — например, Рейган

* Я использую понятие «либерал» в европейском истолковании — как относящееся к носителям либеральных традиций XIX века, выступающим за свободу торговли, рыночную экономику и гражданские права, — а не в том смысле, который в него обычно вкладывают в Америке, где либерал — это человек, исповедующий левоцентристские политические взгляды. В американском политическом спектре к традиционным либералам наиболее близки «либертарианцы».

или Тэтчер. Однако самые радикальные реформы в этом направлении осуществляли коммунисты в Китае и СССР, сторонники протекционизма в Латинской Америке и националисты в Азии. Многие европейские страны вышли на этот путь по инициативе социал-демократов. Одним словом, утверждения о «заговоре» ультралибералов, проводящих свою «революцию» методами шоковой терапии, не соответствуют действительности. Напротив, инициаторами либерализации экономики выступают прагматичные, нередко антилиберальные политики, осознавшие, что их правительства слишком далеко зашли в стремлении контролировать все и вся. Что же касается тезиса о «мировой гегемонии» либерального капитализма, то для его опровержения достаточно привести один факт: никогда еще в истории государственный сектор не был так велик, а налоги — так высоки, как в сегодняшнем мире. Меры по либерализации экономики позволили ликвидировать некоторые из централизаторских перекосов, доставшихся нам в наследство от прошлого, но они ни в коей мере не означают введения системы *laissez faire*. А поскольку, частично отказываясь от этатизма, власти сами определяли условия и темпы этого «отступления», вопрос логично поставить по-другому: может быть, либерализация зашла не слишком далеко, а недостаточно далеко?

Когда я говорю, что хочу выступить в защиту капитализма, я стремлюсь защитить свободу действовать методом проб и ошибок, не спрашивая разрешения у правителей или чиновников. Это та самая свобода, которую я когда-то связывал с анархизмом, только введенная в рамки закона, гарантирующего, что свобода одного не ущемит свободу других. Я хочу, чтобы у каждого была в изобилии такая свобода. Если критики капитализма считают, что этой свободы у нас сегодня в избытке, то, по моему мнению, ее должно быть еще больше — в перепереизбытке, — особенно у всех бедняков мира, которые при нынешнем положении дел не имеют решающего голоса в вопросах, связанных с их собственной работой и потреблением. Потому я без колебаний назвал эту книгу «В защиту глобального капитализма», пусть даже капитализм, которому она посвящается, — это скорее потенциальное будущее, а не реальность сегодняшнего дня.

Капитализм, о котором идет речь, представляет собой не только владение капиталом и возможности для вложения

своих средств. Все это может существовать и в рамках командной экономики. Я говорю о либеральной рыночной экономике, где царит свободная конкуренция, основанная на праве каждого пользоваться своей собственностью и личной свободой для проведения переговоров, заключения сделок и образования новых предприятий. Иными словами, я защищаю экономическую свободу личности. Капиталисты опасны в том случае, когда они, вместо того чтобы стремиться к получению прибыли в условиях честной конкуренции, объединяются с государством. Если в стране существует диктаторский режим, частные корпорации нередко становятся соучастниками нарушения прав человека: пример тому — действия ряда западных нефтяных компаний в африканских странах⁵. Точно так же нельзя назвать *настоящими* капиталистами тех бизнесменов, что рыщут по коридорам власти, добиваясь для себя льгот и привилегий. Напротив, они представляют собой угрозу для свободного рынка, а потому их поведение заслуживает всяческой критики и противодействия. Часто бизнесменам нравится играть в политику, а политикам — в бизнес. Когда такое происходит, мы имеем дело не с рыночной, а со смешанной экономикой, где предприниматели и политики играют не те роли, что им отведены. Капитализм является свободным, когда политики проводят либеральный курс, а предприниматели занимаются своим прямым делом — бизнесом.

Я верю, в первую очередь, не в капитализм или глобализацию. Материальные блага, инновации, общность между людьми, сокровища культуры — все это создают не административные системы или нормативные акты, а люди. Поэтому я верю в способность человека к великим свершениям, я верю в коллективную силу людей, возникающую в результате нашего взаимодействия и сотрудничества. Я выступаю за расширение свободы и открытости не потому, что считаю какую-то конкретную систему более эффективной, чем другая, а потому, что свобода и открытость создают предпосылки для развития творческой активности, и в этом с ними не сравнится ни одна система. Они становятся движущей силой гуманитарного, экономического и научно-технического прогресса. Вера в капитализм не равносильна вере в рост, экономику, эффективность. Все это пусть позитивные, но всего лишь результаты деятельности людей. По сути, вера в капитализм — это вера в человечество и его успех.

Подобно большинству других либералов, я могу подписаться под словами французского премьера-социалиста Лионеля Жоспена о том, что нам нужна «рыночная экономика, но не рыночное общество». Я не хочу, чтобы экономические сделки заменили все другие отношения между людьми. Я за то, чтобы человеческие отношения были свободными и добровольными — во всех областях. В сфере культуры это означает свободу самовыражения и печати. В политике — демократию и верховенство закона. В обществе — право каждого жить в соответствии с собственными ценностями и самому выбирать круг общения. В экономике же это означает капитализм и свободный рынок.

Я не хочу, чтобы мы клеили ценники на все, что нас окружает. Важнейшие вещи в жизни — любовь, семья, дружбу, собственный неповторимый образ жизни — не измерить в долларах. Те, кто считает, что, по мнению либералов, все действия людей определяются стремлением увеличить свои доходы, ничего не знают о либералах, а те либералы, кто действительно так думает, ничего не знают о человеческой природе. Я пишу книгу о значении глобализации, а не работаю, скажем, бухгалтером или рыбаком вовсе не из желания получить больше денег. Я пишу о том, во что я верю и считаю важным. И я хочу жить в либеральном обществе потому, что оно дает людям право самим определять, что для них важно.

В заключение хочу от всего сердца поблагодарить друзей, помогавших мне правильно выстроить свои мысли по этим вопросам, — помогавших по той простой причине, что их это тоже волнует, — в особенности Фредрика Эриксона, Софию Нербранд и Маурисио Рохаса. Отдельное спасибо Барбро Бенгтсон, Шарлотте Хагблад и Кристине фон Унге за то, что они так умело привели мою рукопись в надлежащий вид.

Стокгольм, январь 2003 года

Глава 1

С каждым днем жизнь становится лучше...

Полуправда

Люди издревле считали, что дела идут все хуже и хуже, и сетовали о «старых добрых временах» — еще в 1014 году епископ Йоркский Вульфстан объявил в одной из проповедей: «Мир охвачен лихорадкой и близится к своему концу». В нынешних дискуссиях вокруг глобализации за отправную точку часто берется именно эта мысль — мир катится в тартарары. Несколько лет назад папа Иоанн Павел II, словно переключаясь с собратом по клиру через пропасть почти в десять столетий, подытожил развитие событий в мире таким образом: «Во многих регионах происходит возрождение некоего капиталистического неолиберализма, который подчиняет человеческую личность слепым рыночным силам и обуславливает развитие народов действием этих сил... Таким образом, мы видим, что в рамках международного сообщества горстка стран несоразмерно богатеет за счет растущего обнищания множества других стран: в результате богатые становятся все богаче, а бедные — все беднее»¹.

Говорят, что несправедливости в мире становится все больше. Критики рыночной экономики, словно греческий хор, скандируют: «Богатые становятся еще богаче, а бедные — еще беднее». Причем это преподносится как некая аксиома, а не тезис, который необходимо обосновать. Но стоит отвлечься от хлестких лозунгов и посмотреть, что на самом деле происходит в мире, как выяснится: это утверждение — лишь полуправда. Первая его часть соответствует действительности: богатые и правда становятся еще богаче — не все

до одного, конечно, но в целом это так. Те, кому посчастливилось жить в развитых странах, за последние десятилетия действительно стали заметно богаче. То же самое можно сказать и о богатых людях в третьем мире. Но вторая часть утверждения критиков ошибочна. Бедные — опять же в общем и целом — не стали за последние десятилетия беднее. Напротив, число людей, живущих в абсолютной нищете, сократилось, а там, где их было больше всего, — в Азии — беднякам, которые еще двадцать лет назад с трудом сводили концы с концами, сегодня гарантировано приличное существование и даже некий скромный достаток. Невзгоды людей в мировом масштабе уже не столь остры, и самые вопиющие проявления несправедливости начали смягчаться. Чтобы опровергнуть широко распространенные, но неверные представления о сути происходящего в современном мире, в этой вводной главе пришлось поместить немалое количество цифр и графиков².

Среди книг, опубликованных в последние годы, одна из самых интересных называется «По азиатскому времени: Индия, Китай и Япония в 1966–1999 годах». Она представляет собой своеобразный путевой дневник, в котором шведский писатель Лассе Берг и фотограф Стиг Карлссон рассказывают о недавней поездке по тем же азиатским странам, которые посетили еще в 1960-х годах³. Тогда, более тридцати лет назад, они видели вокруг нищету, страдания и унижения; казалось, эти государства движутся к неминуемой катастрофе. Как и многие другие иностранцы, побывавшие в этих странах, Берг и Карлссон смотрели на их будущее без оптимизма; единственным выходом им тогда представлялась социалистическая революция. Однако, вернувшись в Индию и Китай в 1990-х, они осознали свою ошибку. Все больше жителей этих стран преодолевают нищету, проблема голода уже не стоит так остро, даже улицы стали чище. На месте глинобитных хижин появились кирпичные дома с электроснабжением и телевизионными антеннами на крыше.

Когда Берг и Карлссон в первый раз побывали в Калькутте, 10% жителей этого города не имели крыши над головой, и каждое утро грузовики, нанятые властями или благотворительными организациями, колесили по улицам, собирая трупы тех, кто не пережил прошедшую ночь. Через тридцать лет, когда авторы книги решили сфотографировать

бездомных, найти хотя бы одного оказалось непросто. С городских улиц исчезают рикши — люди теперь ездят на машинах, мотоциклах или в метро.

Берг и Карлссон показывали молодым индусам фотографии, сделанные тридцать лет назад, но те просто не верили, что их город мог когда-то выглядеть так. Неужели все действительно было настолько ужасно? Одно из потрясающих свидетельств о происшедших переменах — две фотографии, помещенные в книге рядом. На снимке, сделанном в 1976 году, двенадцатилетняя девочка по имени Сатто показывает фотографу свои руки, уже огрубевшие и покрытые мозолями от тяжелого труда. На втором, недавнем снимке в той же позе изображена дочь Сатто — тринадцатилетняя Сима. У нее гладкие, мягкие руки — такие же, как у любой девочки, которую не лишили нормального детства.

Но больше всего изменились образ мысли и мечты людей. Телевидение и пресса несут им идеи и образы со всех концов света, расширяя представления о границах возможного. Почему человек должен всю жизнь сидеть на одном месте? Почему женщина обязана уже в юном возрасте рожать детей, принося в жертву свою карьеру? Почему браки заключаются по соглашению между родителями (и боже упаси взять жену или мужа из касты неприкасаемых) — ведь в других странах люди строят семейную жизнь по собственной воле? Почему мы должны мириться именно с этой формой правления — в мире существует много других вариантов политического устройства!

Лассе Берг самокритично замечает:

Сегодня, читая прогнозы, сделанные наблюдателями — иностранцами или самими индийцами в шестидесятых и семидесятых годах, понимаешь, что ни один из них не оправдался. Сколько было мрачных сценариев — говорили о перенаселенности, социальной нестабильности и потрясениях или экономической стагнации, — но никто не смог предугадать этого спокойного и неуклонного продвижения вперед, а тем более такой «модернизации» в умах. Кто мог предвидеть, что культура потребления так глубоко проникнет даже в сельскую глубинку? Кто прогнозировал столь успешное развитие экономики и общий

рост жизненного уровня? Оглядываясь назад, можно сказать, что у всех этих сценариев была одна общая черта: раздувание всего необычайного, пугающего, непредсказуемого (тут у каждого автора был свой «конек») и недооценка мощной тяги людей к «нормальной» жизни⁴.

Все то, о чем пишет Лассе Берг, оказалось возможным без социалистической революции — нынешние достижения стали результатом нескольких десятилетий последовательного укрепления индивидуальной свободы. Расширились свобода выбора и масштабы международных связей и обменов, инвестиции и международная помощь, направляемая на цели развития, принесли с собой не только финансовые ресурсы, но и новые идеи, что позволило развивающимся странам воспользоваться знаниями, богатствами и техническими достижениями других стран. Условия жизни людей улучшились за счет импортных лекарств и модернизации системы здравоохранения. Современные технологии и новые методы организации производства позволили увеличить выпуск продукции, в том числе в пищевой промышленности, и проблема голода была решена. Граждане становились все более свободными в выборе профессии и торговле продуктами своего труда. Из статистических данных видно, насколько это способствует благосостоянию страны в целом и сокращению бедности. Однако важнее всего — сама свобода, независимость и чувство собственного достоинства, которые дает людям, прежде подвергавшимся угнетению, возможность самостоятельно принимать решения.

По мере распространения гуманистических идей рабство, еще несколько столетий назад распространенное по всему миру, изгонялось с одного континента за другим. Нелегально оно, правда, существует и сегодня, но с момента освобождения последних рабов в странах Аравийского полуострова в 1970 году эта система запрещена законом практически во всех странах мира. На смену принудительному труду, характерному для докапиталистических форм организации экономики, быстро приходит свободное заключение трудовых соглашений и свободное перемещение трудовых ресурсов в те сектора рынка, где на них возникает спрос.

Преодоление бедности

По сравнению с 1965 годом среднестатистический доход на душу населения в мире к 1998 году удвоился. Это произошло не за счет многократного роста доходов жителей развитых стран: за тот же период средние доходы самых состоятельных 20% населения планеты увеличились на 75%. Значительно больше — в два с лишним раза — выросли доходы беднейших 20% жителей Земли. В странах Запада благосостояние повысилось на 40%, в Латинской Америке — на 60%, в Африке — на 80%, а в Азии, самом густонаселенном континенте, — на 300%⁵.

Благодаря улучшению материального благосостояния людей за последние полвека сегодня более 3 миллиардов жителей планеты преодолели черту бедности. Это беспрецедентный результат во всей мировой истории. Специалисты из Программы развития ООН (ПРООН) отмечают, что за последние пятьдесят лет масштабы бедности сократились больше, чем за предыдущие пятьсот. В подготовленном этой организацией «Докладе о человеческом развитии за 1997 год» утверждается, что сегодня человечество переживает «второй великий подъем» (первый начался в XIX веке, когда США и Европа провели индустриализацию и уровень жизни стал расти ускоренными темпами). Нынешний подъем начался после Второй мировой войны, и сегодня этот процесс в самом разгаре — азиатские страны, а за ними и весь третий мир одерживают все больше побед в борьбе с бедностью, голодом, болезнями и неграмотностью.

Огромные успехи в сокращении масштабов бедности, достигнутые в XX веке, показывают, что возможность полного искоренения крайней нищеты в течение первых десятилетий XXI века вполне реальна⁶.

Масштабы бедности сокращаются быстрыми темпами. Под «абсолютной нищетой» обычно понимают доход меньше доллара в день на человека. В 1820 году — в пересчете на тогдашние курсы — таким был доход 85% населения планеты. К 1950 году эта цифра сократилась до 50%, а к началу 1980-х — до 33%. Сегодня, по данным Всемирного банка, доля населения, живущего в абсолютной нищете, в развивающихся странах сократилась почти в два раза — с 40 до 21%.

Это означает, что по всему миру за 1981–2001 годы данный показатель снизился с 33 до 18%. При этом достижения последних двадцати лет беспрецедентны не только с точки зрения процентных показателей, но и в абсолютных цифрах: впервые в истории сократилось общее число людей, живущих в крайней нищете, — их стало меньше почти на 400 миллионов, в то время как численность населения Земли за тот же период увеличилась на 1,5 миллиарда. Причиной такого результата стал экономический рост. В странах и регионах, где благосостояние увеличивалось быстрее всего, — Восточной Азии, Китае, Индии, мы видим самые лучшие результаты в борьбе с бедностью. Так, в Восточной Азии за последние два десятилетия доля населения, живущего в абсолютной нищете, сократилась с 58 до 16%, а в Южной Азии — с 52 до 31%⁷.

Впрочем, даже эти обнадеживающие цифры почти наверняка не полностью передают подлинный масштаб сокращения бедности: известно, что методика статистических исследований, на которых основаны оценки Всемирного банка, весьма ненадежна. Сурджит С. Бхалла, прежде работавший в Банке экономистом, недавно опубликовал собственные расчеты, дополнив результаты этих исследований данными национальных статистических органов. Он убедительно доказывает, что такая методика позволяет получить более точные оценки. Согласно исследованию Бхаллы, масштабы бедности в мире сократились еще больше — с 44% в 1980 году до 13% на конец 2002 года. Если его расчеты верны, получается, что за последние двадцать лет темпы преодоления бедности были просто невероятными, беспрецедентными — они вдвое превышали показатели за любой другой двадцатилетний период, по которому имеется такая статистика. В этом случае поставленная ООН задача сократить долю бедных людей во всем мире до 15% к 2015 году уже выполнена и перевыполнена⁸.

Конечно, у скептиков в этой связи может возникнуть вопрос: «А нужны ли жителям развивающихся стран экономический рост и общество потребления? Можно ли навязывать им наш образ жизни?» На это я бы ответил так: навязывать любой образ жизни нельзя никому. Однако большинство людей в мире, какие бы ценности они ни исповедовали, хотят, чтобы их материальное благосостояние росло — по той простой причине, что это дает им больше возможностей по собственному усмотрению распорядиться новообретенным богатством.

Лауреат Нобелевской премии индийский экономист Амартия Сен в своих трудах подчеркивает, что бедность — проблема не только материальная. Она влечет за собой еще и бесправие, недоступность элементарных возможностей для развития и свободы выбора. Весьма часто низкий доход — симптом этих явлений, результат того, что людей вытесняют на обочину общества, подвергают угнетению. Развитие человека предусматривает право на определенный уровень здоровья и безопасности, достойное качество жизни и возможность свободно определять собственную судьбу. Изучение материальных аспектов развития важно как для того, чтобы выявить способы приумножения богатства в обществе, так и потому, что материальные факторы способствуют развитию в вышеуказанном, широком смысле. Материальные ресурсы индивида и общества позволяют человеку обеспечить себе пропитание, образование, получать медицинскую помощь и не хоронить своих детей, не доживших до совершеннолетия. Когда у людей появляется возможность самостоятельного выбора, выясняется, что именно такие желания свойственны практически всем жителям планеты.

Улучшение условий жизни людей по всему миру проявляется и в резком увеличении средней ожидаемой продолжительности жизни. В начале XX века в нынешних развивающихся странах этот показатель не достигал и тридцати лет;

Рисунок 1. Рост средней ожидаемой продолжительности жизни

Источник: UNDP. Human Development Report 1997. New York: Oxford University Press for the United Nations Development Program, 1997.

к 1960 году вырос до 46 лет, а в 1998-м составил 65 лет. Сегодня в развивающихся странах люди в среднем живут на 15 лет дольше, чем жили столетие назад граждане *наиболее развитой* в экономическом отношении державы тогдашнего мира — Британии. Наименьшие темпы развития наблюдаются в Тропической Африке, а в последние годы разразившаяся там эпидемия СПИДа сводит на нет даже то небольшое, чего этим странам удалось достичь. С 1960 года средняя ожидаемая продолжительность жизни в регионе увеличилась всего на пять лет (с 41 до 46). Наибольшая средняя ожидаемая продолжительность жизни по-прежнему наблюдается в самых богатых странах — в государствах — членах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) этот показатель составляет 78 лет. Однако *по темпам роста* лидируют именно бедные страны. В 1960 году средняя ожидаемая продолжительность жизни в развивающихся странах была на 40% меньше аналогичной цифры для развитых государств. Сейчас разница составляет лишь 20%. Сегодня 90% жителей планеты могут надеяться на то, что проживут больше 60 лет, — то есть в два с лишним раза дольше, чем их предки сто лет назад.

В книге «По азиатскому времени...» Берг описывает, как, приехав в Малайзию после тридцатилетнего перерыва, вдруг понял, что за время его отсутствия средняя ожидаемая продолжительность жизни в этой стране возросла на 15 лет. Таким образом, все эти годы на каждый день рождения малайзийцы получали в подарок шестимесячную «отсрочку» собственной смерти⁹.

Улучшение состояния здоровья людей связано не только с повышением качества питания и улучшением условий жизни, но и с совершенствованием системы здравоохранения. Двадцать лет назад в мире на тысячу человек приходился в среднем один врач, сегодня — 1,5. В беднейших странах данный показатель на 1980 год составлял 0,6, сегодня число врачей в этих странах почти удвоилось — до 1 на тысячу жителей. Вероятно, самой показательной характеристикой условий жизни бедных людей является уровень младенческой смертности, и в этом отношении ситуация в развивающихся странах радикально улучшилась. Если в 1950 году там умирало 18% новорожденных — почти пятая часть, — то к 1975 году этот показатель снизился до 11%, а к 1995-му — до 6%. Только за последние тридцать лет младенческая смерт-

Рисунок 2. Снижение уровня младенческой смертности

Источник: UNDP. Human Development Report 1997. New York: Oxford University Press for the United Nations Development Program, 1997.

ность сократилась почти вдвое — со 107 на тысячу зарегистрированных новорожденных в 1970 году до 59 в 1998-м. Таким образом, все больше детей в бедных семьях получают шанс выжить. Поскольку доля бедных в населении планеты постоянно уменьшается, можно предположить, что масштабы бедности в мире сокращаются еще значительно, чем следует из приведенных статистических данных.

Проблема голода

Увеличение продолжительности жизни и улучшение здоровья населения планеты непосредственно связаны со снижением угрозы со стороны одного из самых жестоких проявлений слабого экономического развития — голода. С 1960-х годов количество потребляемых калорий на душу населения в третьем мире выросло на 30%. По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, в 1970 году 960 миллионов жителей развивающихся стран недоедали. К 1991 году этот показатель снизился до 830 миллионов, а в 2001-м составил уже менее 800 миллионов. Если учесть рост численности населения, то можно говорить о резком улучшении ситуации. Тридцать лет назад от хронического недоедания страдали почти 37% жителей развивающихся стран, сегодня — 17%. Большая цифра? Да. Слишком большая? Несомненно. Но число голодающих быстро уменьшается. Швеции в начале XX века понадобилось двадцать лет, чтобы окончательно избавиться от проблемы хронического недоедания.

В мире же за последние тридцать лет число людей, страдающих от голода, снизилось вдвое; как ожидается, эта динамика сохранится и к 2015 году соответствующая цифра составит всего 10%. Численность населения планеты достигла беспрецедентной величины, но никогда в истории люди не были так хорошо обеспечены продуктами питания. В 1990-х годах число голодающих уменьшалось в среднем на 3 миллиона в год при общем росте населения земного шара за это десятилетие на 800 миллионов человек.

Наиболее динамичные перемены происходили в Восточной и Юго-Восточной Азии: там доля голодающих за период с 1970 года сократилась с 43 до 10%. В Латинской Америке этот показатель снизился с 19 до 11%, в Северной Африке и на Ближнем Востоке — с 24 до 11%, в Южной Азии — с 37 до 24%. Наихудшая ситуация сложилась в Тропической Африке, где число людей, страдающих от голода, увеличилось — с 92 миллионов до почти 200 миллионов. Но даже в этом регионе их доля по отношению к общей численности населения немного, но снизилась — с 35 до 33%¹⁰.

За последние полвека объем производства продуктов питания в мире удвоился, а в развивающихся странах — утроился. Потребление продуктов питания на душу населения с 1961 по 1999 год повысилось на 24% — с 2257 до 2808 калорий в день. Самый быстрый рост наблюдался в развивающихся странах, где потребление увеличилось на 39% — с 1932 до

Рисунок 3. Снижение масштабов проблемы голода в мире

Источник: Food and Agriculture Organization of the United Nations. The State of Food and Agriculture. Document C99/2 to FAO Conference. 30th Session. Rome, 1998, November 12–13.

2684 калорий¹¹. Подобный результат лишь в очень незначительной степени связан с освоением новых земель. Главная причина — более эффективное использование имеющихся сельскохозяйственных площадей. Отдача с одного гектара возделываемой земли фактически удвоилась. Цены на пшеницу, кукурузу и рис снизились более чем на 60%. За период с начала 1980-х годов цены на продовольствие упали вдвое, а урожайность на единицу пахотных площадей повысилась на 25% — причем в бедных странах эти процессы проходили быстрее, чем в богатых.

Таков триумфальный результат «зеленой революции». Были созданы более урожайные и более устойчивые сельскохозяйственные культуры, а методы сева, ирригации, удобрения почв и сбора урожая постоянно совершенствовались. Сегодня 75% урожая пшеницы, собираемого в развивающихся странах, приходится на новые, более эффективные сорта; по оценкам, именно за счет этого фермеры получили дополнительный доход в 5 миллиардов долларов. В южной Индии благодаря «зеленой революции» реальные заработки фермеров за двадцать лет, по оценкам, выросли на 95%, а безземельных крестьян-батраков — на 125%. В наименьшей степени результаты «зеленой революции» ощущаются в Тропической Африке, но даже там сбор маиса с гектара увеличился на 10–40%. Как считают эксперты, в отсутствие этой революции цены на пшеницу и рис были бы выше нынешних почти на 40%, а число детей в мире, страдающих от хронического недоедания, — больше на 2%. Сегодня продовольственная проблема никак не связана с перенаселенностью планеты. Причиной голода в наши дни становится отсутствие доступа к имеющимся знаниям и технологиям, недостаток финансов и стабильности в обществе. По мнению многих ученых, внедрение современных методов земледелия во всех странах мира позволило бы кормить все население Земли даже при большей на миллиард численности¹².

Частота вспышек массового, катастрофического голода также уменьшилась, в основном благодаря распространению демократии. Массовая гибель людей от голода имела место в странах с самыми разнообразными формами правления — в коммунистических государствах, колониальных империях, при технократических диктаторских режимах и в обществах с племенной организацией. Однако во всех случаях

речь шла о централизованных авторитарных государствах, где подавлялась свобода дискуссий и рыночных отношений. Как отмечает Амартия Сен, ни в одной демократической стране катастрофического голода ни разу не было. Даже бедные демократические государства, например, Индия или Ботсвана, избежали подобного явления, хотя и имели меньше продовольственных ресурсов, чем многие из стран, переживавших голод. И напротив, в коммунистических странах — Китае, СССР, Камбодже, Эфиопии и Северной Корее, — а также колониях (например, в Индии во времена британского владычества) такие катастрофы происходили. Это показывает, что причина голода заключается не в дефиците продовольствия, а в диктатуре. Виновниками голода являются правители, разрушающие производство и торговлю, ведущие войны или игнорирующие бедственное положение собственного населения.

По мнению Сена, демократическим государствам удастся избежать голода потому, что предотвратить его не так уж трудно — если у властей есть такое желание. Правящим кругам достаточно не ставить препон в распределении продовольствия и создавать рабочие места для тех, у кого в кризисные периоды не хватает денег на еду. Однако диктаторов ничто не вынуждает этим заниматься — они едят досыта, даже если весь народ голодает, — в то время как демократически избранный лидер, неспособный решить проблему снабжения продовольствием, просто лишится своего поста. Кроме того, свободная пресса информирует общество о возникающих проблемах, что позволяет вовремя принимать меры. В условиях диктаторского режима из-за цензурных ограничений даже глава государства может заблуждаться относительно масштабов бедствия. К примеру, есть немало данных о том, что во время «большого скачка» в Китае (1958–1961), когда 30 миллионов человек погибли от голода, руководители страны верили собственному пропагандистскому аппарату и подтасованной статистике, которой их снабжали подчиненные, и в результате думали, что ничего катастрофического не происходит¹³.

Во всем мире улучшилась не только продовольственная ситуация; в два раза увеличились доступные объемы качественной питьевой воды — для развивающихся стран это очень важно, поскольку позволяет снизить уровень заболеваемости и не допускать эпидемий. Сегодня 80% населения

Земли имеют доступ к чистой питьевой воде — на миллиард больше, чем в 1990 году. Еще тридцать лет назад 90% сельских жителей планеты не имели чистой воды. Сейчас эта цифра составляет менее 20%. В начале 1980-х годов меньше половины индийцев могли пить чистую воду, а уже через десять лет их число возросло до 80%. Для Индонезии аналогичные показатели составляют соответственно 39 и 62%. Некоторые страны, например, Кувейт и Саудовская Аравия, сегодня в значительной мере удовлетворяют свои потребности в питьевой воде за счет опреснения морской воды, запасы которой фактически неисчерпаемы. Опреснение — процесс дорогостоящий, однако опыт этих государств показывает, что экономическое благосостояние позволяет решить и проблемы, связанные с дефицитом природных ресурсов.

Образование

Один из самых эффективных способов обеспечить развитие личности и помочь человеку больше зарабатывать — дать ему образование; тем не менее многие люди лишены такой возможности. Проблема доступности образования во многом носит гендерный характер: 65% детей, которые не ходят в школу, в результате чего остаются неграмотными, — девочки. Кроме того, эта проблема напрямую связана с нищетой. Во многих странах люди из беднейших слоев общества вообще не получают образования. Дети из бедных семей не ходят в школу потому, что либо родители просто не имеют возможности платить за обучение, либо, по их мнению, расходы на образование не имеют достаточной «отдачи». В Индии дети из 15% самых зажиточных семей учатся в среднем на десять лет дольше, чем их сверстники из 15% беднейших семей. Неудивительно поэтому, что ускорение экономического развития сопровождается быстрым повышением уровня образованности в обществе, а это, в свою очередь, стимулирует дальнейший экономический рост.

Сегодня в мировом масштабе начальное образование получают уже почти 100% детей. Явным исключением вновь стала Тропическая Африка, но даже для нее этот показатель составляет 75%. Развивается и среднее образование: если в 1960 году его получали 27% детей по всему миру, то в 1995 году — уже 67%. За этот же период доля детей, посещающих школу, увеличилась на 80%. Сегодня в мире живет почти

Рисунок 4. Распространение грамотности в развивающихся странах

Источник: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. The World Education Report 2000. Paris: UNESCO Publishing, 2000.

900 миллионов неграмотных взрослых. В количественном отношении эта цифра выглядит внушительной, и она действительно велика, но в процентном отношении здесь наблюдается большой прогресс: если в 1950 году 70% жителей развивающихся стран не умели читать и писать, то сегодня таких осталось 23%. С 1990 года число неграмотных снизилось на 10% — почти на 75 миллионов. Гендерные различия в этой области также постоянно сокращаются. О том, насколько быстро распространяется грамотность в сегодняшнем мире, видно из сравнения долей грамотных людей в разных поколениях. Неграмотность среди молодежи быстро сходит на нет.

Демократизация

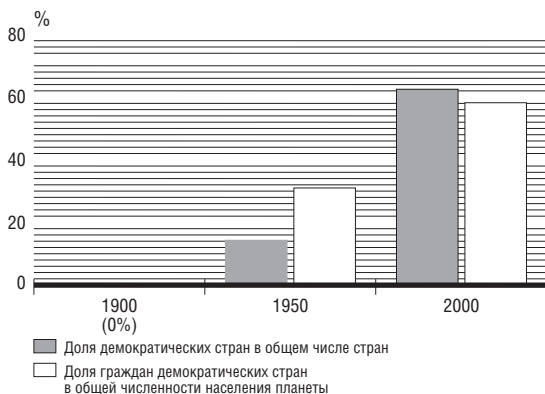
Возросшая скорость распространения информации и идей в мировом масштабе в сочетании с повышением уровня образования и материального благосостояния побуждает людей все активнее бороться за свои политические права. Критики глобализации утверждают, что динамичное развитие рынка и «интернационализация» капитала представляют угрозу для демократии, но на деле все это угрожает лишь их возможностям навязывать всем *свое* толкование демократии. Современная эпоха с точки зрения распространения демократических институтов, всеобщего избирательного права и возможностей самостоятельно формулировать мнение по политическим вопросам не имеет себе равных в истории.

Сто лет назад ни в одной стране мира не было всеобщего и равного избирательного права. На планете преобладали империи и монархии. Даже на Западе женщины были исключены из демократических процессов. В XX веке многие регионы мира находились под властью коммунизма, фашизма, национал-социализма — идеологий, вызвавших масштабные войны и массовые политические убийства, жертвами которых стали более 100 миллионов человек. Сегодня, за небольшими исключениями, эти политические системы ушли в прошлое. Тоталитарные государства рухнули, на смену диктатурам пришел демократический строй, а абсолютные монархи лишились трона. Сто лет назад треть населения земного шара жила в колониях, управлявшихся из метрополий за семью морями. К настоящему времени колониальные империи демонтированы. За последние десятилетия мы стали свидетелями того, как диктатуры рушатся одна за другой — особенно после падения «железного занавеса». С окончанием холодной войны канула в Лету и циничная стратегия Вашингтона по поддержке тех диктаторских режимов в третьем мире, которые выступали противниками советского блока.

По данным аналитической организации Freedom House, по состоянию на 2002 год в мире существует 121 страна с демократическим строем, многопартийной системой, всеобщим и равным избирательным правом. В этих государствах проживает 3,5 миллиарда людей, или около 60% населения планеты. К категории «свободных» — то есть демократических государств, где полностью соблюдаются права человека, Freedom House относит 85 стран с населением в 2,5 миллиарда человек. В этих странах живет более 40% населения Земли — беспрецедентная цифра! Иными словами, больше трети человечества является гражданами государств, где власть гарантирует верховенство закона, свободу дискуссий и не препятствует активным действиям оппозиции.

По состоянию на 2002 год, основополагающие права человека нарушались в 47 государствах. Самые вопиющие случаи зафиксированы в Бирме, Ираке, на Кубе, в Ливии, Саудовской Аравии, Северной Корее, Сирии, Судане и Туркменистане — то есть странах, наименее затронутых глобализацией и не ориентированных на либерализм и рыночную экономику. Угнетение, подавление свободомыслия, кон-

Рисунок 5. Распространение демократии в мировом масштабе

Источник: Freedom House. *Democracy's Century: A Survey of Global Political Change in the 20th Century*. New York: Freedom House, 2000.

троль властей над средствами массовой информации и прослушивание разговоров граждан заслуживают самого решительного осуждения и противодействия, но не стоит забывать о том, что еще несколько десятков лет назад подобное положение дел было характерно для большинства стран мира. Так, в 1973 году из всех государств мира с населением свыше миллиона человек демократический строй существовал лишь в двадцати¹⁴.

За 1990-е годы количество стран, относящихся к категории «свободных», увеличилось на 21, а «несвободных» государств стало на три меньше. Распространение демократии происходило параллельно с образованием новых государств на месте распавшихся прежних, например СССР. Сегодня тенденция к демократизации сохраняется, и нет никаких оснований считать, что в нынешних условиях этот процесс приостановится. Порой утверждают, будто демократия плохо сочетается с исламом, и на сегодняшний день так может казаться, но не стоит забывать, что в 1970-е годы многие исследователи говорили то же самое о католицизме, поскольку тогда среди католических стран были военные режимы Латинской Америки, коммунистические государства Восточной Европы и диктатуры, подобные режиму личной власти Фердинанда Маркоса на Филиппинах.

За последние десятилетия количество войн в мире снизилось вдвое, и сегодня вооруженные конфликты напрямую затрагивают менее 1% населения планеты. Одна из причин этого состоит в том, что демократические страны не воюют друг с другом, а другая — в том, что развитие международных связей и обменов делает войну все менее подходящим способом решения конфликтов. В условиях свободы передвижения и торговли обычных людей уже меньше волнуют территориальные размеры собственного государства. Они повышают свое благосостояние не за счет захвата других стран, а за счет торговли с ними и коммерческого использования их ресурсов. Но если бы мир состоял из государств, наглухо закрывших собственные границы, чужие территории имели бы ценность только как объект аннексии.

В XVI веке в приграничных районах Швеции и Дании бытовала поговорка: «Мир заключила говядина». Крестьяне из обеих стран самостоятельно, вопреки воле правителей, устанавливали мирные отношения друг с другом, потому что были заинтересованы в обмене мяса и масла на сельдь и пряности. Еще в XIX веке французский либерал Фредерик Бастиа остроумно заметил: «Если границу не пересекают товары, ее непременно пересекут войска». Взаимозависимость означает, что причин для межгосударственных конфликтов становится меньше. Совместные предприятия, транснациональные корпорации, капиталовложения за рубежом, частная собственность на сырьевые ресурсы — все это приводит к тому, что границы между государствами все больше стираются. К примеру, несколько веков назад, когда шведы разоряли Европу, они разрушали и грабили имущество чужестранцев. Если бы Швеция попробовала проделать нечто подобное сегодня, пострадала бы и собственность многих шведских компаний, не говоря уже о шведских капиталах и рынках сбыта.

Утверждают, что глобализация, ослабляя государственный суверенитет, порождает сепаратизм, а с ним — локальные и межэтнические конфликты. Конечно, когда полномочия центральных властей ставятся под вопрос, опасность сепаратизма действительно возникает, и трагедия бывшей Югославии наглядно свидетельствует о том, что в будущем подобные кровавые конфликты не исключены. Однако число масштабных междоусобиц — жертвами которых стало более тысячи человек — снизилось с двадцати в 1991 году до три-

надцати в 1998-м. Причем девять из них произошли на африканском континенте, в наименьшей степени затронутым глобализацией, демократизацией и развитием капитализма. Конфликты, возникающие после крушения тоталитарных государств, чаще всего являются результатом борьбы за власть в условиях временного политического вакуума. В некоторых странах централизованные режимы не допускают появления и развития стабильных демократических институтов и гражданского общества, поэтому, когда централизованная власть рушится, на время, пока эти институты не сформируются, воцаряется хаос. Однако нет никаких оснований считать, что в условиях глобальной интернационализации и демократизации именно такая тенденция будет превалировать.

Угнетение женщин

Одной из величайших несправедливостей нашего мира, несомненно, является угнетение женщин. В некоторых странах женщину рассматривают как собственность мужчины. Отец решает, с кем дочери заключать брак, а муж — чем должна заниматься жена. Есть государства, где муж является официальным владельцем паспорта или удостоверения личности своей жены, в результате чего она лишена свободы передвижения даже в собственной стране. В некоторых странах закон запрещает женщинам подавать на развод, владеть собственностью и заниматься любой работой вне дома. Дочерям отказывают в праве наследовать имущество — оно распространяется только на сыновей. Девочки не только не получают такого же образования, как мальчики, — очень часто они вообще не посещают школу. Власти закрывают глаза на избиение и изнасилование женщин или нанесение ритуальных увечий их половым органам.

Многие сетуют, что глобализация разрушает традиции и обычаи; это действительно так. Каким образом можно поддерживать, скажем, патриархальный уклад в семье, если дети начинают зарабатывать больше, чем ее глава? Одна из традиций, которым угрожает глобализация, — подчиненное положение женщин. Благодаря расширению культурных связей и обмена идеями у людей появляются новые надежды и устремления. К примеру, жительница Индии, увидев по телевизору, что в других странах женщинам отнюдь не уготована роль домохозяйки, задумывается о том,

чтобы стать врачом или юристом. Некоторые китаянки, прежде жившие в условиях полной изоляции, начали требовать большей самостоятельности в принятии решений относительно собственной жизни, прочитав об этом на веб-сайте www.gaopenxie.com. Само название сайта — в переводе с китайского «высокие каблуки» — символизирует свободу, связанную прежде всего с отказом от традиции перевязывать девочкам ноги. Когда женщины самостоятельно принимают решения в сферах потребления и занятости, они начинают активнее требовать равных прав с мужчинами и во всем остальном.

«Родители учили меня быть ухоженной и воспитанной. Я должна была быть послушной и учтивой, во всем подчиняться им или моим учителям... Когда у меня будут собственные дети, я хочу, чтобы в моей семье существовало равноправие между мужем и женой, между родителями и детьми. У нас все было не так. Поколение моих родителей принимало как должное, что замужней женщине предстоит прожить жизнь в четырех стенах, делая все дела по дому, даже если у нее есть работа. Думаю, скоро эта эпоха безвозвратно уйдет в прошлое» (Шань Инь, двадцатидвухлетняя китаянка, работающая в одном из шанхайских банков)¹⁵.

С ростом материального благосостояния в мире у женщин появляется больше независимости и возможностей зарабатывать на жизнь. Опыт Африки и других регионов показывает, что женщины проявляют недюжинные предпринимательские способности в рамках кустарного производства и товарообмена в неформальном секторе. Это позволяет предположить, что свободный рынок без дискриминации и государственного регулирования позволил бы им максимально реализовать свои способности. О том же свидетельствуют и факты: чем больше распространяется в мире свобода в сфере занятости и рыночная экономика, тем труднее становится лишать женщин возможности участвовать в хозяйственной деятельности. Сегодня женщины составляют 42% всех работников в мире (двадцать лет назад — 36%). В капиталистической экономике неважно, кто изготовил товар — мужчина или женщина: главное, чтобы он был кон-

курентоспособным. Более того, любая дискриминация убыточна, поскольку она не позволяет задействовать в производстве способности и труд определенных категорий рабочей силы. Все научные исследования показывают, что соблюдение прав женщин и их способность занимать подобающее положение в семье напрямую связаны с наличием у них возможностей устроиться на работу и обеспечивать себя материально.

Технический прогресс часто способствует прогрессу социальному. Так, в Саудовской Аравии женщины могут появляться на публике, только если их тело и лицо — за исключением рук, ступней и глаз — полностью скрыто одеждой. Кроме того, ряд занятий — например, вождение автомобиля — им просто запрещен. На практике это приводило к тому, что любая экономическая деятельность оказывалась для женщин недоступной. Однако сегодня, с распространением телефонной связи и Интернета, женщины получили возможность заниматься бизнесом, не выходя из дома, — с помощью компьютера. За короткое время в стране появилось множество малых предприятий, принадлежащих женщинам, — в таких областях, как индустрия моды, организация турпоездов, конференций и банкетов. Именно в этом заключается одна из причин, по которой две трети пользователей Интернета в Саудовской Аравии составляют женщины. Естественно, когда сразу несколько тысяч женщин делом доказывают, что способны не хуже мужчин конкурировать на рынке даже в условиях дискриминации, абсурдность запретов, которыми обставлена их жизнь, становится еще очевиднее. В результате в стране нарастает критика дискриминации по гендерному признаку¹⁶.

Другим следствием демократизации становится активное участие женщин в политике, и число стран, где законодательство, устанавливающее неравенство между полами, подвергается пересмотру, постоянно растет. Перекосы в законах о разводе и наследовании имущества постепенно ликвидируются. Принцип равенства всех перед законом распространяется в мире вместе с демократией и капитализмом. Идея равного человеческого достоинства наносит удар по дискриминации женщин.

Рост материального благосостояния также способствует гендерному равенству. Изучив ситуацию с образова-

нием в Индии, специалисты Всемирного банка пришли к такому выводу: хотя мальчики чаще девочек получают школьное образование во всех группах населения, независимо от дохода семьи, масштаб этого диспаритета напрямую зависит от уровня обеспеченности. По данным этого исследования, в самых зажиточных семьях разница между числом девочек и мальчиков, посещающих школу, составляет всего 2,5 процентных пункта. В беднейших семьях эта разница достигает уже 34 процентных пунктов¹⁷. Даже в тех регионах мира, где существует наибольшее неравенство, — в Южной Азии, Африке, на Ближнем Востоке, — доля девочек, посещающих школу, за последние четверть века удвоилась. Разница между долями мужчин и женщин, получивших школьное образование, по всему миру за последние два десятилетия сократилась более чем наполовину. Если брать общемировые показатели, то сегодня девочки составляют 46% от общего числа школьников.

Эта статистика сулит важные перемены к лучшему не только для самих женщин, но и для их детей. Рост образовательного уровня и заработка матери быстро приводит к улучшению питания и образования ее детей, тогда как связь между доходами отца и благосостоянием детей не столь ярко выражена. В Южной Азии, где бесчеловечное отношение к женщине как человеку «второго сорта» приводило — и до сих пор приводит — к высокому уровню смертности среди девочек в первые годы жизни, сегодня показатель ожидаемой продолжительности жизни у детей женского пола в среднем выше, чем у их сверстников-мальчиков. Что же касается развивающихся стран в целом, то за последние полвека средняя ожидаемая продолжительность жизни женщин третьего мира увеличилась на двадцать лет. Кроме того, повышается влияние женщин и в вопросах деторождения. Улучшение ситуации с правами женщин в бедных странах, наряду с распространением контрацепции, сопровождается снижением рождаемости.

Хелен Рахман из организации Shoishab (эта группа, получающая финансовую поддержку от Oxfam, действует в столице Бангладеш Дакке, помогая обездоленным и бездомным детям, а также работающим женщинам) утверждает, что развитие текстиль-

ной промышленности в стране за последние двадцать лет способствовало повышению социального статуса женщин: «Производство одежды стало катализатором незаметной революции в обществе. Раньше считалось неприемлемым, чтобы женщина работала за пределами квартала, где она живет. В прошлом каждая женщина, переехавшая из деревни в город, подвергалась остракизму: все думали, что там она занимается проституцией. Теперь, если пять девушек вместе снимают дом, на них никто не смотрит косо». Хелен подметила и перемены в поведении людей: «Тот факт, что женщина сама зарабатывает деньги, повышает ее социальный статус и расширяет возможности жизненного выбора. Одним из самых позитивных результатов этого стало увеличение среднего возраста вступления девушек в брак»¹⁸.

Китай

Примерно половина всех бедняков мира живут в двух крупнейших по численности населения странах — Китае и Индии, поэтому развитие событий в этих государствах имеет особое значение. Последние двадцать лет Китай и Индия переживают масштабную экономическую либерализацию. В конце 1970-х годов вожди коммунистического диктаторского режима в Пекине осознали, что коллективизация сельского хозяйства препятствует развитию страны. Централизованный контроль над производством — в частности, требование, чтобы крестьяне сдавали всю продукцию государству, — приводил к истощению земель и снижению урожайности. Правитель Китая Дэн Сяопин не желал расставаться с социалистическими принципами перераспределения. Однако он понимал, что лучше «распределять» богатство, чем нищету, а богатеть страна может, только если предоставить людям больше свободы. Поэтому в декабре 1978 года, через два года после смерти Председателя Мао, Дэн Сяопин приступил к осуществлению программы либерализации экономики. Крестьянским семьям, которых прежде принудительно объединяли в сельскохозяйственные «коммуны», теперь было разрешено оставлять часть продукции себе и продавать ее по рыночным ценам; со временем эта система становилась все

более либеральной. Таким образом, у китайцев появился стимул для инвестиций в сельскохозяйственное производство и повышения его эффективности. Желавших воспользоваться предоставленной возможностью выйти из коммуны и официально арендовать землю у государства оказалось столько, что в стране произошла, вероятно, самая масштабная приватизация в истории — почти все сельскохозяйственные земли перешли в частные руки. Реформа полностью оправдала себя: с 1978 по 1984 год урожаи росли невероятными темпами — на 7,7% ежегодно. В стране, которая всего двадцатью годами раньше пережила самый страшный голод в истории человечества, возникло перепроизводство продуктов питания.

Вскоре аналогичные рыночные стимулы стали вводиться и в других секторах экономики. На первом этапе были созданы свободные экономические зоны, где не действовали принципы административно-командной системы. Китайские предприниматели смогли самостоятельно выходить на международный рынок, потрясающий успех этого нововведения повлек за собой либерализацию «по всему фронту». Была разрешена торговля в сельской местности, а также товарообмен между городом и деревней. В результате прежде замкнутые, самодостаточные деревни интегрировались в региональные и даже общенациональные рынки. Возросшая производительность труда, а с нею и покупательная способность крестьян побуждала многих из них вкладывать деньги в создание частных или кооперативных промышленных предприятий. С тех пор прежде немыслимые явления — либерализация рынка труда и внешней торговли, иностранные прямые инвестиции — все больше становятся неотъемлемой частью повседневной жизни страны.

Информация об этих преобразованиях носит несколько противоречивый характер: в условиях всевластной диктатуры получить надежные статистические данные непросто. Однако все наблюдатели сходятся в одном — экономический рост и повышение уровня жизни в Китае не имеют precedентов в истории. Считают, что в течение двадцати лет после начала первых реформ темпы роста экономики составляли почти 10% в год, а объем ВВП страны за этот период увеличился более чем в четыре раза. За два десятилетия Китай по размерам ВВП сначала сравнялся с Германией, а затем превзошел Германию, Италию, Францию и страны Северной Европы,

вместе взяты. Благодаря либерализации сельского хозяйства в 1978 году доходы 800 миллионов китайских крестьян удвоились всего за шесть лет. Экономист Шучжэ Яо утверждает, что за эти годы полмиллиарда китайцев сумели вырваться из абсолютной нищеты (хотя само наличие такой проблемы официальная статистика долго скрывала). Всемирный банк назвал этот феномен «самым масштабным и быстрым сокращением бедности в истории»¹⁹.

Конечно, у Китая еще могут возникнуть серьезнейшие экономические проблемы. Поскольку государство регулирует потоки капитала, гигантские кредиты предоставляются неэффективным предприятиям госсектора или фирмам, находящимся под «покровительством» чиновников, а малые и средние предприятия испытывают острый дефицит капитала. Власти защищают банки и корпорации от независимой экспертизы, что может спровоцировать масштабный кризис. Однако преобразования в экономике носят настолько фундаментальный характер, что возврат к ситуации, существовавшей до 1978 года, как с точки зрения экономической политики, так и в плане благосостояния граждан, уже невозможен.

Бойня на площади Тяньаньмэнь, действующий во многих регионах запрет иметь в семье больше одного ребенка, репрессии в Тибете и Синьцзяне, преследование движения «Фалунь Гун», политзаключенные, томящиеся в лагерях, — все это показывает, что перемены, увы, затронули не все аспекты жизни Китая. Коммунистическая партия продолжает репрессивную политику, но все меньше остается тех, кто считает, что в условиях экономической либерализации нынешний режим продержится долго. Уже благодаря самому этому процессу граждане получили ряд важнейших прав. Если раньше китайцы были вынуждены работать там, где предписывало государство, то теперь они сами решают, чем заняться. В свое время поездки по стране и переселение в другой регион были практически невозможны, а переезд из деревни в город полностью исключался. Теперь китайцы получили почти полную свободу передвижения, носят ту одежду, какую хотят, и тратят деньги в основном по собственному усмотрению.

Жители деревень получили больше свободы в выборе своих представителей в местные органы. В целом избирательный процесс по-прежнему контролируется коммунисти-

ческой партией, но там, где случаются исключения, люди выражают поддержку переменам. Сегодня почти треть деревень фактически освободилась от партийного контроля, а некоторые крестьяне даже требуют предоставить им право выбирать членов общенациональных партийных органов. В долгосрочной перспективе сочетать демократию на местах с диктатурой центра будет очень непросто. Хотя за инакомыслие человека еще могут арестовать, сегодня в стране высказываются самые разнообразные мнения — во многом благодаря зарубежному влиянию и распространению Интернета. Появляются независимые организации, власти уже не в состоянии контролировать информационные потоки. Даже газеты демонстрируют большую независимость в суждениях, а коррумпированные чиновники в открытую подвергаются критике.

Индия

В отличие от Китая, в Индии сразу после обретения независимости утвердился демократический строй, однако в экономике эта страна пошла по пути жесткого государственного регулирования. В попытке создать самодостаточное народное хозяйство правительство финансировало создание крупных промышленных предприятий, которые защищались от конкурентов высочайшими импортно-экспортными барьерами. Эта чрезвычайно затратная политика потерпела фиаско. Любая экономическая деятельность была обставлена множеством правил и инструкций, а буквально каждый шаг требовал официальных разрешений, получить которые без связей и взяток было практически невозможно. Вместо британского колониального режима в стране воцарился «режим разрешений». Власть перешла к бюрократии. Индийцам, стремившимся заняться бизнесом, приходилось тратить массу усилий на «подмазывание» чиновников, а в случае успеха этой операции они получали гарантированную защиту от конкуренции в своей сфере деятельности. Экономический рост едва поспевал за ростом населения, а число людей, живущих за чертой бедности, увеличилось с 50% населения на момент обретения независимости до 62% в 1966 году.

В середине 1970-х годов в Индии пусть медленно, но началось переустройство экономики. Вместо протекциониз-

ма и автаркии упор стали делать на конкурентные преимущества страны в трудоемких производствах. В 1980-х годах экономический рост начал набирать темпы, а число людей, живущих в нищете, — снижаться. Однако этот процесс финансировался за счет кредитов, и в начале 1990-х дело закончилось жесточайшим кризисом. В 1991 году правительство провело серию реформ, призванных навести порядок в финансовой сфере, создать более благоприятные условия для торговли и зарубежных инвестиций, развивать конкуренцию и предпринимательскую активность. Уровень тарифов, достигавший в среднем «запретительных» 87%, был снижен до 27%. Три сменявших друг друга правительства, несмотря на то что они представляли разные партийные коалиции, проводили последовательный курс на освобождение экономики от многочисленных ограничений.

Хотя для того, чтобы Индию можно было назвать страной с подлинно рыночной экономикой, необходимо еще провести ряд масштабных реформ, страна уже достигла огромных результатов за счет более эффективного использования имеющихся ресурсов. С начала реформ в Индию потекли иностранные инвестиции, а экономический рост составляет 5–7% в год. Доля населения, живущего за чертой бедности, снизилась примерно до 32%. Особенно быстро ситуация стала улучшаться вслед за экономическими преобразованиями. Только за период реформ (1993–1999) доля бедняков сократилась на 10 процентных пунктов. Если бы не реформы, число индийцев, живущих в нищете, сегодня было бы больше на 300 миллионов. С конца 1960-х годов прирост населения снизился на 30%, а средняя ожидаемая продолжительность жизни (на момент провозглашения независимости она равнялась 30 годам) на сегодняшний день увеличилась вдвое — до 60 лет²⁰. Сейчас половина бедных семей в Индии имеет в доме часы, треть — радиоприемник, а 40% — телевизор.

Впрочем, в разных штатах Индии развитие событий шло неодинаково — все зависело от масштаба проводившихся на региональном уровне реформ. Многие сельские районы — а именно там живет большинство бедняков — оказались не затронутыми серьезными мерами по либерализации экономики, и уровень нищеты там остался прежним. В то же время в других штатах, особенно южных — Андхра-Прадеше, Карнатаке и Тамилнаде, — темпы либерализации весьма вы-

соки. Показатели экономического роста в этих регионах превышают общенациональные, порой достигая невероятных 15% в год; именно сюда поступает большая часть инвестиций, как из-за рубежа, так и из других районов Индии. В экономике страны произошло «информационно-технологическое чудо»: сектор производства компьютерных программных продуктов демонстрирует ежегодный рост на уровне 50%. Не случайно именно в индийском штате Андхра-Прадеш компания Microsoft создала единственный в мире полномасштабный исследовательский центр помимо того, который действует при ее штаб-квартире в Редмонде. Экономический рост отразился и на социальном развитии «продвинутых» регионов. В среднем именно в «реформаторских штатах» наблюдаются наибольшие успехи в совершенствовании систем здравоохранения и образования, быстрее всего преодолеваются нищета и неграмотность. Если раньше девочки часто не получали даже элементарного образования, то сегодня по доле посещающих школу они быстро догоняют мальчиков. В нескольких штатах (Андхра-Прадеш, Махараштра) масштабы бедности по сравнению с концом 1970-х годов сократились на 40%, тогда как в регионах, где не была проведена либерализация, например в Бихаре и Уттар-Прадеше, прогресса в этой области почти нет²¹.

Индийская кастовая система — своеобразный аппарат, разделяющий людей на категории и определяющий отношение к ним в зависимости от семьи, из которой они происходят, — была отменена на официальном уровне, но оказалась крайне живучей. На местах выходцев из низшей касты по-прежнему третируют как людей «второго сорта», отказывая им в равных правах с остальными. Однако эта система постепенно разрушается, поскольку в рыночной экономике предрассудкам не место: при найме на работу учитываются деловые качества человека, а не происхождение его семьи. Все чаще и чаще люди из касты неприкасаемых впервые в истории получают право участвовать в собраниях жителей деревни. Правительство не поддерживает кастовую систему, а, наоборот, проводит пропагандистские кампании, направленные против дискриминации. Одним из явных признаков прогресса в этой области стал тот факт, что в 1997–2002 годах пост президента Индии занимал выходец из касты неприкасаемых К. Р. Нараянан.

Глобальное неравенство

Многие критики глобализации скажут, что прогресс — это хорошо, но, даже если большинство людей стали жить лучше, пропасть между богатыми и бедными только увеличивается, и положение зажиточных людей и стран улучшается гораздо быстрее, чем благосостояние всех остальных. Так что проблема неравенства сегодня даже обострилась. Эти критики указывают, что сорок лет назад совокупный объем ВВП на душу населения двадцати самых богатых стран превышал аналогичный показатель двадцати самых бедных стран в 15 раз, а сегодня — уже в 30.

Однако этот упрек в адрес глобализации несостоятелен по двум причинам. Во-первых, даже если дело действительно обстоит таким образом, это мало влияет на общую ситуацию. Если улучшается благосостояние всех людей, так ли уж важно, что для кого-то этот процесс идет быстрее, чем для остальных? Несомненно, самое главное — чтобы все жили как можно лучше, а не то, что какая-то группа оказывается богаче другой. Лишь тот, кто считает богатство худшим злом, чем бедность, может видеть проблему в том, что кто-то становится миллиардером, даже если в то же самое время материальное положение других улучшается по их собственным меркам. Лучше уж быть бедняком по меркам американского общества, со всем его неравенством (в США по состоянию на 2001 год считалось, что за чертой бедности живут те, чей годовой доход меньше 9039 долларов), чем «равным среди равных» в Руанде, где на тот же 2001 год объем ВВП на душу населения (в пересчете на покупательную способность) составлял 1000 долларов, или в Бангладеш (1750 долларов), или в Узбекистане (2500 долларов)²². Часто причина усиления имущественного неравенства в некоторых странах, где проводятся экономические реформы, например, в Китае, заключается в том, что в городах темпы экономического роста выше, чем на селе. Но, с учетом общего беспрецедентного сокращения бедности как в городе, так и в деревне, неужели найдется человек, который предпочтет, чтобы этого вообще не было?

Бедность — не всегда синоним нищеты. Многие показатели бедности носят относительный характер, то есть оценивается не материальное положение че-

ловека как таковое, а его благосостояние по сравнению с другими. Скажем, согласно одному часто используемому (в частности ПРООН) критерию, бедным считается человек, чей доход составляет менее половины средней зарплаты в его стране. Таким образом, весьма зажиточный гражданин бедной страны вроде Непала считался бы нищим, как церковная мышь, по меркам богатой страны вроде Соединенных Штатов. Поэтому такие относительные показатели нельзя сравнивать, если речь идет о разных странах. Те, кто в США попадает в категорию бедняков, не всегда живут в условиях, которые мы обычно ассоциируем с бедностью. Так, 72% бедных американских семей имеют хотя бы одну машину, у 50% дома оборудованы кондиционерами, у 72% есть стиральная машина, у 20% — посудомоечная машина, у 60% — микроволновая печь, у 93% — цветной телевизор, у 60% — видеоплеер, а 41% являются собственниками домов, в которых они живут (показатели, по которым семья признается бедной, учитывают только регулярно получаемые доходы; владение недвижимостью при этом в расчет не берется)²³.

Во-вторых, утверждения о росте неравенства попросту неверны. Представление о том, что разрыв между богатыми и бедными в мире увеличивается, основано на статистике Программы развития ООН, в особенности на данных из «Доклада о человеческом развитии за 1999 год». Однако здесь есть проблема: эти данные составлялись без пересчета на покупательную способность. Другими словами, в оценках ПРООН не учитывается, что именно люди могут купить на имеющиеся у них деньги. Но без такой коррекции приведенные данные в основном говорят об официальном курсе валюты той или иной страны и о том, как эта валюта котируется на международном рынке, — а это весьма неточный показатель для оценки бедности. Реальный уровень жизни бедняков, естественно, куда больше зависит от стоимости продуктов питания, одежды и жилья в их стране, чем от того, что они смогли бы купить на свои деньги, отправившись в кризис по Европе. Самое странное здесь в том, что при составлении индекса человеческого развития — стандартно-

го критерия оценки уровня жизни — та же ПРООН использует статистические данные с поправкой на покупательную способность. Некорректными цифрами эта организация оперирует лишь в тех случаях, когда стремится подтвердить тезис о росте неравенства.

В одном из докладов Норвежского института внешней политики вопрос о глобальном неравенстве изучен на основе данных, учитывающих покупательную способность. Авторы доклада пришли к выводу, что, вопреки общепринятым представлениям, с конца 1970-х годов неравенство между различными странами постоянно *сокращается*. Особенно ускорился этот процесс в 1993–1998 годах, когда глобализация по-настоящему набрала темп²⁴. Выводы норвежских ученых подтвердило и более позднее исследование экономиста из Колумбийского университета Ксавьера Сала-и-Мартина. Как выяснил Сала-и-Мартин, если пересчитать статистические данные ПРООН с учетом покупательной способности, окажется, что уровень неравенства в мировом масштабе резко сократился по любым общепринятым меркам²⁵. Кроме того, Бхалла и Сала-и-Мартин независимо друг от друга пришли к одинаковому выводу: если взять в качестве точки отсчета неравенство между *людьми*, а не *странами*, получится, что по состоянию на конец 2000 года уровень неравенства в мире был самым низким за весь период после окончания Второй мировой войны. Если при составлении оценочных показателей сравнивается положение стран, а не людей, отмечают оба автора, это приводит к значительному преувеличению реального уровня неравенства, поскольку улучшение благосостояния огромного количества людей нивелируется за счет относительного обнищания немногочисленных групп. При таком сравнении Китай и Гренада имеют равный статистический «вес», хотя население Китая превосходит население Гренады в 12 тысяч раз. Стоит взять за основу положение людей, а не стран, и мы увидим, что подавляющее большинство данных говорит о сокращении разрыва в уровне жизни в мире за последние тридцать лет²⁶. Если сравнить 10% самых богатых и самых бедных стран, то получится, что неравенство действительно увеличивается: это позволяет предположить, что существует небольшая группа «отстающих» (мы еще вернемся к этому вопросу и выясним, какие страны в нее входят и почему). Однако анализ, охватывающий все страны мира, явно

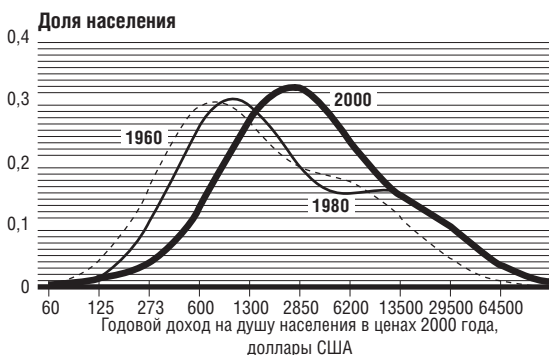
указывает на общий прогресс в области равенства. Если, к примеру, сравнить данные по 20% или трети самых богатых и самых бедных стран, мы увидим, что разрыв между ними уменьшился.

Экономисты обычно измеряют уровень неравенства с помощью коэффициента Джини. Если он равен нулю, это означает, что в обществе существует полное равенство и доходы всех абсолютно одинаковы. Если же коэффициент равен единице, речь идет об абсолютном неравенстве, когда все принадлежит одному человеку. Так вот, с 1968 по 1997 год коэффициент Джини для мира в целом снизился с 0,6 до 0,52 — то есть более чем на 10%.

Поскольку разрыв между богатыми и бедными *внутри* каждой страны за этот период, судя по всему, практически не претерпел изменений, глобальное неравенство, вопреки распространенному представлению, уменьшается. В отчете Всемирного банка за 1998/1999 год оценивается, среди прочего, и различие в доходах 20% самых богатых и самых бедных людей в развивающихся странах. Естественно, эта разница по-прежнему очень велика, но она сокращается на всех континентах! Единственным исключением стали посткоммунистические государства Восточной Европы: там неравенство растет быстрее всего в тех странах, где реформы продвигаются медленно²⁷.

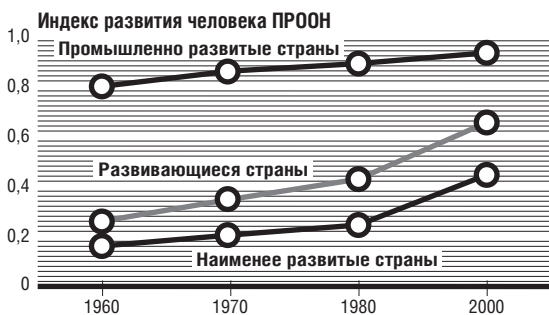
Казалось бы, это противоречит данным, содержащимся в докладе ПРООН за 1999 год, однако выводы последнего сомнительны, не в последнюю очередь из-за того, что организация не включила в него собственную статистику за 1995–1997 годы — период, когда неравенство сокращалось особенно быстро. Более того, совокупный показатель благосостояния, используемый ПРООН, — индекс человеческого развития (ИЧР) — указывает на то, что уровень неравенства снижался даже быстрее, чем подсчитали норвежские исследователи. ИЧР представляет собой сумму различных составляющих благосостояния — доходов, уровня образования и средней ожидаемой продолжительности жизни. Этот индекс варьируется от 0 — максимального неблагополучия до 1 — абсолютного благосостояния. Так вот, за последние сорок лет ИЧР вырос для всех групп стран, но особенно сильно — для самых бедных. В странах ОЭСР с 1960 по 2000 год ИЧР увеличился с 0,8 до 0,92, а в разви-

Рисунок 6. Распределение доходов в мире, 1960, 1980 и 2000

Источник: *Bhalla S. Imagine There's No Country*. Washington: Institute for International Economics, 2002. P. 176.

Рисунок 7. Рост уровня жизни во всем мире

Источник: UNDP. Human Development Report 1997. New York: Oxford University Press for the United Nations Development Program, 1997.

вающихся странах рост был намного более значительным — с 0,26 до 0,65.

Иногда говорят, ссылаясь все на тот же доклад ПРООН, что объем доходов самых богатых 20% населения планеты превышает тот же показатель для 20% самых бедных в 74 раза. Но если оценивать уровень благосостояния, исходя из того, что человек в состоянии купить на свои деньги, — то есть с поправкой на покупательную способность, — выяснится, что реальный разрыв между ними сокращается до 16 раз²⁸.

Необходимые оговорки

Все вышесказанное, естественно, не означает, что в мире царит полное благополучие или что ситуация постоянно улучшается во всех отношениях. Ежегодно на планете около 3 миллионов человек умирает от СПИДа. Одно из жесточайших последствий этой эпидемии заключается в том, что дети теряют родителей: СПИД сделал сиротами 13 миллионов детей — подавляющее большинство из них живет в странах Тропической Африки²⁹. В нескольких африканских странах более 15% взрослого населения страдают этой болезнью. Около 20 миллионов человек сегодня оказались в положении беженцев, спасаясь от репрессий, конфликтов или природных катастроф. Хотя прогнозы относительно запасов воды на планете стали оптимистичнее, нам по-прежнему грозит острый дефицит чистой питьевой воды, что может привести к эпидемиям и вооруженным конфликтам. Около двадцати стран — в основном в Южной Африке — по сравнению с 1965 годом стали не богаче, а беднее. Конечно, масштабы неграмотности, голода и бедности сокращаются, но от них до сих пор страдают сотни миллионов людей. Вооруженные конфликты в мире происходят реже, но это слабое утешение для сотен тысяч людей, подвергающихся избиению, изнасилованию, теряющих родных и близких в войнах.

С перечисленными проблемами особенно трудно смириться из-за того, что мы знаем: их можно решить. Когда низкий уровень развития представляется естественным и неизбежным элементом человеческой жизни, это можно рассматривать как трагическое проявление судьбы. Но когда мы знаем, что такое состояние можно преодолеть, оно превращается в проблему, которую не только можно, но и нужно решать. С этим явлением мы сталкиваемся не впервые: то же самое происходило более двухсот лет назад, когда благодаря промышленной революции уровень жизни на Западе начал расти. Если нищета и страдания окружают вас повсюду, вы быстро перестаете их замечать. Когда же их можно сравнить с противоположными примерами — примерами изобилия и процветания, — у нас открываются глаза, и это хорошо, потому что подобное знание стимулирует усилия по преодолению проблем, которые мы видим вокруг. Однако само существование этих проблем не должно приводить нас к выводу, что ситуация в мире ухудшается, — ведь на самом деле это не так.

Совершенно очевидно, что серьезных проблем на планете более чем достаточно. Но не стоит упускать из виду и другой, потрясающий феномен — радикальное сокращение их масштабов в результате распространения демократии и капитализма. В странах, где дольше всего проводится либеральная политика, нищета и обездоленность стали исключением, а не правилом — в то время как раньше, в любые исторические эпохи, именно они были правилом во всем мире. Нас всех ждут колоссальные перемены, и в то же время мы четко видим политические и технические способы, позволяющие решать существующие проблемы. Поэтому в целом и целом у нас есть все основания смотреть в будущее с оптимизмом.

Глава 2

...и это неслучайно!

Капитализм для всех

Рост благосостояния в мире не обязан «чуду» или какому-то другому «невероятному происшествию», с чем мы привыкли связывать достижения стран, добившихся впечатляющих успехов в экономике и социальной сфере. Строительство новых школ и рост доходов граждан не объяснишь простой «улыбкой фортуны», обрушившей на вас нежданное богатство, словно манну небесную. Все это происходит, когда люди начинают мыслить по-новому и упорно трудиться, чтобы воплотить свои идеи в конкретные достижения. Но такое происходит всегда и везде, и нет никаких оснований считать, что определенные люди из определенных стран в определенный исторический момент почему-то оказываются умнее или способнее других. Успех или неудача зависит от того, поощряет ли социальная среда творческую инициативу и упорный труд или препятствует им. А это, в свою очередь, определяется тем, есть ли у людей возможность свободно развивать свои таланты, владеть собственностью, делать долгосрочные инвестиции, заключать между собой соглашения и торговать. Одним словом, все зависит от того, существует ли в данной стране капиталистический строй. В ныне богатых государствах этот строй в той или иной форме утвердился еще несколько столетий тому назад. Именно поэтому страны Запада и стали *богатыми государствами*. Капитализм дал людям свободу и стимулы для творчества, производства, торговли — то есть создания материальных благ.

Последние двадцать лет этот строй благодаря процессу, называемому глобализацией, стал распространяться по

всему миру. Коммунистические диктатуры на Востоке и военные диктатуры в третьем мире рухнули, а вместе с ними пали барьеры, воздвигнутые, чтобы не допустить свободного обмена идеями, передвижения людей и товаров. Мы являемся свидетелями широкого распространения и признания важного принципа, согласно которому творчество не поддается централизации: стимулировать его можно, только предоставив гражданам право самостоятельно принимать решения, созидать, мыслить, трудиться.

В системе капитализма ни один человек не станет объектом произвола со стороны других. Поскольку у нас всегда есть возможность не подписывать контракт или отказаться от сделки, если они нас не устраивают, единственный способ разбогатеть в условиях рыночной экономики — это предложить людям нечто такое, чего они хотят, за что они готовы заплатить по доброй воле. В ходе свободного обмена обе стороны должны считать, что он принесет им выгоду, — иначе сделка просто не состоится. Таким образом, в экономике не существует «игры с нулевым счетом». Если человек много зарабатывает в условиях рынка, это означает, что он предложил другим людям много товаров и услуг, в которых они нуждаются. Доходы Билла Гейтса и Мадонны исчисляются миллионами, но они не украли эти деньги: они их заработали, предлагая потребителям программные продукты и музыкальные произведения, за которые множество людей готовы платить. В этом смысле их обоих можно назвать нашей «обслугой». Фирмы и индивиды стараются создать более качественные товары и найти более эффективные способы обеспечить наши потребности. Есть и альтернативный путь — когда государство берет под контроль все наши ресурсы и само решает, какие виды деятельности следует поощрять. При этом, правда, возникает вопрос: кто сказал, что государство лучше нас самих знает, что именно для нас важно?

В условиях рыночной экономики цена и прибыль служат своего рода «сигнальной системой», помогающей ориентироваться работнику, предпринимателю и инвестору. Те, кто хочет получать хорошую зарплату или большую прибыль, должны подумать — в каких секторах экономики у них появится возможность наилучшим образом обеспечить потребности других людей? Чрезмерно высокие налоги и социальные выплаты полностью искажают эту систему сигналов

и стимулов. Регулирование цен приводит к разрушительным последствиям, поскольку оно создает помехи для ценовой сигнальной системы, необходимой для нормального функционирования рыночной экономики. Если правительство устанавливает ценовые потолки, то есть требует продавать что-то по цене ниже рыночной (как это произошло со ставками за аренду жилья в Нью-Йорке), результатом становится дефицит. Люди будут держаться за свои квартиры, даже если они им в данный момент не нужны и кто-то готов снять ту же квартиру за большие деньги. Домовладельцы, лишенные возможности взимать более высокую арендную плату, теряют интерес к покупке новых домов, и строительные компании вынуждены отказываться от новых проектов. Кончается все это дефицитом жилья. Если же правительство устанавливает нижний предел цен, то есть намеренно приобретает товар по цене выше рыночной (как это делается во многих странах в отношении сельскохозяйственной продукции), результатом становится перепроизводство. Когда ЕС платит за продукты питания дороже, чем рынок, это приводит к чрезмерному росту занятости в аграрном секторе, в результате продукции производится больше, чем нужно, а ресурсы растрачиваются впустую.

Другой необходимой предпосылкой капитализма является право людей оставлять себе ресурсы, которые они заработали или создали. Если вы, отказывая себе во всем, делаете долгосрочные инвестиции, но большую часть прибыли отбирает кто-то другой, вы, скорее всего, прекратите этим заниматься. Защита прав собственности — основа основ капиталистической экономики. Собственность предусматривает не только право человека на плоды его труда, но и право свободно распоряжаться своими средствами, не спрашивая разрешения у властей. Капитализм превращает людей в первопроходцев, осваивающих «новые земли» экономики.

Сказанное, конечно, не означает, что любой человек, действующий на рынке, по определению *умнее* государственного служащего. Дело в другом: рыночные игроки постоянно находятся в своей конкретной экономической «нише» и, реагируя на колебания цен, всегда в курсе текущей ситуации со спросом и предложением. Тот же, кто занимается централизованным экономическим планированием, просто не в состоянии собрать всю необходимую информацию, да и мо-

тивация, побуждающая учитывать эти данные, у него гораздо слабее. Даже если любой отдельно взятый бюрократ умнее любого рыночного игрока, ему все равно не сравниться с совокупным интеллектом миллиона таких игроков! Они за счет миллиона индивидуальных действий, методом проб и ошибок определяют более эффективный способ использования имеющихся ресурсов, чем это можно сделать одним, даже гениальным распоряжением из центра. Если государство решает, что все ресурсы следует бросить на развитие определенной формы коллективного хозяйства в аграрном секторе, и это решение оказывается неудачным, последствия такой ошибки затронут все общество и при наихудшем развитии событий могут привести к массовому голоду. Но если развитием той же формы хозяйства займется группа людей, в случае провала своей затеи пострадают только они сами, а избыток продукции в других сегментах аграрного сектора гарантирует, что даже самые серьезные последствия этой неудачи не обернутся голодом. Для развития общества такие эксперименты и инновации необходимы, но в то же время связанные с ними риски следует свести к минимуму, чтобы ошибки немногих не ставили под угрозу благосостояние всех. В этом — главное достоинство индивидуального принятия решений и индивидуальной ответственности за их результаты.

Личная ответственность — такая же неотъемлемая черта капитализма, как и личная свобода. У политика или госслужащего, вкладывающего большие деньги в проект по развитию инфраструктуры или кампанию за проведение очередной Олимпиады в его стране, нет таких стимулов к принятию наиболее рациональных решений, как у частного предпринимателя или инвестора. Если что-то пойдет не так и доходы не позволят компенсировать расходы, расплачиваться будут не те, кто принял неудачное решение.

Люди, распоряжающиеся своей, а не «ничьей» ответственностью, всегда действуют с расчетом на долгосрочную перспективу — ведь они знают, что им самим пожинать плоды (или нести убытки). В этом и заключается суть капиталистической экономики — люди откладывают часть того, что уже имеют, чтобы в будущем создать новые материальные блага. Так же поступаем и мы, приращивая собственный «человеческий капитал», когда не жалеем времени и сил, чтобы

получить хорошее образование, позволяющее нам в будущем зарабатывать больше. В экономике это означает следующее: мы не «проедаем» все заработанное, а откладываем часть имеющихся средств, поручая распоряжаться ими тому, кто сделает это эффективнее, чем мы сами, а затем получаем вознаграждение в виде процентов или прибыли. Сбережения и инвестиции обеспечивают поступательное развитие экономики — ведь за их счет финансируются новое оборудование и организационные структуры, позволяющие более продуктивно использовать трудовые ресурсы.

Организационные вопросы очень важны, поскольку за счет добровольного сотрудничества можно изготовить гораздо больше продукции, чем в случае, если все операции от начала до конца делает один человек. У «кустаря-одиночки» на изготовление одного кресла может уйти неделя, но если у него лучше всего получаются работы по дереву и он объединит усилия с другим работником, который отлично накладывает лак, и третьим — специалистом по обивке, то вместе они, возможно, сделают кресло за один день. А имея современное оборудование — еще один результат разделения труда и сотрудничества, — они могли бы изготавливать по сотне кресел в день и получать за свой труд гораздо больше.

Благодаря техническому прогрессу появляется оборудование, позволяющее производить существующие товары с меньшими затратами, а также предлагать людям новую, ультрасовременную продукцию. В результате постоянного повышения производительности за счет разделения труда и технических усовершенствований сегодня отдача с одного человеко-часа в 25 раз больше, чем в середине XIX века. Соответственно и работник получает в 25 раз больше — за счет увеличения зарплаты, улучшения условий труда и сокращения рабочего дня. Когда чей-то труд становится более производительным, находится больше желающих «купить» его. Чтобы получить квалифицированных работников, фирмам приходится повышать зарплату и улучшать условия труда. Если же, напротив, зарплата растет быстрее производительности труда — в результате принятия соответствующих законов или заключения коллективных договоров под диктовку профсоюзов, — количество рабочих мест сокращается, поскольку трудовой вклад работников не стоит тех денег, которые работодатель вынужден им платить. В данном случае «пере-

производство» трудовых ресурсов, искусственно созданное установлением нижнего предела оплаты труда, приводит к безработице.

Политики порой создают видимость роста зарплаты, раскручивая инфляцию, — именно это многие годы происходило в Швеции. Однако, поскольку деньги постоянно обесцениваются, увеличение зарплаты в этих условиях носит иллюзорный характер. В долгосрочной перспективе обеспечить рост реальной зарплаты может только развитие экономики и повышение производительности труда.

Любая политическая и экономическая система нуждается в правилах, и капитализм, даже в его самой либеральной форме, здесь не исключение: ему по определению необходимы правила, определяющие законные права собственности, составление контрактов, урегулирование споров и многое другое. Эти правила создают основу для эффективного функционирования рынка. Но существуют и правила иного рода, мешающие нормальной работе рыночной экономики, — мелочное регулирование, расписывающее по пунктам, как люди должны распоряжаться своей собственностью, затрудняющее в ряде случаев открытие нового дела из-за необходимости получать лицензии и разрешения или из-за ограничений в области ценообразования и деловой активности. Такие правила прежде всего способствуют усилению контроля над экономикой со стороны государственных властей, которые не являются ее элементом и которым не приходится рисковать собственными деньгами. Они только увеличивают и без того тяжелую нагрузку на тех, кто создает наше материальное благосостояние. Так, в Соединенных Штатах общий объем различных правил и инструкций, которым должны следовать предприниматели, составляет более 134 тысяч страниц (причем речь идет только о тех, которые изданы федеральными властями!); за один 2002 год регулирующие органы ввели в действие 4167 новых нормативных актов. Неудивительно, что все меньше людей стремится воплотить свои творческие идеи в конкретные деловые проекты¹.

Этим негативное воздействие подобных правил не исчерпывается. Когда государственное регулирование ставит препоны необходимой для предпринимателя деятельности, ему приходится посвящать немало времени — которое мож-

но было бы потратить на решение производственных вопросов — тому, чтобы обеспечить соблюдение установленных правил или же их обойти. Если это оказывается слишком хлопотным делом, бизнесмен уходит в «неформальную» экономику, и тем самым его деловые операции лишаются юридической защиты. Многие фирмы используют свои финансовые ресурсы — которые в ином случае можно было бы инвестировать во что-то полезное — на «обработку» политиков, чтобы те приводили нормативы в соответствие с их потребностями. В результате у многих возникает искушение воспользоваться «связями», а чиновники вымогают большие взятки — особенно в бедных странах, где зарплаты госслужащих малы, а система регулирования довольно хаотична. Обуславливать производственную, коммерческую, инвестиционную деятельность граждан бюрократическими разрешениями — вернейший способ создать в стране всепроникающую коррупцию. Как заметил еще две с половиной тысячи лет назад китайский философ Лао-цзы, «когда растут законы и приказы, увеличивается число воров и разбойников».

Если цель состоит в том, чтобы правила были объективными, а чиновники неподкупными, нет лучшего способа ее достижения, чем существенное дерегулирование эконо-

Рисунок 8. Экономическая свобода способствует сокращению масштабов коррупции

Источник: Economic Freedom of the World 2001 / Ed. by J. Gwartney, R. Lawson. Vancouver: Fraser Institute, 2001.

мики. Амартия Сен утверждает, что необходимость борьбы с коррупцией сама по себе выступает достаточным основанием для дерегулирования экономики развивающихся стран, даже если эта мера не принесет пользы ни в чем ином².

Благотворные результаты экономического роста

Весь опыт человечества показывает, что именно либеральное устройство максимально способствует созданию материальных благ и устойчивому развитию. Политика и экономика — не точные науки: здесь мы не можем провести лабораторный эксперимент, чтобы установить, какой строй эффективен, а какой нет. Однако конфликт между капитализмом и централизованно-плановой системой можно считать примерным эквивалентом такого лабораторного опыта. В истории бывали случаи, когда страна с единым народом, одинаковыми стартовыми условиями, языком и нормами поведения оказывалась разделена между двумя системами — рыночной и централизованной, командно-административной. После разделения Германии на капиталистическую ФРГ и коммунистическую ГДР в западной части страны произошло «экономическое чудо», а восточная отставала все больше и больше. То же самое имело место в капиталистической Южной Корее и коммунистической КНДР. Первая вошла в число азиатских «тигров», делом доказав, что «развивающиеся» страны действительно способны развиваться. Если в 1960-х годах Южная Корея была беднее Анголы, то сегодня, занимая тринадцатое место в мире по объему ВВП, она по уровню жизни почти сравнялась со странами Западной Европы. И напротив, экономика Северной Кореи пришла к полному краху, и сегодня в стране наблюдается массовый голод. Такую же параллель можно провести между Тайванем — государством с рыночной экономикой, чьи темпы развития имели мало прецедентов в истории, и коммунистическим континентальным Китаем, где царили голод и нищета — до тех пор, пока страна не взяла курс на экономическую открытость³.

Аналогичное сопоставление можно провести и в мировом масштабе. Чем выше в стране уровень экономического либерализма, тем больше у нее шансов добиться процветания, мощного роста, лучших условий и повышения средней продолжительности жизни. Граждане самых свобод-

Рисунок 9. Экономическая свобода несет людям процветание

Источник: Economic Freedom of the World 2002 / Ed. by J. Gwartney, R. Lawson. Vancouver: Fraser Institute, 2002⁴.

Рисунок 10. Экономическая свобода ведет к росту

Источник: Economic Freedom of the World 2002 / Ed. by J. Gwartney, R. Lawson. Vancouver: Fraser Institute, 2002.

ных в экономическом отношении стран почти в десять раз богаче, чем граждане наименее свободных государств, да и живут они в среднем на двадцать лет дольше!

Экономическое развитие в мире за последние два столетия не имеет прецедентов в любые исторические периоды, предшествовавшие «прорыву» рыночной экономики в XIX ве-

Рисунок 11. Экономическая свобода ведет к повышению жизненного уровня

Источник: Economic Freedom of the World 2001 / Ed. by J. Gwartney, R. Lawson. Vancouver: Fraser Institute, 2001.

Рисунок 12. Экономическая свобода ведет к повышению средней ожидаемой продолжительности жизни

Источник: Economic Freedom of the World 2001 / Ed. by J. Gwartney, R. Lawson. Vancouver: Fraser Institute, 2001.

ке. Испокон веков человечество испытывало постоянную нужду, людям каждый день приходилось бороться за выживание. В Средние века большинство европейцев страдали от хронического недоедания, имели лишь один комплект одежды и работали в помещениях настолько грязных и кишасщих

паразитами, что, по словам одного историка, «с точки зрения санитарии у них была лишь одна хорошая черта — они сгорали как спички!»⁵. После XVI века, когда между различными регионами мира постепенно завязываются первые, робкие торговые контакты, мы наблюдаем отдельные примеры экономического роста, но весьма незначительные.

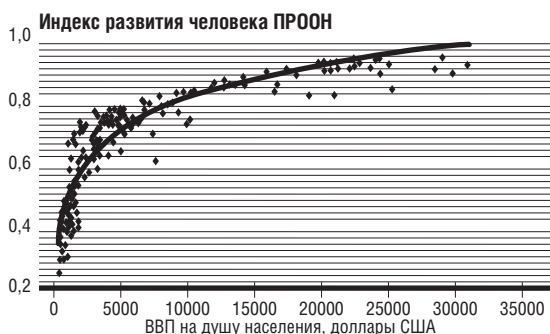
В XVIII веке понятие «бедность» на всех континентах означало примерно одно и то же. По самым достоверным из имеющихся оценок (которые все равно крайне неточны), в те времена европейцы были лишь на 20% богаче жителей других регионов мира. Затем, примерно с 1820 года, в результате промышленной революции развитие Европы ускорилося, но бедность оставалась ужасающей. Так, в самых богатых европейских странах средний доход на душу населения составлял от 1000 до 1500 долларов в год — меньше, чем в сегодняшней Боливии или Казахстане. Даже если бы все доходы тогда распределялись абсолютно равномерно, они все равно не позволяли бы людям преодолеть крайнюю нужду — пить чистую воду, досыта есть каждый день и иметь побольше одежды. Почти все население мира жило в страшной бедности, которая сегодня уже почти не встречается: лишь в самых нищих странах — например, Мали, Замбии или Нигерии — мы можем наблюдать нечто похожее. За прошедшие с тех пор двести лет среднедушевой доход населения по всему миру увеличился во много раз. Экономический рост в мировом масштабе за 320 лет (с 1500 по 1820 год) оказался в 30 раз меньше, чем за следующие почти два века (с 1820 года по сегодняшний день)⁶. Средний уровень доходов за последние двести лет увеличился более чем в десять раз. Экономический рост в Азии в последние полвека тоже набирает обороты, и, поскольку путь к процветанию уже проторен, его темпы выше, чем в Европе. Так, по сравнению с 1950 годом жизненный уровень в Японии повысился в 8, а в Китае — в 6 раз.

Увеличение инвестиций и необходимость находить более удачные, эффективные решения существующих проблем позволяет нам производить больше продукции, что приводит к ускорению роста экономики. Это ускорение, в свою очередь, рождает новые идеи и технологии и приводит к повышению производительности труда. ВВП (валовой внутренний продукт) представляет собой совокупную стоимость всех товаров и услуг, произведенных в стране. Разделив эту цифру

на число ее жителей, мы получаем объем ВВП на душу населения — показатель, позволяющий примерно определить богатство страны. Экономический рост — то есть увеличение производства товаров и услуг — может кому-то показаться не самой увлекательной на свете целью, а в некоторых радикальных кругах к этому показателю относятся даже с презрением, называя тех, кто подчеркивает его значение, «экономистиками» и «фанатиками роста». Отчасти это можно воспринимать как вполне естественную реакцию на чрезмерное увлечение повышением объема ВВП в качестве самоцели, однако в действительности понятие «рост» означает увеличение производства, а с ним — повышение уровня жизни людей и расширение спектра открывающихся перед ними возможностей. В богатых странах рост экономики позволяет государству повышать социальные расходы, а людям — делать сбережения, больше потреблять, иметь больше свободного времени. В развивающихся странах экономический рост часто становится в буквальном смысле вопросом жизни и смерти, ключом к дальнейшему развитию — ведь именно благодаря этому больше людей могут есть здоровую пищу и пить чистую воду⁷.

Благодаря экономическому росту в Индии начиная с 1980-х годов в повседневной жизни людей многое изменилось: на месте глинобитных хижин строятся кирпичные

Рисунок 13. Доходы и жизненный уровень растут параллельно

Источник: Melchior A., Telle K., Wiig H. Globalisering och ulikhet: Verdens inntektsfordeling og levestandard 1960–1998. Oslo: Royal Norwegian Ministry of Foreign Affairs, 2000.

дома, грунтовые дороги асфальтируются. Электричество теперь есть везде, и ночью на некогда темных улицах зажигаются фонари. Теперь на этих улицах вас не преследует запах гниющих отбросов, а современные дренажные системы позволяют устранить очаги инфекции. Даже бедняки могут позволить себе приличную одежду и обувь. Вот нагляднейший пример результатов экономического роста: женщинам в Индии больше не приходится стирать свое сари прямо на себе. В прошлом без этого нельзя было обойтись: большинство женщин имели только одно сари.

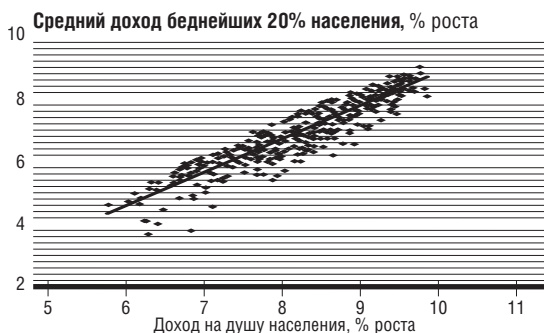
Рост экономики также означает расширение возможностей и влияния простых людей. Теперь простому индийцу незачем идти на поклон к местному ростовщику и попадать в пожизненную долговую кабалу — он обращается в банк. Люди могут искать работу в разных местах, наниматься к разным предпринимателям, их жизнью и смертью больше не распоряжается местный землевладелец. Хотя в Индии и проводятся демократические выборы, реальные перемены возможны лишь тогда, когда люди больше не зависят от местных элит и перестают голосовать «как приказано». Люди в бедных странах отправляют детей работать не потому, что им так хочется, а потому, что полученные деньги помогают прокормить семью. Экономический рост приводит к увеличению доходов и повышает «практическую полезность» образования; в результате родители посылают детей не зарабатывать на хлеб, а в школу. Это приводит и к тому, что у человека появляется больше прав в собственной семье. Никакой закон, запрещающий избивание жен, не будет действовать, если экономически женщина полностью зависит от мужа, поскольку в этом случае она никогда не пожалуется на него и не разведется с ним. Однако благодаря экономическому росту и расширению производства у женщины появляется возможность найти работу вне и даже вдали от дома. Она уже меньше зависит от капризов мужа.

«Женщины из поколения моей матери вынуждены были терпеть это все, стиснув зубы. Но со мной такое не пройдет. Я могу говорить, что думаю. Жизнь — не только самопожертвование, она должна приносить и радость. В этом, я думаю, суть огромных изменений, которые происходят в Японии. Люди больше не

хотят только работать, работать и работать. Сегодня они хотят, чтобы у них было время и на то, чтобы пожить как следует, получать от жизни удовольствие» (двадцатидевятилетняя Эрико, вместо того чтобы пойти по стопам родителей и заняться крестьянским трудом, стала художницей и работает в рекламном бизнесе)⁸.

Порой утверждают, что экономический рост выгоден лишь богатым, а бедные так и остаются бедными. Странное представление: почему, если общество в целом становится богаче, это не должно коснуться и бедных слоев? Двое экономистов из Всемирного банка, Дэвид Доллар и Аарт Краай, изучили статистические данные об уровне доходов в восьмидесяти странах за последние сорок лет, чтобы выяснить, подтверждается ли этот тезис фактами. Как оказалось, экономический рост приносит бедным точно такую же пользу, как и богатым. Если рост составляет 1%, средние доходы бедных слоев населения тоже повышаются на 1%, при десятипроцентном росте их доходы увеличиваются опять же на 10%. Конечно, это происходит не всегда и не везде — без исключений не бывает, — но среднестатистическая ситуация выглядит именно так. Этот вывод подтверждается и рядом других исследований, а работы, где утверждается обратное, встречаются крайне редко⁹.

Рисунок 14. Экономический рост улучшает положение бедных (соотношение экономического роста и доходов бедных слоев населения на основе данных по 80 странам)

Источник: *Dollar D., Kraay A. Growth Is Good for the Poor. Washington: World Bank, April 2001.*

Таким образом, экономический рост — лучшее лекарство от бедности. Иногда экономисты называют это «эффектом капающей воды», имея в виду, что некоторые обогащаются первыми, а затем, когда богатые начинают тратить или вкладывать свои доходы, часть этих средств «капает» в карманы бедняков. Это выражение может вызвать перед глазами образ несчастного бедняка, которому перепадают крошки с барского стола, но подобное истолкование дает совершенно неверную картину подлинных последствий экономического роста. На деле бедные выигрывают от роста примерно столько же, сколько и богатые, и их положение улучшается теми же темпами, что и у богатых. Они выигрывают от повышения стоимости их труда и увеличения своей покупательной способности.

Ни в одной стране еще не удалось сократить масштабы бедности, не обеспечив устойчивого экономического роста. Нет и примеров обратного: то есть во всех странах, где происходил длительный, устойчивый рост, положение бедных слоев населения постепенно улучшалось. Еще один интересный вывод: нет ни одного случая, чтобы страна добивалась стабильного роста в течение длительного периода, не открыв свои рынки. В «Докладе о мировом развитии за 2000/2001 год», подготовленном Всемирным банком, содержится немало риторических заявлений о том, что экономический рост — это еще не все и для развития одного роста недостаточно: эта ри-

Рисунок 15. Экономический рост улучшает положение бедных (соотношение экономического роста и доходов бедных слоев населения на основе данных по 80 странам)

Источник: *Dollar D., Kraay A. Growth Is Good for the Poor*. Washington: World Bank, April 2001.

торика, несомненно, связана с усиливающимся влиянием антиглобалистского движения. Но из таблиц, помещенных в том же докладе, явствует: чем выше были темпы экономического роста в той или иной стране за последние двадцать лет, тем больших успехов она добилась в сокращении масштабов бедности, снижении детской смертности, ликвидации неграмотности. В странах, занимающих последние места по темпам роста, масштабы неграмотности даже увеличились. Возможно, рост экономики и не является достаточным условием для всестороннего развития всех и каждого, но без него такое развитие вообще невозможно.

Если темпы экономического роста в нашей стране составляют 3% в год, это означает, что ее ВВП, наши капиталы и доходы каждые 23 года удваиваются. Если эти темпы равны 6%, удвоение происходит раз в 12 лет. Подобный рост приводит к беспрецедентному увеличению благосостояния. И напротив, эффект от самых энергичных шагов государства по перераспределению доходов по сравнению с этим незначителен — более того, подобная политика чревата опасными последствиями, поскольку высокие налоги, необходимые для такого перераспределения, могут подорвать экономический рост. А это значит, что существенные выгоды для всех в долгосрочной перспективе приносятся в жертву незначительному, пусть и немедленному, улучшению положения немногих.

Ситуация в экономике улучшается прежде всего за счет того, что люди делают сбережения, вкладывают капиталы, много работают. Облагать высокими налогами трудовые доходы, сбережения и капиталы означает, по выражению Джона Стюарта Милля, «наказывать человека за то, что он работал усерднее и сберег больше, чем его сосед»¹⁰. То есть людей карают за деятельность, наиболее выгодную для общества. Или, как метко написано на наклейках для автомобильных бамперов, «штраф — это налог на то, что ты сделал неправильно; налог — это штраф за то, что ты сделал правильно». Мы облагаем налогами алкоголь и табак, чтобы сократить их потребление, или вводим экологические налоги, чтобы снизить загрязнение окружающей среды. Но что мы можем ожидать от налогообложения предпринимательской деятельности, усердного труда и сбережений? Результат простой: все больше людей не желают «горбатиться» на работе, думать, куда вложить деньги, ломать голову над новыми идеями —

ведь большая часть полученных доходов все равно достанется государству. Есть и другие результаты: фирмы тратят все больше сил на уклонение от налогов — сил, которые можно было бы направить на конструктивную деятельность, а люди расходуют больше времени на занятия не своим делом. К примеру, хирург, вместо того чтобы делать то, что он умеет лучше всего, — спасать человеческие жизни, — остается дома и красит стены в гостиной, поскольку в этом случае ему не надо платить налог не только на собственные доходы, но еще и на заработок маляра¹¹.

Для стран с динамичной рыночной экономикой характерна социальная мобильность населения. Если вы бедны сегодня, это совсем не означает, что вы и завтра останетесь в том же положении. В отсутствие узаконенных привилегий и высокого налогообложения существует масса возможностей повысить свой уровень жизни за счет собственного усердия, учебы и бережливости. Четверо из пяти американских миллионеров сколотили состояния своими руками, а не унаследовали от родителей.

Да, в капиталистической стране, например в такой, как США, доходы самых бедных 20% населения составляют всего 3,6% от объема ВВП. Однако эту ситуацию нельзя рассматривать «в статике»: с точки зрения уровня доходов люди постоянно переходят из одной категории в другую — причем в основном продвигаются вверх, поскольку с ростом образовательного уровня и опыта работы повышается и зарплата. Из тех американцев, что входили в состав беднейших 20% населения в 1975 году, лишь 5,1% остались в этой категории к 1991 году. За указанный период почти 30% из них перешли в разряд самых зажиточных 20% населения, а 60% — самых зажиточных 40%.

Лучший способ борьбы с бедностью — дать человеку возможность самому выбраться из нищеты. В Соединенных Штатах Америки люди, оказавшиеся за чертой бедности, в среднем остаются в этом положении 4,2 месяца. Только 4% населения США можно отнести к категории «хронически бедных», то есть остающихся в этом состоянии более двух лет. Тем временем ряды беднейших 20% постоянно пополняются новыми людьми — студентами и нищими иммигрантами, которые, в свою очередь, всегда имеют возможность быстро подняться вверх по лестнице благосостояния¹².

Свобода и равенство вполне совместимы

Многие считают, что либерализация и экономический рост приводят к усилению имущественного неравенства в обществе. Еще раз повторю: это не самое главное. Если уровень жизни в целом повышается, то важнее улучшение вашего материального положения как такового, а не его уровень по отношению к положению других. Главное, чтобы как можно больше людей стали жить лучше, и это общее улучшение ситуации нельзя оценивать как ухудшение из-за того, что благосостояние некоторых растет гораздо быстрее, чем благосостояние остальных. Однако к равенству также следует стремиться — по нескольким причинам. Во-первых, большинство из нас, вероятно, считают, что у людей не должно быть несопоставимо различных стартовых условий. Важно, чтобы у всех были равные возможности — не настолько, конечно, чтобы ограничивать шансы всех с целью их максимального уравнивания, но нельзя не признать: острое социальное неравенство порождает серьезные проблемы. Поэтому данный тезис заслуживает самого тщательного анализа.

Вторая причина состоит в том, что равенство, вопреки распространенному мнению, в действительности стимулирует рост. В условиях крайне бедного общества определенная степень неравенства, возможно, необходима, чтобы по крайней мере часть населения начала делать сбережения и вкладывать капиталы, однако, как показывает ряд исследований, страны, где обеспечена высокая степень равенства, в среднем добиваются более динамичного экономического роста, чем страны, где царит неравенство, в особенности если оно принимает форму крайних диспропорций в области землевладения. Одна из причин подобного явления заключается в том, что общества, где степень равенства выше, более стабильны и менее подвержены политическим потрясениям. Неравенство способно привести к конфликтам или требованиям о повышении налогов и расширении масштабов перераспределения — но все это угрожает экономическому росту.

Однако самая важная причина связана с тем, что для эффективной деятельности людям необходимы некие «базовые активы»: в стране со слаборазвитой экономикой эту роль часто играет земельный надел, а в современном обществе — образование. Таким образом, имеет значение равенство с точки зрения этих активов, а не то, что обычно имеет в ви-

ду в ходе политических дискуссий — равенство доходов и прибылей. В развивающейся стране, где сохранились элементы несправедливых феодальных порядков, а основные земельные угодья принадлежат немногочисленной элите, первостепенное значение приобретает земельная реформа, в результате которой возрастает количество собственников — а значит, и полноправных участников экономической деятельности. Важно также, чтобы образование было всеобщим и каждый гражданин имел возможность получить кредит для реализации своих идей в области бизнеса.

Никто не должен подвергаться дискриминации или отстраняться от участия в конкурентной деятельности на рынке труда посредством лицензий или узаконенных привилегий. Такое равенство играет роль катализатора экономического развития, в то время как перераспределение доходов становится препятствием для роста, поскольку в этом случае эффективная работа, повышение образовательного уровня или выдвижение новых идей приносят индивиду меньше прибыли.

Немного упрощая, отметим: значение имеет равенство возможностей, а не результатов. Цель состоит в том, чтобы все люди имели некие базовые возможности, а дальше уже от них зависит, как они нащупают путь вперед и каких результатов достигнут. Речь идет о двух аспектах одного и того же процесса: люди должны иметь возможность трудиться и проверять на деле новые идеи, а также право получать прибыль от своей деятельности, если добьются в ней успеха. Таким образом, общество стимулирует социальную мобильность, вознаграждает инициативу и усердие — а в результате повышается и благосостояние. Опасность для развития представляет не разница в доходах как таковая, а дискриминация и привилегии, которые обуславливают эту разницу в недемократических государствах. Этот вывод подтверждается и тем, что в недемократическом обществе связь между неравенством и экономическим ростом очевидна, а в современных, либеральных государствах она не прослеживается¹³.

Но, возможно, существует и противоположный эффект? Действительно ли, как часто утверждают, ускорение роста ведет к усилению неравенства? Ученые порой ссылаются на так называемую «кривую Кузнеца»: в статье, опубликованной в 1955 году, экономист Саймон Кузнец утверждал,

что экономический рост поначалу приводит к усилению неравенства в обществе и лишь через какое-то время оно начинает сокращаться. Многие восприняли этот тезис как истину в последней инстанции и иногда используют его для дискредитации идеи о позитивных последствиях роста или хотя бы для оправдания политики перераспределения доходов. Сам Кузнец, однако, столь радикальных выводов не делал. Напротив, он объяснил, что его статья «на 5% основана на эмпирических данных и на 95% — на гипотетических рассуждениях», добавив: «Если ее воспринимать как ряд интуитивных тезисов, служащих отправной точкой для дальнейших исследований, а не как набор абсолютно подтвержденных выводов, она не только безобидна, но и может принести немалую пользу»¹⁴.

Если мы последуем рекомендациям Кузнеца и проанализируем развитие событий в мире после 1955 года, выяснится, что его предварительный вывод справедлив не всегда. Действительно, бывают случаи, когда экономический рост поначалу приводит к усилению имущественного неравенства, но общую закономерность из этого вывести нельзя. Есть государства — например, Индонезия, Малайзия, Тайвань, Южная Корея, Маврикий, — где мощный рост сопровождался сокращением различий в доходах, а в Китае, Таиланде, Пакистане и Бразилии он, напротив, приводил к увеличению разрыва между богатыми и бедными. По-разному складывалась ситуация в странах с низкими или отрицательными темпами роста. На Кубе, в Колумбии и Марокко неравенство уменьшилось, а в Кении, Эфиопии и Мексике в 1980-х годах или в России в 1990-х — увеличилось. Распределение доходов в обществе зависит от других факторов, например, стартовой ситуации в стране или внутривнутриполитического курса. Специалисты из Всемирного банка делают следующий вывод: «Имеющиеся данные говорят об отсутствии стабильной связи между ростом и неравенством. В целом степень имущественного неравенства внутри отдельных стран за последние тридцать лет не сократилась и не увеличилась»¹⁵.

Изучив ситуацию с имущественным неравенством, экономист Дж. У. Скалли пришел к выводу о *более равномерном распределении доходов* в государствах со свободной экономикой, открытыми рынками и гарантированными правами собственности. Это связано в первую очередь с тем, что

Рисунок 16. Экономический рост не усиливает неравенство (соотношение экономического роста и уровня неравенства на основе данных по 80 странам)

Источник: Dollar D., Kraay A. Growth Is Good for the Poor. Washington: World Bank, April 2001.

в этих странах, по сравнению с несвободными, на долю среднего класса приходится больше доходов, а на долю высшего класса — меньше. В «самых свободных» в экономическом отношении государствах доля национального дохода, получаемая самыми богатыми 20% населения на четверть меньше, чем в «наименее свободных». Доля ВВП, получаемая беднейшими 20% населения, не зависит от степени экономической свободы в стране, однако в абсолютных цифрах их доходы намного выше в государствах с либеральной рыночной экономикой¹⁶.

Таким образом, вопреки распространенному мнению, чем выше в обществе уровень экономической свободы, тем меньше в нем имущественное неравенство. Но что происходит с равенством в период *перехода* к либеральной экономике? Усугубляет ли ускоренная либерализация неравенство в обществе? И на этот вопрос, судя по всему, следует ответить отрицательно. Шведский экономист Никлас Бергрэн изучил вопрос о том, как возрастание экономической свободы влияет на имущественное неравенство. В странах, где с 1985 года происходит либерализация экономики, неравенство сократилось, а в тех государствах, где либерализации не было, — осталось на прежнем уровне или даже усилилось. Быстрее всего сокращается неравенство в бедных развивающихся странах, энергично проводящих экономические реформы.

Рисунок 17. Экономическая свобода и неравенство доходов (отношение доходов самых богатых 10% населения к доходам самых бедных 10%)

Источник: Economic Freedom of the World 2000 / Ed. by J. Gwartney, R. Lawson, D. Samida. Vancouver: Fraser Institute, 2000.

Выводы Бергрена говорят о том, что имущественному равенству в обществе способствуют два основных фактора: свобода международной торговли и свобода движения капиталов на международном уровне — две «визитные карточки» глобализации¹⁷.

Та же картина получается, если систематизировать страны мира по иному принципу — по степени их «глобализованности». Журнал *Foreign Policy* и консалтинговая фирма А. Т. Kearny попытались разработать «индекс глобализации», в рамках которого оценивается, как часто граждане той или иной страны делают покупки и инвестиции за рубежом, звонят и выезжают за пределы собственной страны. Как выяснилось, «глобализованные» страны отнюдь не отличаются самым высоким уровнем неравенства. Напротив, «для большинства стран как со зрелой рыночной, так и с переходной экономикой характерно сочетание более высокой степени „глобализованности“ и равенства доходов»¹⁸.

Левые часто утверждают, что принципы индивидуальной свободы и имущественного равенства вступают в противоречие друг с другом, а потому они вынуждены поддерживать лишь одну из этих двух основополагающих ценностей. Возможно, они правы в том смысле, что законодателям дей-

ствительно приходится выбирать, какому из этих двух принципов больше следовать в своей работе, но называть их взаимоисключающими неверно. Напротив, многое указывает на то, что демократическое равноправие ведет и к имущественному равенству. Соблюдение прав собственности, свобода предпринимательства, торговли и снижение инфляции несут с собой не только экономический рост, но и большее равенство доходов.

Частная собственность — в интересах бедняков

Тот факт, что экономическая свобода не исключает равенства, станет настоящим сюрпризом для людей, которых убеждали, что капитализм служит интересам богатых и привилегированных слоев. На деле все обстоит с точностью до наоборот. Свободный рынок — антитеза самой идее социальных привилегий. В условиях рыночной экономики единственный способ сохранить свое имущественное положение — совершенствовать производство и предлагать потребителям качественные товары и услуги. Привилегии могут пустить корни только в регулируемой экономике, где льготы и монопольные права раздаются «дружественным» власти группам. Только те, у кого есть нужные связи, могут добиться своего за взятку. Только те, у кого есть достаточно времени и знаний, чтобы разобраться в объемистых томах нормативных актов и инструкций, могут основать собственное дело или заниматься торговлей. У бедных людей в этой ситуации нет шансов организовать даже малое предприятие, вроде булочной или лавки. В капиталистическом же обществе каждый, у кого есть идеи и сила воли, имеет возможность попытаться счастье — даже если он и не в фаворе у правителей.

Глобализация только способствует этому, ломая сложившуюся структуру властных отношений в обществе и освобождая людей от подчинения местным элитам. Благодаря свободе торговли потребители могут приобретать товары и услуги не только у местных монополистов, но и у множества конкурирующих между собой производителей по всему миру. Свободное движение капиталов позволяет людям, разработавшим удачную идею, но не имеющим средств для ее осуществления, профинансировать свой проект. Свобода миграции приводит к тому, что работодателю-

монополисту в какой-нибудь деревне приходится повышать зарплату и улучшать условия труда, чтобы не остаться без рабочей силы.

Левые часто изображают экономический либерализм как идеологию богатых, поскольку он выступает за соблюдение прав собственности. Однако защита частной собственности не равносильна стремлению навеки закрепить сложившуюся ситуацию в этой области. Факты говорят о том, что от защиты прав собственности больше всего выигрывают не богатые. Наоборот, от отсутствия гарантированных прав собственности больше всего страдают самые незащищенные слои населения, поскольку контроль над ресурсами чаще всего получают те, кто обладает политической властью или нужными связями. Там, где существует частная собственность, ресурсы и доходы достаются прежде всего производителям товаров и услуг, и в этих условиях у представителей обездоленных слоев населения намного больше шансов повысить свой жизненный уровень, чем в обществе, где все зависит от власти и мздоимства. Кроме того, благодаря конкуренции, которую порождает частная собственность, товары по сравнению с доходами постоянно дешевеют, а от этого в наибольшей степени выигрывают именно бедные. Права собственности побуждают людей думать о будущем, проявлять инициативу, подстегивают экономический рост и обеспечивают (в целом) равное распределение его плодов между богатыми и бедными. Таким образом, гарантии частной собственности, с точки зрения равенства возможностей, приносят бедным не меньше пользы, чем система всеобщего образования. Научные исследования показывают, что из всех экономических реформ росту больше всего способствуют меры по защите прав частной собственности¹⁹.

Перуанский экономист Эрнандо де Сото нагляднее, чем кто-либо другой, показал, насколько проигрывают бедные от отсутствия гарантированных прав собственности. В своей книге «Загадка капитала» он буквально перевернул все традиционные представления по этой теме. Главная проблема бедных заключается не в том, что они не защищены, и даже не в отсутствии у них «собственности» в буквальном смысле этого слова — то есть самих материальных активов, а в том, что они лишены *официальных* прав на эту собственность.

Многие бедняки — люди весьма инициативные, они экономят немалую часть доходов, чтобы улучшить состояние своей земли или жилищ. На основе многолетних путешествий и исследований де Сото пришел к выводу, что бедные люди в странах третьего мира и посткоммунистических государствах владеют недвижимостью (зданиями и земельными участками, на которых они расположены), чья совокупная стоимость превышает ее официально зарегистрированные показатели примерно на 9,3 триллиона долларов. Это огромная сумма: она превышает совокупную стоимость компаний, зарегистрированных на биржах двадцати самых богатых стран мира — Нью-Йоркской фондовой бирже, бирже NASDAQ, Торонтской, Токийской, Лондонской, Франкфуртской, Парижской, Миланской и еще дюжине других. Проблема в том, что признание прав собственности в большинстве стран третьего мира обставлено множеством мучительных бюрократических процедур. Жители этих стран занимают общественные земли, строят на них примитивные дома, создавая целые кварталы трущоб (которые постоянно перестраивают и улучшают), и открывают маленькие магазинчики — так же поступали бедняки на Западе лет двести назад. Беда в том, что сегодня в развивающихся странах практически невозможно зарегистрировать эту недвижимость в качестве своей собственности. Чтобы доказать это, де Сото провел масштабный эксперимент. Вместе с группой коллег он ездил в разные страны, пытаясь зарегистрировать там собственность. Результаты просто ужасают.

В Перу, чтобы получить правовой титул на дом, построенный на государственной земле, необходимо пройти 207 различных административных процедур в 52 учреждениях. Желаящим заняться частным извозом или в законном порядке открыть небольшую автобусную компанию из-за бюрократических проволочек приходится ждать разрешения 26 месяцев. На Гаити люди, которые селятся на общественной земле, должны сначала взять участок в аренду на пять лет и только после этого могут его выкупить. Но, чтобы получить разрешение хотя бы на аренду, необходимо пройти 65 административных инстанций; процесс занимает больше двух лет. Процедура последующего выкупа земли длится гораздо дольше. На Филиппинах она может тянуться до тринадцати лет. В Египте для официальной регистрации участка земли

в пустыне требуются разрешения от 31 органа власти, и на их получение уходит от пяти до четырнадцати лет; аналогичная процедура в отношении участка сельскохозяйственной земли занимает от шести до одиннадцати лет.

Чтобы получить лицензию на открытие маленькой швейной мастерской с двумя машинками в одном из трущобных кварталов Лимы, участники эксперимента потратили 286 дней, ходя по инстанциям, стоя в очередях к «нужному» чиновнику, заполняя анкеты и ожидая ответов на заявления. Помимо затраченного времени на это ушли и деньги: в общей сложности 1231 доллар — сумма, в 30 раз превышающая минимальную месячную зарплату в стране.

Для людей, у которых нет ни больших денег, ни нужных связей, эти барьеры просто непреодолимы. У бедных остается единственная возможность — заниматься своим бизнесом в рамках «неформального» сектора, то есть незаконно. В результате они лишаются юридической защиты и опасаются вкладывать деньги в долгосрочное развитие предприятия, даже если у них есть для этого свободные средства. Их недвижимость не включена в единую систему регистрации собственности, которая позволяет учитывать осуществляемые трансакции и получать сведения об официальных владельцах. А отсутствие ясности по этому важнейшему вопросу затрудняет ведение деловых операций: непонятно, к примеру, кто именно отвечает за платежи и услуги по данному адресу. Собственность остается «омертвленным капиталом». Такую недвижимость нельзя заложить, в результате чего ее фактический владелец лишается потенциального источника средств на образовательные нужды или расширение своего бизнеса. Таким образом, для граждан в развивающихся странах недоступен самый распространенный способ получения необходимых капиталов, которым пользуются мелкие предприниматели в богатых странах. Из-за отсутствия официально зарегистрированного адреса и возможности проверить кредитоспособность владельца на таких малых предприятиях часто нельзя установить телефон, провести воду и электричество, а недвижимость невозможно даже продать. Предприниматели лишены такого источника расширения своего бизнеса, как выпуск акций.

Владельцы микропредприятий, вынужденные действовать в неформальном секторе, постоянно опасаются чи-

новников и полицейских или платят им немалые взятки. Это означает, что они должны скрывать свой бизнес, не могут его расширить, а значит — повисить эффективность за счет экономики на масштабе. Они опасаются рекламировать свой бизнес, а также существенно увеличивать клиентскую базу. Их торговые операции распространяются лишь на ближайшие окрестности — не дальше. Крупные сделки могут заключаться лишь с родственниками или другими людьми, пользующимися личным доверием бизнесмена.

Де Сото утверждает, что от 50 до 75% граждан развивающихся стран работают, не имея правовой защиты, а около 80% земельных участков и домов не зарегистрированы на имя их нынешних владельцев. В одной из стран, которые посетил де Сото, городская администрация сама создала незаконное поселение на общественной земле, чтобы ее служащим было где жить. Таким образом, в странах, где отсутствует эффективно действующая система прав собственности, подавляющее большинство населения владеет активами, которыми оно не имеет права полноценно распоряжаться. Лишенные официальных прав на свою собственность, люди не могут использовать ее в качестве основы для расширения деятельности — а ведь именно таким путем западный мир пришел к процветанию. В развивающихся странах лишь представители элиты обладают связями, позволяющими заниматься экономической деятельностью в современном смысле этого понятия. Капитализм без прав собственности превращается в капитализм для элиты. Миллионы способных, инициативных людей, потенциальных предпринимателей, не имеют возможности вырваться из нищеты²⁰.

В этом состоит одна из причин, почему в России экономический рост начался лишь через десятилетие после крушения коммунизма. Именно столько времени понадобилось российским властям, чтобы хотя бы приступить к введению единой системы частной собственности на землю. Большая часть земли в России считается государственной собственностью, и фермеры получают ее только в аренду, что лишает их стимула вкладывать в нее капитал и не дает права продавать или закладывать свои земельные участки. К началу XXI века менее 300 тысяч из 10 миллионов российских крестьян обладали чем-то вроде официального правового титула на свою землю. Правительство жестко регламентирует использование

гражданами земли, принадлежащей им по праву. Этот «земельный социализм» не только закрывает возможности для выгодных инвестиций, но и препятствует созданию современной системы кредитования, поскольку залог земли — один из распространенных способов получения займов. В результате сделки с землей осуществляются в рамках неформального сектора. Сегодня Россию порой изображают как страну необузданного, «дикого» капитализма. С точки зрения любого определения капитализма подобные утверждения — просто абсурд. Из-за «земельного социализма», сохраняющегося в России, а также множества ограничений в области бизнеса и торговли Heritage Foundation поставил эту страну на 135-е место в своем рейтинге экономической свободы, охватывающем 161 государство. А в докладе канадского Института Фрейзера «Экономическая свобода в мире» *Россия помещена на 116-е место в списке из 123 стран, даже после Сирии и Руанды*²¹.

Государственное регулирование в сфере сельского хозяйства — еще одна важная причина неравенства. За счет регулируемых цен, обязательных поставок и целого ряда других мер многие развивающиеся страны пытаются создать преимущества для городского населения за счет крестьян. Подобные действия являются одним из проявлений стремления ускорить

Рисунок 18. Экономическая свобода приводит к сокращению бедности

Источник: Economic Freedom of the World 2001 / Ed. by J. Gwartney, R. Lawson. Vancouver: Fraser Institute, 2001.

индустриализацию за счет высокого налогообложения и жесткого регулирования аграрного сектора: полученные средства направляются на нужды промышленности. Проблема заключается в разрушительных последствиях такой политики для сельского хозяйства — оно лишается ресурсов, необходимых для увеличения объемов и модернизации производства продуктов питания. Во многих африканских и латиноамериканских странах в результате сложилась ситуация заколдованного круга: обнищавшие селяне массами мигрируют в города. При этом, поскольку деревня остается бедной, спрос на промышленную продукцию не растет, что приводит к усилению безработицы и нищеты в городах со всеми сопутствующими явлениями — преступностью, проституцией, бездомными. Та собственность, которую беднякам удастся приобрести на собственные сбережения, не признается официально и не регистрируется. В результате спрос на сельхозпродукцию не увеличивается и урбанизация продолжается. Не приходится рассчитывать на компенсацию недостатка спроса на внутреннем рынке за счет экспорта, поскольку богатые государства, отгородившись тарифными барьерами, не допускают на свои рынки сельхозпродукцию из развивающихся стран²².

Особенно сильно страдают бедняки от нескольких следствий антилиберальной экономической политики. Одно из них — инфляция, из-за которой деньги постоянно обесцениваются. Ускоренно наращивая денежную массу, правительство фактически лишает бедняков их небольших накоплений, в то время как богачи, имеющие официально зарегистрированную земельную собственность, недвижимость и собственный бизнес, страдают от этого значительно меньше. По мнению Доллара и Краая, сокращение инфляции и в особенности предотвращение гиперинфляции, столь часто поражающей страны третьего мира, — одна из самых важных мер, позволяющих улучшить положение небогатых слоев населения. Одним из классических примеров является Германия 1920-х годов, где гиперинфляция привела к разрушению среднего класса и сделала людей более восприимчивыми к лозунгам Гитлера. Столь же наглядный пример развития ситуации в противоположном направлении — Аргентина в конце 1989 года: власти страны быстро снизили инфляцию, и менее чем через год доля бедняков среди жителей Большого Буэнос-Айреса сократилась с 35 до 23%.

Еще один вывод Доллара и Краая заключается в том, что увеличение государственных расходов опасно не только для экономического роста, но и для положения беднейших слоев населения. В это трудно поверить тем, кто считает, что государство отбирает деньги у богатых и раздает их бедным. Но на самом деле часто происходит обратное — особенно в бедных, недемократических странах. Там в государственный карман запускает руки прежде всего элита — сам лидер страны, его родственники и друзья, могущественные корпорации, а счет приходится оплачивать тем, кто не имеет связей в коридорах власти. Львиная доля средств достается непомерно раздутым военным структурам государства. Правители предпочитают вкладывать деньги в «престижные» проекты — строительство международных аэропортов, университетов, городских больниц, а не в прокладку дорог, развитие школьного образования и здравоохранения на местах, что было бы действительно полезно большинству населения. Более того, нередко в недемократических странах услугами государственного здравоохранения и образования пользуются главным образом лояльные сторонники режима. Это показывает, насколько ошибались левые интеллектуалы в 1960–1970-х годах, утверждая, что для развивающихся стран демократические права и свободы не так уж важны, поскольку им в первую очередь следует развивать систему соцобеспечения. В отсутствие демократии любые меры в области социального обеспечения не приносят пользы большинству граждан.

Неэффективная система управления не в состоянии найти государственным средствам наилучшее применение: да что там наилучшее — даже сколько-нибудь удовлетворительное! Один бедный индонезиец отозвался о политике соцобеспечения в своей стране следующим образом: «До меня доходили слухи, что беднякам оказывают помощь, но куда эта помощь девается, никто не знает». Очевидно, выделенные деньги осели в карманах местного начальства. Та же проблема существует в Индии, где из-за бюрократизма и коррупции программы помощи бедным превращаются в «черные дыры», в которых бесследно исчезают деньги налогоплательщиков. В этой стране государство тратит 4 доллара 30 центов на то, чтобы передать адресату один доллар, ассигнованный в рамках субсидий на питание. В результате бедняки терпят прямые

убытки, поскольку производимая ими продукция облагается высокими налогами, для того чтобы затем правительство «щедро» вернуло им куда меньшую сумму в виде помощи²³.

Капитализм — не идеальная система: он не может приносить благо абсолютно всем в каждый конкретный момент. Критики глобализации поднаторели в выявлении отдельных негативных проявлений: здесь закрылся завод, там сократили зарплату. Подобные вещи, конечно, происходят, но важно за отдельными случаями не потерять из виду общую картину того, как действует политическая или экономическая система в целом и какие громадные выгоды она приносит подавляющему большинству населения по сравнению с альтернативными формами общественного устройства. У каждой политико-экономической системы есть свои проблемы, но нельзя же из-за этого отвергнуть их все. Найти негативные примеры, связанные с функционированием рыночной экономики, нетрудно. Но тем же методом легко доказать, скажем, что вода или огонь — это плохо: ведь люди тонут и гибнут при пожарах. Однако это не полная картина.

Те, кто обращает внимание исключительно на несовершенство капитализма, игнорируют тот факт, что он приносит свободу и независимость людям, не знавшим ничего, кроме угнетения. Они также не учитывают постепенный и неуклонный прогресс, характерный для любого общества с рыночной экономикой. Выявлять проблемы и недостатки, присущие удачной в целом системе, — дело абсолютно нормальное, если при этом поставить конструктивную цель их смягчения или устранения. Но тот, кто осуждает всю систему целиком, должен ответить на следующий вопрос: при каком политико-экономическом устройстве дела идут лучше? Никогда еще в истории человечества благосостояние не росло так быстро, а бедность не сокращалась в таких масштабах. Найдется ли в истории или в современном мире пример системы с такими же достижениями?

Восточноазиатское «чудо»

Чтобы проследить связь между экономической политикой и развитием, полезно сравнить послевоенную историю двух континентов, представляющих собой наиболее контрастные примеры: «экономическое чудо» в Восточной Азии и катастрофическую ситуацию в Африке. В 1960 году Замбия по

жизненному уровню почти не отличалась от Южной Кореи. Сегодня Южная Корея по уровню жизни сравнима с Португалией и превосходит по этому показателю Замбию примерно в 20 раз. В свое время жители Тайваня были беднее конголезцев. Сегодня по благосостоянию они догнали испанцев, а ситуация в Конго не улучшилась нисколько. Почему в Азии дела идут так хорошо, а в Африке — так плохо?

В конце Второй мировой войны экономика Японии лежала в руинах, а в странах, которые она перед этим оккупировала, царили нужда, голод и лишения. Зарубежным наблюдателям казалось, что эти государства рухнут из-за коррупции, преступности и партизанских войн. Однако с 1960-х годов в Восточной Азии началось «экономическое чудо»: ежегодные темпы роста в странах региона составляли 5–7%, а доходы населения удваивались каждые десять лет. Объемы сбережений, инвестиций и экспорта выглядят впечатляюще; эти государства успешно провели ускоренную индустриализацию. Бывшие колонии вроде Сингапура и Гонконга сегодня по уровню благосостояния сравнялись с прежней метрополией.

Практически во всех этих странах, которые иногда называют азиатскими «тиграми», ситуация с точки зрения имущественного равенства не только не ухудшилась, но даже улучшилась — причем это произошло без существенного перераспределения доходов. Масштабы бедности быстро сокращаются. В Индонезии количество людей, живущих в крайней нищете, уменьшилось с 58 до 15% населения, а в Малайзии — с 37 до 5%. С 1960 по 1990 год средняя ожидаемая продолжительность жизни в восточноазиатских странах возросла с 56 до 71 года. Вместе с экономическим ростом в Тайвань, Южную Корею, Таиланд, а теперь и Индонезию пришла демократизация.

Эти государства доказали способность развивающихся стран к индустриализации и прогрессу. Кроме того, они продемонстрировали, что все эти достижения возможны только в условиях открытой капиталистической, а не изолированной от всего мира командной экономики. В последнее время многие экономисты указывают, что в странах, где произошло это «чудо», сохранялся значительный государственный контроль над экономикой, подразумевая тем самым, будто их успехи нельзя считать доказательством необходи-

мости либерализма для динамичного развития. С первой частью этого тезиса нельзя не согласиться. В странах региона, первыми добившихся высоких темпов развития — Японии, Южной Корее и Тайване, — государство действительно активно вмешивалось в экономику, хотя во «втором эшелоне» стран, где случилось «экономическое чудо», — Индонезии, Малайзии и Таиланде, — движение вперед в меньшей степени сопровождалось таким вмешательством. В первой группе стран государство определяло направления инвестиций, регулировало деятельность банков, вкладывало капиталы в определенные отрасли промышленности и защищало их от иностранной конкуренции — в целом использовало весь арсенал методов государственного регулирования экономики. Специалисты Всемирного банка, давая общую оценку восточноазиатскому «чуду», отмечают: «В некоторых других странах использовались те же методы вмешательства, но успеха они не принесли; к тому же, как правило, их применение было более масштабным»²⁴.

От других развивающихся стран азиатских «тигров» отличало то, что они целенаправленно стремились утвердить и гарантировать права собственности, создавая юридическую базу для защиты предпринимателей и обеспечения конкуренции, а также проводили стабильную кредитно-денежную политику и удерживали инфляцию на низком уровне. Для подготовки квалифицированных трудовых ресурсов, способных обеспечить развитие своих стран, было введено всеобщее образование. Поскольку государство взяло на себя ответственность за школьное обучение, а система высшего образования оставалась в частных руках, вузы гибко реагировали на текущие потребности экономики в специалистах.

В восточноазиатских странах были проведены реформы, призванные лишить традиционную элиту земель и привилегий, которые она некогда себе присвоила. Благодаря таким реформам все жители этих стран стали полноценными участниками экономической деятельности. Крестьяне могли без особых ограничений продавать излишки продукции, копить деньги и вкладывать их по своему усмотрению, в результате чего у них появилась заинтересованность в повышении эффективности сельского хозяйства. Рост производительности в аграрном секторе позволил обеспечить потребности этих стран в продуктах питания и одновременно высвобо-

дить трудовые ресурсы для промышленности, а повышение благосостояния крестьян привело к увеличению спроса на промышленные товары. Власти азиатских «тигров» сосредоточили основное внимание не на установлении минимального уровня зарплаты и регулировании рынка труда, а на мерах, стимулирующих создание новых рабочих мест. В результате большинство людей были обеспечены работой, а со временем, параллельно с ростом производительности труда, начали увеличиваться и зарплаты. В условиях спада работодатели имели право снижать зарплаты (поскольку товары, которые люди покупали на свой заработок, также дешевели), поэтому экономические кризисы во многих восточноазиатских странах не приводили к таким болезненным последствиям и резкому росту безработицы, как в других регионах.

В других развивающихся странах предпринимательскую инициативу связывают по рукам и ногам многочисленные правила и инструкции, а для того, чтобы основать новую фирму, необходимы лицензии и разрешения. Для восточноазиатских государств, напротив, характерна свобода предпринимательской деятельности. Граждане, у которых появились творческие идеи, могут создавать фирмы, не сталкиваясь с бюрократической волокитой, а их деятельность не страдает от многочисленных ограничений и регулирования цен. Гонконг продвинулся в этом направлении дальше остальных. Там человек может сначала открыть новое дело, а уже потом сообщить об этом властям и автоматически получить соответствующее разрешение. Подобная система очень важна: она не только открывает простор для инициативы, но и становится эффективным инструментом против коррупции, которая часто процветает именно там, где чиновник имеет право отказать в таком разрешении.

Хотя во многих восточноазиатских странах налоговые льготы и субсидии частному сектору распределяло государство, они, по сравнению с другими развивающимися странами, менее затронуты блатом, кумовством и засильем лоббистов; также им удалось избежать искушения выбрасывать деньги на помпезные и неэффективные «престижные» проекты. Вместо этого внимание сосредоточено на реальном развитии производства и удовлетворении насущных потребностей рынка. Ценообразование в этих государствах, по сравнению с другими развивающимися странами, в гораздо боль-

шей степени осуществляется на рыночной основе. В них не существует государственного контроля за ценами, порождающего диспропорции по отношению к расценкам на мировом рынке, поэтому инвестиции направляются туда, где они принесут максимальную отдачу, — в наиболее эффективные сектора экономики, где эти страны имеют конкурентные преимущества перед другими государствами.

В ходе дискуссий об экономической политике часто звучат требования, чтобы государство контролировало инвестиционные потоки, замедля темпы роста и защищая уже существующие предприятия. Именно этого правительства азиатских стран стараются *избегать*: они считают способность успешно бороться с иностранными конкурентами одной из важнейших характеристик эффективного бизнеса. Японское правительство допускало даже банкротство крупных компаний, неспособных работать прибыльно, а в Южной Корее власти без сантиментов закрывали фирмы, чья продукция оказывалась неконкурентоспособной в условиях открытого рынка. Впрочем, такие же требования государство в этих странах предъявляет и к самому себе. Если рост субсидий и государственных расходов угрожает экономической стабильности, власти быстро сокращают свои обязательства, избегая тем самым бюджетного кризиса и раскручивания инфляции.

Самое же главное — эти страны исполнены решимости интегрироваться в мировую экономику. Их народное хозяйство в максимальной степени ориентировано на экспорт, а в большинстве восточноазиатских стран к тому же поощряются иностранные инвестиции. Чем больше доля торговли в объеме ВВП, тем выше в этих странах темпы экономического роста. В большинстве из них существовали тарифные барьеры, направленные против импорта, но это характерно для всех государств Азии, Африки и Южной Америки. Восточноазиатские «тигры» отличаются от других тем, что осуществляли подобную политику в меньших масштабах, чем другие развивающиеся страны, и отказывались от нее гораздо раньше. В то время как другие государства стремились к автаркии и избегали участия в международной торговле, страны Восточной Азии, наоборот, добивались «интернационализации» своей экономики. В 1960-х годах они взяли курс на поощрение экспорта, в том числе за счет отмены «разрешительного» режима и освобождения фирм-

экспортеров и их поставщиков от уплаты импортных пошлин. Тарифы на ввоз машин, оборудования и прочих изделий, используемых в производстве, были значительно снижены. Согласно «индексу открытости», разработанному экономистами из Гарвардского университета Джеффри Саксом и Эндрю Уорнером, восточноазиатские «тигры» одними из первых среди развивающихся стран «распахнули двери» своей экономики — путем сокращения тарифов, упразднения квот, либерализации экспорта и отказа от регулирования валютных операций. Экономику Тайваня, Таиланда и Малайзии можно было признать «открытой» уже в 1963 году, Япония последовала их примеру годом позже, Южная Корея — в 1968 году, а Индонезия — в 1970-м. Гонконг проводит более либеральную экономическую политику, чем любая другая страна мира²⁵.

Самые наглядные результаты дает сравнение «тигров» с соседними странами, схожими с ними в культурном и демографическом плане, но избравшими противоположное направление экономического развития. Северная Корея и Бирма не стали строить рыночную экономику, отдав предпочтение «ультрапротекционистской» политике и жесткому регулированию народного хозяйства. В результате они оказались за бортом регионального экономического бума, не смогли выбраться из нищеты и сегодня находятся под властью бесчеловечных диктаторских режимов. Восточноазиатское «чудо» свидетельствует отнюдь не о достоинствах государственного регулирования и контроля: напротив, опыт «тигров» говорит о том, что открытая, свободная рыночная экономика является необходимым условием развития.

Африканская трясина

Ситуация в африканских странах, особенно тех, что расположены южнее Сахары, представляет собой печальную противоположность восточноазиатскому «экономическому чуду». В большинстве стран Тропической и Южной Африки объем ВВП на душу населения по сравнению с серединой 1960-х годов не только не увеличился, но и снизился; именно там, больше, чем где-либо еще на планете, распространены нищета, болезни, недоедание, неграмотность и детский труд. Вместо тенденций к росту и процветанию, которые преобладают в большинстве других регионов мира, на этом континенте

в течение последних тридцати лет жизненный уровень падает, а масштабы бедности не сокращаются. Отчасти это связано с природными факторами. Тропический климат способствует распространению инфекционных заболеваний, почва здесь менее плодородна, а стихийные бедствия случаются чаще, чем, например, в Европе. Треть населения Африки живет в странах, лишенных выхода к морю, что затрудняет им доступ к международным рынкам и основным торговым путям. Произвольное определение границ и дискриминационная политика бывших колониальных держав способствовали сильной этнической и языковой раздробленности внутри африканских государств. Во многих странах континента бушуют войны и не прекращаются конфликты.

Однако в других регионах, для которых характерно столь же негативное сочетание естественных и цивилизационных факторов, ситуация выглядит лучше, чем в Африке. Даже войны и голод имеют политические причины — ни одна из демократических стран за все десятилетия и века своей истории не страдала от массового голода, и войны друг с другом такие государства, как правило, не ведут. Это показывает, что перспективы развития конкретной страны во многом связаны с характером ее институционального и политического устройства. В Африке значительно больше, чем на других континентах, распространены политические репрессии, коррупция, экономический дирижизм и протекционизм. От колониального периода африканским государствам досталась в наследство иерархическая, репрессивная система политического управления, которую они используют для угнетения этнических меньшинств и сельского населения, ограничения предпринимательской деятельности и нарушения основополагающих прав граждан.

Лидеры африканских стран в общем и целом старались избегать «копирования» экономического курса бывших колониальных хозяев, опасаясь зависимости от торговых связей с прежними метрополиями. Поэтому они пытались построить автаркическую экономику, устанавливая драконовские тарифы, осуществляя национализацию и жестко контролируя промышленность. Цены и валютные операции жестко регулируются, а государственные расходы порой переходят всякие разумные границы. Городские элиты эксплуатируют сельское население. Вместо формирования рын-

ков сбыта, государство в африканских странах монополизировало закупки сельхозпродукции, выплачивая крестьянам гроши за их поставки, и ввело централизованную систему распределения продовольствия. Таким образом государство, по сути, проводило конфискацию всех излишков сельхозпродукции, что вело к обнищанию аграрного населения и фактической ликвидации торговли. Объемы производства в сельском хозяйстве снижались; крестьяне вынуждены были уходить на «подпольный» рынок. Все это препятствовало осуществлению планов индустриализации, а в условиях экономического спада 1970-х годов положение стало угрожающим. В середине 1980-х годов, после тщетных попыток выйти из кризиса за счет иностранных займов, многие африканские страны оказались на грани краха. Общественные структуры рушились, люди голодали, лекарств не хватало, производственное оборудование простаивало из-за отсутствия запчастей. За последующие годы положение удалось стабилизировать, но экономическое оживление так и не наступило. В 1990–2002 годах ВВП на душу населения в странах Тропической и Южной Африки увеличивался в среднем лишь на 0,4% в год.

Причиной голода и лишений, от которых страдают африканцы, стали не скудость почв или засуха, а деспотические режимы, систематически подрывающие экономический потенциал собственных стран. Избежав «зависимости» от международной торговли, эти государства сегодня зависят от международной помощи. В пересчете на душу населения Африка к югу от Сахары получает этой помощи больше, чем любой другой регион мира. Для некоторых государств объем получаемой финансовой помощи вдвое превышает национальный доход. Однако эти деньги часто не попадают к нуждающимся, а идут на поддержание правящих режимов, эксплуатирующих собственный народ. Многие западные доноры заявляли, что эти страны еще не созрели для демократии и индивидуальной свободы, поэтому им следует создавать плановую экономику и сокращать зависимость от внешней торговли. Результаты подобных «рецептов» не заставили себя ждать. Потенциальные предпринимательские инициативы душатся на корню, и если в 1960-х годах на долю Африки приходилось 5% объема международной торговли, то сегодня — всего 1%.

В ряде случаев африканские страны на долгие годы оказываются под властью авторитарных режимов вроде режима Мугабе в Зимбабве, Moi в Кении или Мобуту в Заире, которые держатся только за счет западной помощи развивающимся странам. Африканский экономист Джордж Айтти называет такой тип политического устройства «государством-вампиром», напоминающим оккупационную армию: оно заинтересовано не в поощрении творческой инициативы и экономическом росте, а лишь в присвоении имеющихся в обществе ресурсов. Часто подобные лидеры и их окружение обогащаются за счет прямой экспроприации собственности и масштабного расхищения государственных средств. По оценкам, Мобуту сколотил состояние в 4 миллиарда долларов, в то время как его страна оказалась на грани краха.

Если вам кажется, что иерархичность системы управления — синоним ее эффективности, присмотритесь к ситуации в этих странах повнимательнее. В государственном секторе царит хаос. Бюрократы игнорируют свои прямые обязанности, приказы сверху не выполняются — чиновники следуют указаниям «с точностью до наоборот». Суды, которые редко можно назвать беспристрастными, не защищают нерушимость контрактов и права собственности. Коррупция распространена настолько, что государство оказывается полностью парализованным и не выполняет свои функции. Чиновники вымогают взятки даже за разрешение заниматься любой деятельностью или торговлей, что ставит корпорации в крайне затруднительное, а бедняков — в совершенно безвыходное положение. Политические решения часто принимаются по соображениям связей и кумовства, а не целесообразности того или иного предложения. Произвол и коррупция препятствуют развитию предпринимательства, во многие из таких государств иностранные инвестиции не поступают вообще. Африка действительно оказалась «на обочине» — в этом антиглобалисты совершенно правы, — но причина заключается в том, что африканские государства сторонятся глобализации и в результате проводят социалистическую или протекционистскую

политику либо оказываются во власти правителей-бандитов. Для простых африканцев глобализация означает лишь то, что их лидеры разъезжают по миру, выступая на международных конференциях²⁶.

В последние годы некоторым африканским странам удалось сбалансировать госбюджет, но это лишь первый небольшой шаг. Обуздание мощных лоббистских группировок, энергичная борьба с коррупцией, сокращение госаппарата и открытие экономики для иностранных конкурентов — все это дается им намного труднее. Из стран, расположенных к югу от Сахары, несколько больше половины можно назвать относительно демократическим с точки зрения политического устройства, но по степени либерализации экономики они находятся на последних местах в мире. Оценивая уровень экономической свободы в этом регионе, специалисты из Института Фрейзера пришли к выводу, что из 20 стран мира с наименее свободной экономикой 14 находятся в Африке (следует отметить, что за рамками исследования остались государства, где продолжаются масштабные вооруженные конфликты, — из-за невозможности получить сколько-нибудь достоверные данные). Из всех африканских стран, по которым имеется соответствующая статистика, лишь 4 попали в первую половину списка из 123 стран, выстроенных по степени экономической свободы²⁷.

Самые масштабные и последовательные попытки избежать «язв» глобализации и либерализации предпринимаются в Зимбабве — стране, которая уже много лет получает международную помощь на нужды развития. После прихода к власти диктатора Роберта Мугабе торговые связи страны с внешним миром были резко ограничены, государственные расходы взлетели до небес, а цены жестко регулируются. В последние годы власти этой страны усиливают репрессивную политику: происходит массовая экспроприация собственности, свобода слова подавляется, а оппозиция подвергается террору. Всего за пять лет объем ВВП Зимбабве сократился на треть, а количество живущих в абсолютной нищете увеличилось на 10 процентных пунктов. Некогда эта страна была крупным экспортером продовольствия, но за несколько лет урожаи зерновых сократились на две трети, и более 6 миллионов зимбабвийцев сегодня оказались на грани голода²⁸.

Другим примером из того же ряда является Нигерия. Из-за жесткого регулирования экономики и коррупции эта огромная страна с богатыми природными ресурсами и обширными сельскохозяйственными угодьями не в состоянии избавиться от ужасающей нищеты. В конце 1980-х годов власти, по рекомендации МВФ и других организаций, приступили к определенным структурным реформам, однако из-за непопулярности этих мер нигерийское правительство отказалось от них уже в начале 1990-х. В экономике вновь было введено регулирование, кредитный и валютный рынки ликвидированы, над процентными ставками опять установлен жесткий контроль. Это привело к росту инфляции и безработицы. С 1992 по 1996 год число нигерийцев, живущих в абсолютной нищете, увеличилось с 43 до 66% населения — невероятная цифра! Сегодня на долю Нигерии приходится четверть от общего числа граждан всех африканских стран к югу от Сахары, живущих в абсолютной бедности. Несмотря на приход к власти нового демократического правительства, реформы в стране осуществляются крайне медленно. Средний доход на душу населения в Нигерии сегодня ниже, чем тридцать лет назад; качество образования и здравоохранения снизилось.

Экономисты Джеффри Сакс и Эндрю Уорнер изучили результаты различных реформ в африканских странах с точки зрения экономического роста. На основе материала по разным странам они попытались вычислить вероятные показатели роста для африканского континента, если бы там, как и в Восточной Азии, проводилась экономическая политика, направленная на открытие рынков, свободу предпринимательства, защиту прав собственности и рост сбережений. Сакс и Уорнер утверждают: в этом случае, даже несмотря на неблагоприятные природные условия, Африка в 1965–1990 годах смогла бы добиться среднегодового роста ВВП на душу населения в размере 4,3%. В результате доходы населения увеличились бы почти в три раза. Конечно, любые оценки такого рода следует воспринимать с определенной долей скепсиса, но даже с большой поправкой на статистическую погрешность эта цифра все равно остается чрезвычайно высокой по сравнению с реальными показателями экономического роста в Африке за эти годы — всего 0,8% в год²⁹.

Если мы изучим результаты, достигнутые теми африканскими странами, которые все-таки *проводили* политику

свободной торговли и экономической открытости, подобные оценки гипотетических достижений либеральной политики окажутся вполне реалистичными. В Ботсване скотоводы быстро осознали, что политика экономической открытости соответствует их интересам, в результате чего уже в конце 1970-х годов в ряде секторов экономики воцарилась свободная конкуренция. В этой стране права собственности находятся под защитой и никогда не проводилась национализация. Благодаря «особым отношениям» с ЕС ее экспорт в европейские страны освобожден от пошлин и квот. С момента обретения независимости в 1966 году история Ботсваны стала исключением для континента, где господствуют диктаторские режимы. Ныне она является одной из наименее коррумпированных стран Африки, и по этому показателю ее можно сравнить с Европой. По темпам экономического роста Ботсвана даже обогнала восточноазиатские страны — в 1970–1990 годах его среднегодовые темпы составляли 10%. Другая страна, уже на раннем этапе сделавшая ставку на свободную торговлю, — островное государство Маврикий. За счет сокращения военных расходов, защиты прав собственности, снижения налогов, либерализации рынка капиталов и усиления конкуренции Маврикию удалось добиться среднегодовых темпов роста на уровне 5%. Сегодня почти все жители острова имеют доступ к чистой воде; успешно развиваются системы образования и здравоохранения. Если страны вроде Маврикия и Ботсваны способны продемонстрировать такие показатели роста, что мешает остальным африканским государствам добиться того же? Их жители не менее изобретательны и предприимчивы, чем граждане Маврикия и Ботсваны, но вынуждены тратить свой творческий потенциал на попытки избежать взяток и обойти нормы регулирования, а свои способности — реализовать в «неформальном» секторе.

Другой наглядный урок дает Гана: в этой стране к либерализации экономики приступили в 1983 году, и постепенно ее благосостояние начало расти, тогда как в соседних государствах ситуация ухудшалась. Среди прочих мер в Гане проведено дерегулирование сельского хозяйства, отменены тарифы, контроль над ценами и государственные субсидии. Производство быстро растет, что в первую очередь пошло на пользу крестьянам, выращивающим кокосы, — но, поскольку

ку крестьяне получили возможность инвестировать полученные средства или тратить их на товары и услуги, от аграрного бума выигрывают и многие другие отрасли экономики. В 1990-х годах число людей, живущих в абсолютной нищете, сократилось с 36 до примерно 29% населения, и в 2000 году в Гане впервые за ее историю произошла мирная и демократическая передача власти.

По такому же пути пошла и Уганда: в 1990-х годах по темпам либерализации экономики она занимала одно из первых мест на континенте. Была проведена ускоренная либерализация торговли, отменено регулирование цен, налоги сокращены, уровень инфляции снижен, сделаны первые шаги по защите прав собственности и дерегулированию финансовых рынков. Благодаря этим факторам в сочетании со значительной иностранной помощью на нужды развития среднегодовые темпы роста превысили 5%, а уровень экономического неравенства снизился. В 1990-х годах число угандийцев, живущих в абсолютной нищете, сократилось с 56 до 35% населения. Относительно высокий уровень открытости и просветительская деятельность независимых организаций способствовали тому, что Уганда стала первой африканской страной, где заболеваемость ВИЧ/СПИДом в городах начала снижаться.

Эти африканские «львы» (двоюродные братья азиатских «тигров», или «драконов») наглядно демонстрируют — пусть даже их развитие проходит не без сбоев, — что бедность нельзя считать чем-то вроде «закона природы». Медленно, очень медленно, некоторые страны Тропической и Южной Африки начинают использовать свои ресурсы более эффективно и предоставлять своим гражданам больше экономической свободы. Число демократических государств в Африке растет, а процесс урбанизации ломает традиционную систему трайбалистской лояльности, которая препятствовала установлению равенства всех граждан перед законом. Развитие конкуренции приводит к сокращению коррупции, поскольку правители уже не могут по собственному произволу выдавать или не выдавать разрешения и льготы. Другим мотивом для борьбы с коррупцией становится заинтересованность в иностранных капиталах: международные инвесторы стараются избегать стран, где процветает мздоимство. Государственный контроль над экономикой начинает понемно-

гу смягчаться. Доля расходов на здравоохранение в госбюджетах африканских стран за 1990-е годы пусть ненамного, но увеличилась.

Африке еще предстоит пройти невероятно долгий путь, но, вопреки утверждениям некоторых скептиков, положение отнюдь не безнадежно. Многим африканским государствам, неудержимо катившимся в пропасть, удалось стабилизировать экономику, хоть и на крайне низком уровне развития. Чтобы продвинуться вперед, им понадобятся решительные демократические и либеральные реформы, а для осуществления этих реформ требуются лидеры, которым хватит смелости поставить интересы народа выше интересов друзей или бюрократии. С учетом тяжелейших стартовых условий XXI век вряд ли станет «веком Африки», но полностью исключать этого все же нельзя.

Глава 3

Свободная торговля — справедливая торговля

Взаимная выгода

После демонстраций протеста с участием десятков тысяч людей во время сессии Всемирной торговой организации в Сиэтле в 1999 году преимущества свободной торговли вновь были поставлены под сомнение в ходе публичных дискуссий. Раздаются призывы к экономической автаркии; развивающимся странам рекомендуют «защищаться» таможенными тарифами, пока их промышленность не укрепит-ся; утверждают, что необходимо разработать «новые правила» международной торговли. Суть этих критических замечаний можно свести к лозунгу: «Нужна не свободная, а справедливая торговля». Но, на мой взгляд, свободная торговля по определению может быть только справедливой, поскольку она основана на добровольном сотрудничестве и обмене. Свобода торговли означает, что вы сами, а не государственные власти решаете, где покупать нужные вам товары, не переплачивая за них только потому, что при транспортировке этим товарам приходилось пересекать государственную границу. Тарифы — то есть пошлины, которыми облагается товар при пересечении границы, и квоты, ограничивающие количество конкретных изделий, ввозимых в страну, — представляют собой прямое ограничение свободы граждан самостоятельно принимать решения, связанные с собственным потреблением. Свобода от всех этих ограничений — то есть свободная торговля — дает всем нам право выбора и возможность повысить свой уровень жизни.

Может показаться странным, что люди, просто обмениваясь некими предметами, способствуют росту благосостояния во всем мире. Но каждый раз, отправляясь за покупками, вы убеждаетесь (пусть и на подсознательном уровне), насколько обмен обогащает всех. Вы платите доллар за пакет молока, потому что молоко вам нужнее, чем этот доллар. Владелец магазина продает его именно по этой цене, потому что от вас он получает доллар, а если молоко останется непроданным — не получит ничего. Условия сделки удовлетворяют обе стороны, иначе она бы просто не состоялась. После этой транзакции у вас обоих возникает ощущение, что вы произвели удачный обмен и сумели удовлетворить свои потребности.

Благодаря торговле человек, который лучше всего умеет делать велосипеды, занимается именно этим, тот, кто хорошо стрижет, — работает парикмахером, а тот, кто научился собирать телевизоры, поступает работать на завод электронного оборудования. Затем эти работники совершают акты обмена, чтобы получить то, что каждый из них хочет. Благодаря свободной торговле мы получаем возможность приобретать товары и услуги, которые никогда не смогли бы изготовить или оказать сами. Свободный выбор означает, что мы можем приобрести самые качественные и дешевые из имеющихся товаров. Он также дает нам доступ к товарам, которые мы не в состоянии произвести сами. В любом магазине в Миннесоте можно купить бананы и ананасы, хотя в самом штате эти фрукты не выращиваются. Даже в самых северных странах свежие овощи продаются круглый год, а жители стран, не имеющих выхода к морю, лакомятся норвежской лососиной. Свободная торговля приводит к тому, что производством товаров и услуг занимаются те, у кого это лучше всего получается, а затем их продукция продается всем, кто хочет ее купить. Вот, собственно, и все.

Однако есть и другие — даже более убедительные — аргументы в пользу свободной торговли. Наверное, большинство людей понимает, что за счет торговли можно заработать деньги, если ты изготавливаешь какой-то товар лучше, чем все остальные, но в основе критики свободной торговли зачастую лежит опасение, что некоторым странам удастся *всё* делать лучше других. Наиболее передовые страны и предприятия, возможно, способны производить все товары эффективнее, чем их более слабые торговые партнеры. Но истина

заключается в том, что вы получаете выгоду от торговли, даже если вы делаете что-то не так хорошо, как другие. Важно заниматься тем, что у вас *сравнительно* хорошо получается, и при этом не обязательно обладать в данной области непревзойденным мастерством.

Возьмем воображаемый пример торгового обмена между двумя людьми. Джулия — высококлассный специалист, выдающийся хирург, и при этом она прекрасно готовит. Второй человек — Джон — не обучен какой-либо профессии, да и готовит он хуже Джулии. Джон хотел бы заняться каким-то несложным ремеслом, которому он способен быстро выучиться, прямо на дому, а затем обменивать продукты своего труда на более сложные услуги — например, хирургическую и другую медицинскую помощь. Но зачем Джулии соглашаться на такой обмен, если она даже готовит лучше Джона? По той простой причине, что ей выгоднее сосредоточиться на деле, в котором ей вообще нет равных. Если как повар она, скажем, вдвое лучше Джона, то как хирург она превосходит его неизмеримо. Поэтому она зарабатывает гораздо больше, если будет посвящать все свое время хирургическим операциям, а потом потратит часть денег на еду, купленную в готовом виде у кого-то еще. Не теряя времени на приготовление еды, Джулия получит гораздо больше денег, чем потратит на покупку готового обеда, а это значит, что у нее останется больше средств, чтобы приобретать другие нужные ей товары и услуги.

Те, кто выступает против свободной торговли из-за того, что она ведется «неравноправно», при «разных стартовых условиях», несомненно, порекомендуют Джону не вести с Джулией никаких дел. Но он тоже немало выигрывает от свободной торговли, поскольку в этих условиях может заниматься тем, что умеет лучше всего, и получать в обмен товары и услуги, которые ему необходимы, но которые сам произвести не может, — например, велосипеды или медицинскую помощь. Этот пример иллюстрирует феномен, который экономисты называют «сравнительным преимуществом». Джону незачем быть непревзойденным мастером в своей профессии. Ему достаточно владеть ею относительно хорошо — то есть уметь производить какой-то товар лучше, чем другие вещи, в которых он нуждается. Даже в таком случае Джону стоит заняться именно одним этим делом, а не пы-

таться самому изготовить все, что ему необходимо. То есть он сосредоточивается на той сфере, где имеет сравнительное преимущество.

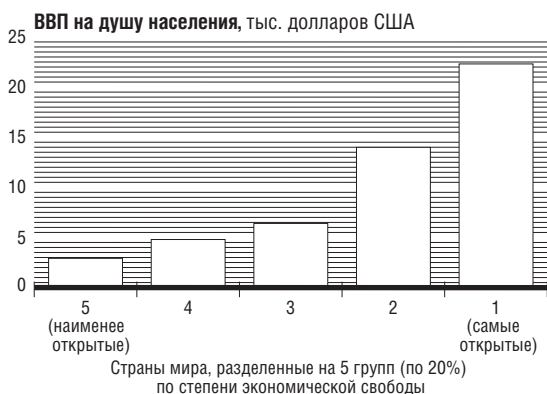
Этот тезис справедлив даже в том случае, если речь идет не о разнице в образовании и профессиональной подготовке, а просто о разной степени усердия и удачливости. Представим, что наши два персонажа оказались на необитаемом острове и, чтобы не умереть с голоду, им необходимо в день съедать по одной рыбе и одному караваю хлеба. Джулии, чтобы прокормиться, надо потратить два часа в день на выпечку караваев и час на рыбалку. Джону, чтобы выпечь хлеб, нужно потратить два с половиной часа, а чтобы поймать одну рыбу — пять часов. Получается, что Джулии оба занятия опять же удаются лучше, чем Джону. Но ей все равно выгодно наладить с ним обмен, потому что в этом случае она сможет сосредоточиться на том, что у нее получается лучше всего, — рыбной ловле. Потратив те же три часа, она может поймать трех рыб, а Джон за те же семь с половиной часов испечет три караваев. Потом они обменяются излишками, и каждый получит по полторы рыбы и полтора караваев. Таким образом, не затратив лишнего времени и усилий, Джон и Джулия способны увеличить свою совокупную дневную «выработку» с двух рыб и караваев до трех. В этом случае они будут лучше питаться или выберут альтернативный вариант — тратить меньше времени на работу и все равно иметь по одной рыбе и одному караваю в день. К тому же освободившееся время они могут использовать для строительства хижины или лодки. Если же у них будет возможность торговать с жителями других близлежащих островов, они обменяют свои излишки на одежду и орудия труда, в изготовлении которых те обладают сравнительным преимуществом.

Конечно, мы привели весьма упрощенный пример, но он позволяет объяснить, что такое специализация, — даже на более сложном и масштабном уровне. При обмене между странами сравнительное преимущество — столь же важный фактор, как и в ходе обмена между индивидами. Заменим в приведенном примере людей по имени Джон и Джулия на государства — например, США и Канаду, а рыбу и хлеб на компьютеры, одежду, трактора или лекарства. Принцип специализации на том, что у вас получается относительно лучше, применим и к данной ситуации. При этом сравнительное преимущество той или иной страны не обязательно связано

с ее природными ресурсами, например, с тем, что в США есть большие площади сельскохозяйственных земель, а в Венесуэле и странах Ближнего Востока — нефть. Страна может получить сравнительное преимущество в чем-то и благодаря стечению обстоятельств. Так, компьютерные фирмы обосновались в Силиконовой долине, а магнаты индустрии моды — в Милане не из-за каких-то особенных природных условий, а потому, что там они могут воспользоваться профессиональными связями, специализированными знаниями и привлечь квалифицированную рабочую силу, которые по тем или иным причинам сконцентрированы именно в этих местах.

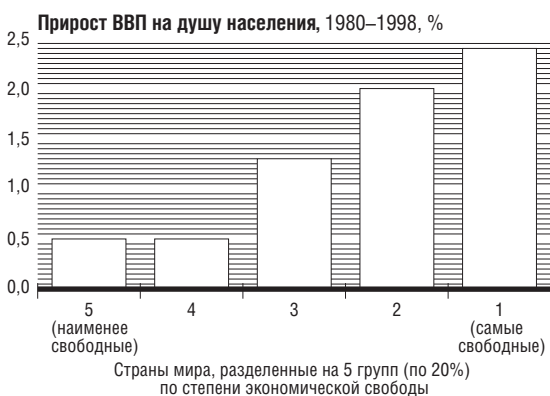
Эти простые примеры демонстрируют несостоятельность утверждений о том, что страны должны стремиться к экономической автаркии и производить товары и услуги только для собственного населения. В условиях свободной торговли производить что-то для других — все равно что производить для себя. Именно производство и экспорт товаров, которые мы изготавливаем лучше всего, позволяет нам импортировать другие товары, в которых мы нуждаемся. После Второй мировой войны руководство многих развивающихся стран Южной Америки, Африки и других регионов сочло, что политика экономической автаркии — правильный курс. Под аплодисменты западного мира они принялись налаживать производство «для пользы, а не для прибыли». На деле это

Рисунок 19. Свободная торговля несет людям процветание

Источник: Economic Freedom of the World 2001 / Ed. by J. Gwartney, R. Lawson. Vancouver: Fraser Institute, 2001.

Рисунок 20. Свободная торговля способствует экономическому росту

Источник: Economic Freedom of the World 2001 / Ed. by J. Gwartney, R. Lawson. Vancouver: Fraser Institute, 2001.

означало стремление изготавливать все товары самостоятельно, что приводило к огромным затратам.

Страны Восточной Азии избрали противоположный путь. Они изготавливали то, что получалось у них лучше всего, и экспортировали эту продукцию, взамен приобретая по выгодным ценам товары, в которых сами нуждались. Среди первых экспортных товаров Южной Кореи были парики и древесно-стружечные плиты; основой процветания Гонконга стали пластмассовые цветы и дешевые игрушки. Если бы в этих странах существовал Госплан, он вряд ли считал бы такие изделия товарами первой необходимости, но именно за счет их экспорта были получены средства для удовлетворения потребностей собственного населения¹.

Импорт — это важно

Приведенные выше аргументы говорят и о несостоятельности еще одного мифа, связанного с торговлей, — утверждений о том, что экспорт — дело благое, а импорт по каким-то причинам — явление негативное. До сих пор многие, подобно экономистам-меркантилистам XVIII века, считают, что государство обретает могущество, если вывозит много товаров, а ввозит мало. Однако, как свидетельствует исторический опыт, такая ситуация не может существовать долго. Импорт-

ные квоты, ограждающие рынок США от зарубежных товаров, приведут лишь к повышению внутренних цен, поскольку таким образом отечественные производители защищены от иностранных конкурентов. В результате производители неизбежно придут к выводу, что деятельность на американском рынке с его высокими ценами принесет им больше прибыли, чем вывоз и продажа товаров за рубежом по более низким мировым ценам. Таким образом, барьеры на пути импорта в конечном итоге приводят и к сокращению экспорта.

Истина состоит в том, что страна больше всего обогащается, экспортируя изделия, которые она изготавливает эффективнее всего, с тем чтобы за счет этого импортировать товары, которые производит (относительно) менее эффективно. Иначе придется изготавливать все необходимое самостоятельно, и мы лишимся преимуществ, связанных со специализацией. Продавая свои изделия, мы можем заработать много денег, но наш жизненный уровень увеличится только тогда, когда мы потратим эти деньги на приобретение тех товаров, которые в ином случае не получим. Один из первых теоретиков в области торговли, Джеймс Милль, еще в 1821 году справедливо заметил: «Выгода, получаемая от обмена одного товара на другой, неизменно связана с товаром, который вы *получаете*, а не с товаром, который вы *отдаете*»². Другими словами, единственная задача экспорта — получение импортных товаров.

Абсурдность идеи о том, что дешевых импортных товаров следует избегать, становится очевидной, если спроецировать эту ситуацию не на международную, а на внутреннюю торговлю — представьте, к примеру, что власти Лос-Анджелеса будут препятствовать ввозу товаров из Сан-Франциско, защищая тем самым внутригородской рынок. Если бы импорт действительно наносил ущерб экономике, отдельным городам и регионам следовало бы запрещать своим жителям покупать товары, изготовленные в других регионах и городах. По этой логике Калифорния пострадает, если будет приобретать техасскую продукцию, Бруклин выиграет, если закроет двери для товаров, произведенных в Манхэттене, и в конце концов каждой отдельной семье следует самой изготавливать все необходимое, а не обмениваться с соседями. Очевидно, что подобная ситуация обернется весьма значительным снижением жизненного уровня: «автаркической» семье придется работать день и ночь, чтобы просто прокормиться. Когда

вы идете в магазин, вы «импортируете» продукты питания — причем по низкой цене, поэтому такая покупка приносит вам выгоду, а не убыток. А на своем рабочем месте, производя товары и услуги, вы, по сути, занимаетесь «экспортом». Естественно, большинство из нас предпочло бы «импортировать» товары и услуги настолько дешево, чтобы позволить себе «экспортировать» поменьше.

Торговля — не «игра с нулевой суммой», где одна сторона теряет ровно столько, сколько другая приобретает. Напротив, обмен просто не состоится, если обе стороны не сочтут его выгодным для себя. Поэтому наиболее важным показателем следует считать не торговый баланс (его активное сальдо означает, что мы экспортируем больше, чем импортируем), а общий объем товарооборота — ведь мы играем и от импорта, и от экспорта.

Часто говорят, что импорт ведет к росту безработицы: если американцы ввозят дешевые игрушки и одежду из Китая, соответствующие производства внутри страны придется сокращать. Однако, если посмотреть на эту проблему в глобальном масштабе, возникает вопрос: почему рабочие места и инвестиции в Соединенных Штатах важнее, чем в бедных странах? Разве жители этих стран не нуждаются в занятости острее, чем мы, — ведь их власти не в состоянии выплачивать людям пособия по безработице? Впрочем, и такой взгляд на вещи нельзя считать правильным. Получая более дешевые товары из-за рубежа, Соединенные Штаты экономят ресурсы, которые можно вложить в создание новых производств, а китайцы за счет экспорта получают больше денег и смогут приобретать у американцев компьютерные программы или альбомы Бритни Спирс. Кроме того, для большинства видов производственной деятельности необходимы сырье и запчасти, которые производители получают от поставщиков и субподрядчиков из других стран. Так, шведская компания Ericsson, выпускающая мобильные телефоны, закупает часть электронных компонентов у азиатских производителей. Поэтому, если ЕС повышает тарифные барьеры против товаров из Азии, утверждая, что это необходимо для сохранения рабочих мест в Европе, европейские фирмы вроде Ericsson несут дополнительные издержки и соответственно выпускают меньше продукции — а это означает, что они создают меньше новых рабочих мест, чем могли бы в иной ситуации.

«Ничего не может быть нелепее всей этой теории торгового баланса, на которой основаны не только эти ограничения, но почти все другие меры, регулирующие торговлю. Когда две страны торгуют друг с другом, то согласно этой теории при одинаковости баланса ни одна из них не теряет и не выигрывает; но, если баланс хотя чуть-чуть склоняется на одну сторону, одна из них теряет, а другая выигрывает соответственно его отклонению от точного равновесия. Оба предположения неправильны. Торговля, которая создается посредством премий и монополий, может быть и обычно бывает невыгодной для той страны, в интересах которой это делается, как я и постараюсь показать в дальнейшем. Напротив, торговля, которая, помимо всяких искусственных воздействий или стеснений, естественно и нормально ведется между двумя странами, всегда выгодна, хотя и не всегда одинаково, им обеим» (АДАМ СМИТ, 1776)³.

Таким образом, когда политические руководители разных стран собираются в Сиэтле или Катаре на переговорах о снижении тарифных барьеров в рамках Всемирной торговой организации (ВТО), они в чем-то действуют неразумно: ведь эти политики заявляют — мы согласимся уменьшить тот или иной тариф только в том случае, если так же поступят все другие страны. Подобные заявления по сути своей нелогичны, поскольку любая страна выигрывает от снижения тарифов и возможности импортировать дешевые товары, независимо от того, следуют ли другие ее примеру. Наиболее целесообразная политика заключается в односторонней либерализации торговли: то есть, к примеру, Соединенным Штатам следует демонтировать свою систему тарифов и квот, даже если другие страны сохраняют или даже увеличат аналогичные барьеры. Неужели мы должны заставлять собственное население страдать от последствий тарифов и запретов только потому, что так поступают со своими гражданами другие государства? Как отметила британский экономист Джоан Робинсон, вряд ли разумно перегораживать собственные гавани камнями из-за того, что прибрежные воды соседних стран изобилуют рифами и мелями, затрудняющими вашим кораб-

лям доступ в тамошние порты. Тот, кто говорит: «Я отказываюсь от возможности расширить свой выбор дешевых и качественных изделий, пока этого не сделаете вы», прежде всего вредит самому себе, а не «карает» других.

Тем не менее многосторонние торговые переговоры под эгидой ВТО — дело полезное. Во-первых, благодаря таким переговорам лоббистские группировки охотнее соглашаются с либеральными реформами в области торговли. Если Соединенные Штаты в одностороннем порядке снизят импортные тарифы, подобная мера, вероятно, встретит ожесточенное сопротивление со стороны американских компаний и профсоюзов, не желающих сталкиваться с иностранной конкуренцией. Такая конкуренция, естественно, идет на пользу потребителю, но потребители не имеют единой организации и вряд ли станут шумно протестовать против того или иного конкретного тарифа. Что же касается деловых кругов, чье монопольное положение на рынке эти тарифы защищают, то они будут изо всех сил бороться за сохранение своих привилегированных позиций. Однако, если тарифы снижаются в рамках многостороннего соглашения, баланс политических интересов может измениться. Когда целый ряд стран одновременно осуществляет этот шаг, реформу поддержат корпорации и профсоюзы, действующие в экспортных отраслях, надеясь, что она поможет им завоевать новые рынки сбыта. Международные переговоры могут способствовать снижению тарифов и присоединению все новых стран к политике либерализации торговли, но не исключено и отрицательное воздействие на этот процесс. Если политики рассматривают тарифы как благо, от которого можно отказаться лишь в обмен на что-то, то рано или поздно им удастся убедить в этом избирателей. У последних создается впечатление, что тарифы — вещь хорошая, и, отказываясь от них, политики предают национальные интересы, хотя на самом деле тарифные барьеры вредны. Если торговые переговоры не сопровождаются мощной кампанией по мобилизации общественности в поддержку импорта, отмены тарифов и квот, дело может закончиться «контрударом» протекционистов, о чем свидетельствует неудача переговорного процесса после сессии ВТО в Сиэтле в декабре 1999 года⁴.

Существование такой структуры, как ВТО, может принести нам всем и другое, еще более важное преимущество:

беспристрастный кодекс правил международной торговли, обеспечивающий соблюдение всеми странами заключенных соглашений. В прошлом нормой считалась ситуация, когда могущественные страны вели себя по отношению к более слабым государствам так, как им заблагорассудится. Многие страны мира выступали за создание международной торговой организации, устанавливающей единые для всех правила, прежде всего потому, что надеялись таким образом предотвратить односторонние акции Вашингтона, направленные против торговых партнеров США. Однако Соединенные Штаты с самого начала стремились к созданию слабой организации, не имеющей полномочий по урегулированию споров. Вступая в ВТО, страны-участницы обязуются не проводить дискриминационной политики в отношении зарубежных предприятий и фирм и не вводить торговых барьеров без должных оснований — по крайней мере, не увеличивать те, что уже существуют. Именно в надежде обрести подобную защиту бедные страны без промедления ратифицировали соглашение 1995 года о создании ВТО, а ЕС, США и Япония, привыкшие делать то, что им хочется, затягивали этот процесс. С тех пор могущественные страны вроде Соединенных Штатов часто оказываются в роли проигравшей стороны в спорах, разрешаемых под эгидой ВТО, чего никогда не случается в рамках ООН, где они обладают правом вето.

Еще одно преимущество ВТО связано с тем, что ее страны-участницы обязуются ввести в отношении всех других членов организации режим наибольшего благоприятствования в торговле, что означает автоматическое распространение на всех снижения тарифов в отношении любой другой страны. Раньше Соединенные Штаты и ЕС проводили взаимное сокращение тарифов, не собираясь распространять эти меры на другие государства. Теперь сниженные тарифы должны действовать и в торговле с бедными странами — однако за исключением региональных торговых соглашений, например, в рамках самого Евросоюза или Североамериканского соглашения о свободе торговли.

Однако на практике препятствия для введения несправедливых тарифов не так уж и велики. ВТО не имеет прямых полномочий запрещать своим членам вводить тарифы: она может лишь предоставить пострадавшей стороне право на аналогичные ответные меры. Подобное положение дел не на-

зовешь идеальным, поскольку каждой стране следует избавляться от тарифов независимо от того, как поступают другие. Более целесообразно было бы вынуждать государство, проигравшее подобный спор, выплачивать пострадавшей стороне компенсацию в денежной форме или в виде сокращения тарифов на другие товары. Однако уже само существование стабильной процедуры разрешения таких споров представляет собой шаг вперед по сравнению с прошлым, когда любой, даже незначительный спор мог спровоцировать полномасштабную торговую войну. Теперь «слово чести» по крайней мере не позволяет государствам нарушать заключенные соглашения. Однако в нескольких случаях, имевших широкий резонанс, Евросоюз все же пытался сохранить тарифы, получившие негативную оценку ВТО. Одним из таких примеров является многолетняя дискриминация в отношении латиноамериканских бананов и мясных продуктов, прошедших гормональную обработку. Правительства стран ЕС ведут себя так, будто для промышленно развитых государств действуют одни правила, а для развивающихся стран — другие, что в долгосрочной перспективе неизменно нанесет большой урон репутации ВТО.

Если мы признаем импорт благом, из этого следует вывод о вредности антидемпинговых мер. Политики часто заявляют, что страну необходимо защищать от демпинга со стороны других государств: если, например, Малайзия будет продавать нам обувь по чрезвычайно низкой цене, не покрывающей производственных издержек или ниже уровня расценок на внутреннем рынке названной страны, это, по их мнению, следует рассматривать как «нечестную конкуренцию». То есть малайзийские производители занимаются демпингом, от которого нам следует защищаться. Однако, как остроумно заметил экономист Мюррей Ротбард, если кто-то заговаривает о «честной конкуренции», берегите кошельки — это значит, что вам собираются залезть в карман. Это замечание, несомненно, справедливо и для ситуации с введением антидемпинговых тарифов. На деле единственное, от чего они нас «защищают», — это дешевая обувь, телевизоры и продукты питания. Естественно, возникает вопрос — а зачем защищаться от товаров, предлагаемых нам по выгодным ценам? Когда иностранные производители прибегают к демпингу, это далеко не всегда означает, что они преследуют не-

кие мошеннические цели. Возможно, им приходится идти на это, чтобы проникнуть на новый рынок, — такая цель вполне законна. Если подобное разрешается вновь создаваемым местным компаниям, то почему нельзя иностранным? Отсутствие равноправия между своими и зарубежными производителями намного большая несправедливость, чем любой демпинг. Кстати, не исключено, что малайзийские обувщики продают свою продукцию на внутреннем рынке дороже, потому что имеют у себя в стране преимущества, которых лишены за рубежом, — например, преимущества, получаемые за счет протекционистских тарифных барьеров!

Соединенные Штаты заявляют о поддержке свободной торговли, но на деле являются главным нарушителем ее принципов, когда речь идет о введении антидемпинговых тарифов. Эти тарифы не только наносят ущерб производственным секторам других стран: они приводят к тому, что американская экономика ежегодно теряет миллиарды долларов за счет высоких цен и низкой эффективности. За последнее десятилетие практика применения таких тарифов расширилась. Поскольку правила ВТО и международные соглашения затрудняют введение прямых протекционистских мер, США и ЕС используют с этой целью антидемпинговые тарифы⁵.

Несмотря на правила ВТО, государства имеют возможность (которой они часто пользуются) фактически создавать торговые барьеры в виде субсидий и льгот отечественным производителям. К примеру, американская сталелитейная промышленность пользуется множеством таких льгот: государственными гарантиями в области пенсионного обеспечения и кредитов, освобождением от налогов и экологических нормативов, грантами на научные исследования и опытно-конструкторские разработки. По достаточно скромным оценкам, общая стоимость этих льгот и субсидий за период с 1975 года составила около 23 миллиардов долларов; авторы других исследований приводят иную цифру — более 30 миллиардов только за 1980-е годы. У американских налогоплательщиков есть все основания возмущаться подобными масштабными тратами общих средств, в результате чего не только пускаются на ветер налоговые поступления в казну, но и поддерживается существование неэффективных корпораций, а значит, ресурсы используются неэффективно. Однако иностранным потребителям следует не требовать

«защиты» от этой «нечестной» конкуренции, а радоваться, пусть и не без доли удивления, что благодаря правительству США они имеют возможность дешево покупать американскую сталь. Американские налогоплательщики, по сути, субсидируют потребителей сталелитейной продукции в Швеции и других странах. Поэтому решение правительства любого иностранного государства о субсидировании экспортных отраслей промышленности нам следует рассматривать не как угрозу, а как неожиданный подарок⁶.

Свободная торговля способствует росту

Либерализация торговли — явление позитивное прежде всего потому, что она несет с собой свободу: дает людям возможность покупать то, что они хотят и у кого хотят, а также продавать товары и услуги любому, кто пожелает их купить. Дополнительное экономическое преимущество свободной торговли заключается в том, что эта свобода обеспечивает эффективное использование ресурсов и капитала. Компания, регион или страна специализируются на той сфере экономической деятельности, где они имеют сравнительные преимущества, а значит, способны произвести максимальное количество материальных ценностей. Капиталы и трудовые ресурсы перемещаются из менее эффективных секторов в новые, более динамичные. В результате страна, благоприятствующая свободной торговле, выходит на новый, более высокий уровень производства и благосостояния, а значит, по крайней мере в первые несколько лет, добивается существенного увеличения темпов экономического роста. Открытость экономики ведет к тому, что повышение эффективности производства превращается в непрерывный процесс, поскольку конкуренция со стороны иностранных производителей вынуждает корпорации производить все более качественную и дешевую продукцию, позволяя потребителям свободно приобретать товары и услуги у того, кто предложит им самые выгодные условия. Постоянный рост эффективности в традиционных отраслях высвобождает ресурсы, которые вкладываются в разработку новых методов производства, научные исследования и новые виды продукции. Этот же фактор поддерживает и конкуренцию в целом: даже простое расширение масштабов конкуренции усиливает ее интенсивность.

Одно из величайших благ, которые несет с собой свободная торговля (хотя его трудно измерить), заключается в том, что страна, активно торгующая с другими государствами, импортирует не только товары, но также новые идеи и навыки. Если, например, Соединенные Штаты будут придерживаться политики свободной торговли, американские компании в сферах своей деятельности получают доступ к лучшим идеям со всего мира. Им придется работать динамичнее, причем они смогут заимствовать идеи других компаний, приобретать их технологии, нанимать иностранных работников. Открытость по отношению к другим людям и иным методам деятельности всегда способствовала развитию, а изоляция ведет к застою. Неудивительно, что в прошлом наиболее динамично развивались прибрежные регионы, местности вблизи городов, а труднодоступные, например горные, районы часто числились среди «отстающих».

За последние полвека общемировой объем производства возрос в 6 раз, а товарооборот — в 16 раз. Есть основания утверждать, что именно торговля является движущей силой производства. Насколько велико влияние экономической открытости на этот процесс, в точности сказать трудно, однако практически все экономисты признают, что оно имеет позитивный характер. Большое количество эмпирических данных свидетельствует о том, что свободная торговля способствует экономическому развитию.

Одним из фундаментальных, часто цитируемых исследований на данную тему является работа экономистов из Гарвардского университета Джеффри Сакса и Эндрю Уорнера⁷. Они изучили торговую политику 117 государств за период с 1970 по 1989 год. Даже сделав поправку на воздействие других факторов, авторы тем не менее пришли к выводу о наличии статистически значимой связи между свободной торговлей и экономическим ростом; что касается других соотношений, например, образования и роста, то подобных результатов исследователям выявить не удалось. В странах, придерживающихся принципов свободной торговли, экономический рост был в 3–6 раз выше, чем в государствах, проводивших протекционистскую политику. На протяжении рассматриваемого двадцатилетнего периода рост в развивающихся странах с открытыми рынками в среднем составлял 4,49% в год, а в тех, где экономика носила закрытый ха-

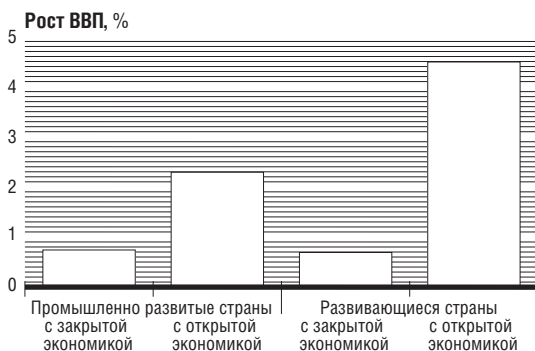
ракти, — лишь 0,69%. Для промышленно развитых стран эти показатели равнялись соответственно 2,29 и 0,74%.

Следует подчеркнуть, что в данном случае речь идет не о прибылях, которые приносит странам открытость зарубежных рынков для их товаров, а о том, сколько они получают за счет открытия собственных рынков. Результаты исследования свидетельствуют о том, что страны с открытой экономикой в 1970–1989 годах постоянно демонстрировали более высокие темпы роста, чем государства, ставившие барьеры на пути импорта. Во всех странах с открытой экономикой среднегодовые темпы роста были не ниже 1,2%, а для развивающихся стран, проводивших политику свободной торговли, этот минимум составлял 2,3%!

В любых регионах мира, даже в Африке, свободная торговля уже через короткое время привела к ускорению темпов экономического роста. Позитивные результаты свободной торговли были налицо даже там, где либерализация носила лишь временный характер. Страны, ненадолго открывавшие свой рынок, а затем вновь замыкавшиеся в самоизоляции, в период открытости демонстрировали более высокие темпы роста, чем до или после этого.

Замедление роста и сокращение инвестиций не приносили государствам, проводившим протекционистскую политику, даже экономической стабильности. Сакс и Уорнер

Рисунок 21. Соотношение свободы торговли и экономического роста в 1970–1980-х годах

Источник: *Sachs J., Warner A. Economic Reform and the Process of Global Integration. Brookings Papers on Economic Activity 1. 1995.*

показали, что страны с закрытой экономикой значительно в большей степени подвержены финансовым кризисам и гиперинфляции, чем те, которые придерживаются принципов свободной торговли. Лишь 8% из развивающихся стран, попавших в категорию «открытых» в 1970-х годах и впоследствии, пострадали от подобных кризисов в 1980-х годах, тогда как для государств из группы «закрытых» этот показатель за тот же период составил 80%.

Подобный тип регрессионного анализа, основанный на статистических данных по многим странам и предусматривающий учет других факторов, влияющих на экономические результаты, подвергается критике из-за многочисленных и неизбежных проблем с критериями измерения. Обработка огромного массива данных — задача всегда непростая. Где именно проходит водораздел между «открытой» и «закрытой» экономикой? Как определить различие между соотношением и причинно-следственной связью? И что в последнем случае причина, а что следствие? Достаточно вспомнить, что страны, проводящие политику свободной торговли, как правило, осуществляют и другие либеральные реформы, связанные, например, с защитой прав собственности, обузданием инфляции и сбалансированием бюджета. «Разложить по полочкам» результаты каждой из этих реформ крайне сложно⁸. Проблемы с методикой измерения действительно существуют, и результаты такого рода статистического анализа всегда следует воспринимать с определенной долей скепсиса, но примечателен уже тот факт, что за очень редкими исключениями подобные исследования неизменно указывают на огромные преимущества, которые дает свободная торговля. Их необходимо дополнять теоретическим анализом и результатами изучения ситуации по отдельным странам до и после либерализации торговли. Но и эти исследования свидетельствуют о преимуществах свободной торговли.

Экономист Себастиан Эдвардс считает, что главное — не разработка точных и объективных критериев измерения, а использование большого количества переменных величин, что позволяет выявить наличие или отсутствие общей закономерности. Используя 8 различных критериев экономической открытости, он произвел 18 вычислений на основе нескольких наборов данных и различных методик подсчета. По результатам всех вычислений, кроме одного, выявилась по-

зитивная связь между свободой торговли и экономическим ростом. В докладе комитету шведского парламента, известному под сокращенным названием Globkom, экономист Хокан Нурдстрём проанализировал 20 различных исследований на тему свободной торговли: все они однозначно свидетельствуют в пользу того, что открытие рынков положительно сказывается на развитии экономики⁹.

Еще одну попытку количественного измерения преимуществ торговли предприняли экономисты Джеффри Фрэнкел и Дэвид Ромер. На основе проведенного исследования они утверждают, что при увеличении товарооборота страны по отношению к объему ВВП на 1% доход на душу населения увеличивается на 0,5–2%. Это означает следующее: если страна увеличивает объем торговли на 10%, доходы бедняков возрастают на 5–20%. Естественно, речь идет о средних показателях, а не улучшении материального положения всех и каждого. Однако если посмотреть на практические результаты этих расчетов для бедных жителей планеты, то получится, что увеличение товарооборота такой страны, как Нигерия, на 10% позволит 25 миллионам человек вырваться из абсолютной нищеты. Если же речь идет об Индии, эта цифра возрастает в 10 раз. Конечно, мы имеем дело с гипотезой, не дающей абсолютных гарантий, но она позволяет судить о том, какой величайший потенциал несет в себе свободный коммерческий обмен¹⁰.

Впрочем, эта гипотеза подтверждается практическим опытом. За последние десятилетия 24 развивающихся страны с общим населением в 3 миллиарда человек интегрировались в глобальную экономику, увеличив товарооборот и сократив тарифы более чем в три раза по сравнению с другими странами. В этих «глобализованных» развивающихся странах среднегодовые темпы роста доходов на душу населения постепенно увеличились с 1% в 1960-х годах до 5% в 1990-х. При сохранении указанной тенденции доходы среднестатистического гражданина в этих странах будут удваиваться каждые 15 лет¹¹.

Существует ярко выраженная связь между либерализацией торговли и ускорением экономического роста, с одной стороны, и сокращением масштабов бедности — с другой. Мы видим, насколько по-разному складывается ситуация даже в соседних странах, в зависимости от того, про-

водят они или не проводят либерализацию экономики, открывают или не открывают свои рынки. Мы видим разницу между положением дел во Вьетнаме, где проводятся реформы, и Бирме, где они не проводятся, между Бангладеш и Пакистаном, между Коста-Рикой и Гондурасом, между Угандой и Кенией, между Чили и ее латиноамериканскими соседями — этот список можно продолжить.

Возникает и другой вопрос: как торговля влияет на равенство? Судя по всему, устойчивой и однозначной связи между ростом торговли и изменением ситуации с точки зрения имущественного равенства вообще не существует — а если она и есть, то очень небольшая и имеет позитивную направленность. Некоторые общественные группы проигрывают от введения свободной торговли, но это с равной вероятностью могут быть и бедные, и богатые, которых защищали протекционистские барьеры. Изменение ситуации с неравенством зависит прежде всего от общего политического курса. В 1990-х годах в странах, проводивших либерализацию, мы наблюдали разные результаты в этой области: в Китае неравенство усилилось, в Коста-Рике и Вьетнаме осталось неизменным, а в других странах — например, Гане и Таиланде — уменьшилось. Вьетнам после многих лет существования коммунистической плановой экономики и сопровождавшей ее глубочайшей нищеты в конце 1980-х годов провел либерализацию торговли и внутреннего рынка. Благодаря реформам вьетнамский экспорт трудоемких видов продукции — обуви и риса, выращиваемого бедными крестьянами, — существенно увеличился. Результатом этого стал мощный экономический рост и очень быстрое сокращение масштабов бедности. Если в 1988 году в абсолютной нищете жили 75% вьетнамцев, то к 1993 году их доля сократилась до 58%, а сегодня составляет 29% населения; за 1990-е годы увеличились доходы 98% беднейших семей в стране¹².

Один из выводов Сакса и Уорнера, на который нечасто обращают внимание, состоит в том, что бедные страны с открытой экономикой демонстрируют более высокие темпы роста, чем богатые страны, проводящие столь же либеральную экономическую политику. Дело в том, что бедные страны способны задействовать латентные ресурсы, а также экспортировать товары в богатые страны и «импортировать» оттуда капиталы и современные технологии, тогда как разви-

тые страны эти преимущества уже во многом реализовали в прошлом. Однако раньше экономистам не удавалось выявить эту закономерность. Причина проста: развивающиеся страны, проводящие протекционистскую экономическую политику, не могут воспользоваться этими преимуществами международного рынка, а потому по темпам роста отстают от богатых стран. Однако, когда Сакс и Уорнер сосредоточили внимание на тех развивающихся странах, которые открыли свои рынки для торговли и инвестиций, получив возможность воспользоваться всеми выгодами от экономических связей с развитыми государствами, то обнаружили, что по темпам роста эти бедные страны обгоняют либеральные богатые государства. Причем чем беднее были эти страны в начале пути, тем быстрее растет их экономика после проведения либеральных реформ. В отношении государств, замкнувшихся в самоизоляции, указанная закономерность не действует: это позволяет предположить, что свободная торговля — не только лучший способ добиться экономического роста, но и самый эффективный инструмент, позволяющий развивающимся странам преодолеть отставание от промышленно развитых. Одним словом, пока развивающиеся и развитые страны связаны торговыми контактами и потоками капитала, бедные государства демонстрируют лучшие показатели роста, чем богатые.

В 1990-х годах указанная закономерность проявилась с особой очевидностью. В течение этого десятилетия объем ВВП на душу населения в «закрытых» государствах сокращался в среднем на 1,1% в год. В промышленно развитых странах он увеличивался на 1,9%, но самые высокие показатели роста — в среднем 5% в год — продемонстрировали развивающиеся страны, открывшие свои рынки. Экономика именно этих стран растет самыми мощными темпами: по данному показателю они обгоняют богатые государства. Экономисты Доллар и Краай подытожили полученные ими результаты следующим образом: «Итак, страны, включившиеся в процесс глобализации, постепенно догоняют богатые государства, а те, что остались за его рамками, отстают все больше и больше»¹³.

В истории есть немало примеров, когда страны добились ускорения экономического роста, пользуясь богатствами и технологиями других государств. В период промышленной революции национальный доход Англии удвоился

Рисунок 22. Глобализация и экономический рост в 1990-х годах

Источник: Dollar D., Kraay A. Trade, Growth and Poverty. Washington: World Bank, 2001.

за 58 лет — с 1780 по 1838 год. Веком позже Япония добилась такого же результата за 34 года, а еще через столетие у Южной Кореи ушло на это всего 11 лет¹⁴. Примеры сближения по уровню жизни стран, имеющих тесные экономические связи, можно найти и в других исторических периодах или регионах. В ходе глобализации конца XIX века бедные страны — например, Ирландия и скандинавские государства — во многом преодолели отставание от процветающих соседей. Уже в послевоенные годы бедные страны — участницы ОЭСР также «догнали» богатых членов этой организации. Аналогичным образом постепенно стираются различия в уровне жизни между государствами, входящими в Европейскую ассоциацию свободной торговли и зону свободной торговли в рамках ЕС. Тот же результат на региональном уровне мы наблюдаем в таких могущественных экономических державах, как США и Япония. Таким образом, свободная торговля и мобильность обогащают как богатых, так и бедных, причем уровень жизни в бедных странах повышается быстрее, чем в богатых¹⁵.

Миф о катастрофической безработице

Но, если свобода торговли способствует постоянному повышению эффективности производства, возникает вопрос: не приведет ли это к сокращению рабочих мест? Чем больше ма-

шин поступает в США из Азии, а мяса — из Латинской Америки, тем больше рабочих автомобильной промышленности и фермеров в Соединенных Штатах остается не у дел, а значит, безработица растет — по крайней мере, многие считают, что это именно так. Конкуренция со стороны гастарбайтеров, развивающихся стран и дальнейшая автоматизация производства в конечном итоге приведут к тому, что для американских тружеников работы просто не останется. Если для того, чтобы произвести все необходимое для жителей США, теперь требуется вдвое меньше работников, чем двадцать лет назад, не означает ли это, что «высвободившаяся» половина пополнит ряды безработных? Сегодня подобный апокалиптический сценарий часто встречается в книгах и памфлетах, направленных против глобализации. Так, двое немецких журналистов — авторы книги «Глобальный капкан» (The Global Trap) — утверждают, что в будущем в производстве будет задействовано не более 20% трудоспособного населения. Американскому читателю, наверно, лучше известна другая книга из той же серии — «Единый мир, готовы мы к нему или нет: Маниакальная логика глобального капитализма» (One World, Ready or Not: The Maniac Logic of Global Capitalism). Автор этого страстного опуса, репортер Rolling Stone Уильям Грайдер, уверяет нас, что предложение на мировом рынке уже превышает спрос и поэтому планету ждет массовая безработица. Все эти страхи основаны на недооценке способностей человека: получается, лишь немногие обладают теми качествами, которые «понадобятся» обществу. Спешу сообщить вам, что эта точка зрения абсолютно не соответствует действительности.

Утверждения о том, что в самом ближайшем будущем нас ждет колоссальная безработица, начали распространяться еще в середине 1970-х годов. С тех пор оптимизация и интернационализация производства развивалась беспрецедентно высокими темпами, однако по всему миру количество вновь созданных рабочих мест намного превышало число ликвидированных. За последние несколько десятков лет численность наемных работников в мире увеличилась на миллиард человек. Получается, что эффективность производства повысилась как никогда, но и занятость постоянно растет. С 1980 по 2000 год занятость в США, Канаде и Австралии увеличилась на 40%, а в Японии, Англии и Франции — на 15%. Почти во всех странах ЕС, где уровень безработицы

в целом выше, чем во многих других регионах мира, число занятых за этот период возросло. Созданию новых рабочих мест препятствуют не торговля и технический прогресс, а политические факторы.

Стоит отметить, что в странах с наиболее интегрированной в мировое хозяйство экономикой, которые активнее всего внедряют современные технологии, темпы роста занятости также оказываются самыми высокими. Наглядным примером служит ситуация в Соединенных Штатах. В 1980–2000 годах в этой стране количество вновь созданных рабочих мест превысило число сокращенных на 35 миллионов. Причем предназначены они отнюдь не для неквалифицированных, а значит, малооплачиваемых работников, как часто утверждается в ходе дебатов о глобализации¹⁶. Напротив, для 70% новых рабочих мест уровень зарплат оказывается выше, чем в среднем по стране. Почти половина из них требует наивысшей квалификации, причем с 1995 года доля таких рабочих мест стала расти быстрее¹⁷.

Таким образом, тезис о том, что с повышением эффективности производства занятость сокращается, не имеет эмпирического подтверждения. И в этом нет ничего удивительного: теоретически он также ошибочен. Утверждение о том, что количество рабочих мест в принципе ограничено и, если для выполнения производственных задач требуется меньше трудовых ресурсов, безработица растет, неверно в принципе. Так, в доиндустриальную эпоху большую часть заработка люди тратили на еду. Затем появились новые технологии, позволившие усовершенствовать производство продуктов питания; многие работы, ранее выполнявшиеся крестьянами, теперь стали делать машины, а иностранная конкуренция способствовала повышению эффективности сельского хозяйства. В результате многим работникам пришлось покинуть аграрный сектор. Означает ли это, что они оказались не у дел, что потребление осталось на прежнем уровне? Нет, поскольку уровень потребления также повысился. Деньги, которые шли на оплату высоких производственных издержек в сельском хозяйстве, теперь, когда продукты питания подешевели благодаря росту эффективности, тратятся на другие цели: покупку одежды, книг, промышленных товаров. Крестьяне, для которых больше нет работы в сельском хозяйстве, могут переключиться на производство этих изделий.

Ситуация, которую мы описали, отнюдь не абстрактна. Именно так все происходило в Швеции, где с начала XIX века стала повышаться эффективность сельскохозяйственного производства. До этого около 80% населения страны работало на земле. Сегодня его доля составляет 3%. Означает ли это, что 77% трудоспособного населения Швеции не имеет работы? Нет, потому что в стране возник спрос на другие товары и более качественные услуги, в результате чего для удовлетворения этого спроса сектору производства и сфере услуг понадобилось больше рабочей силы. Повышая эффективность того или иного вида деятельности, мы увеличиваем объем ресурсов, позволяющих удовлетворять наши потребности. Поэтому трудовые ресурсы, некогда обеспечивавшие нас продуктами питания, в дальнейшем задействуются в изготовлении одежды, жилищном строительстве, индустрии развлечений и туризма, медийном секторе, производстве телефонов и компьютеров, что гарантирует постоянный рост нашего жизненного уровня.

Постулат о том, что некий общий «объем работы» в мире является величиной постоянной и если один человек получает работу, то кто-то другой непременно ее теряет, вызывает самую разную реакцию. Некоторые выступают за централизованное распределение рабочих мест, другие — против автоматизации, третьи требуют повысить тарифные барьеры и не пускать в страну иммигрантов. Однако сам исходный тезис неверен в принципе. Претенциозная, наукообразная книга Грайдера оказывает огромное влияние на участников антиглобалистского движения. Однако все его мрачные пророчества основаны на этом ошибочном постулате, или, как отмечает экономист из Принстона Пол Кругман в своей убийственной рецензии, на «очевидном заблуждении»¹⁸. Впрочем, в своих заблуждениях Грайдер отнюдь не одинок. Так, Сюзан Жорж, вице-председатель французской антиглобалистской организации АТТАС, утверждает, что глобализация и международные инвестиции практически не приводят к созданию новых рабочих мест: «Не все, что мы называем инвестициями, дает людям работу. За последние пять лет 80% инвестиций по всему миру были связаны со слиянием и приобретением корпораций, а подобные операции обычно сопровождаются как раз сокращением рабочих мест»¹⁹.

На самом же деле именно этот процесс — повышение эффективности конкретного вида деятельности, приводящее к сокращению числа работников, занятых на данном производстве, — позволяет развиваться другим, новым отраслям, обеспечивая людей лучше оплачиваемой работой.

Возникает резонный вопрос: «Неужели это будет продолжаться бесконечно? Что случится, когда небольшая доля трудоспособного населения сможет удовлетворять *все* наши потребности?» Что ж, отвечу на него столь же резонным вопросом: и когда же, по-вашему, такой момент наступит? На мой взгляд, люди всегда будут хотеть, чтобы их жизнь становилась все более безопасной, комфортабельной, приятной. Вряд ли мы когда-нибудь придем к мысли, что наши дети получают достаточное образование, что мы уже узнали о мире все необходимое и новые научные исследования больше ни к чему, что все наши проблемы решены раз и навсегда. Трудно представить существование некоего качественного или количественного предела наших потребностей в жилье, путешествиях или развлечениях. По мере возрастания наших производственных возможностей будут возникать и новые потребности или требования к качеству удовлетворения существующих потребностей. Решив, что все наши материальные запросы удовлетворены, мы непременно захотим иметь больше свободного времени. Задайтесь простым вопросом: неужели вам нужно так мало товаров и услуг, что удовлетворение ваших потребностей не обеспечит полноценной занятости двум работникам? Подозреваю, главная проблема здесь не в том, чтобы придумать для них занятие, а в том, чтобы найти деньги для покупки всего, что они производят. Если вы, я и все остальные способны придумать занятия для двух человек, которые могли бы обслуживать наши нужды, то результатом станет постоянный дефицит рабочих рук — ведь для 6 миллиардов потребителей будет необходимо 12 миллиардов работников. Поэтому рабочей силы будет всегда не хватать — независимо от уровня нашего благосостояния или эффективности производства.

Конечно, у роста эффективности есть и обратная сторона. Экономист Йозеф Шумпетер в свое время охарактеризовал динамичное развитие рынка как процесс «созидательного разрушения», поскольку он связан с ликвидацией прежних методов и отраслей, но ради позитивного результа-

та — перенаправления трудовых ресурсов и капиталов в более производительные сектора. Это гарантирует рост нашего жизненного уровня, но и слово «разрушение» Шумпетер употребил не случайно: не все сразу же выигрывают от тех или иных преобразований на рынке. От них, несомненно, страдают те, кто вложил деньги в прежние производственные методы или работал в неэффективных отраслях. Так, появление автомобилей лишило работы кучеров, а от изобретения электрической лампочки пострадали производители керосиновых ламп. Уже в наше время распространение компьютеров «разрушило» производство печатных машинок, а изобретение компакт-дисков привело к закрытию заводов грампластинок.

Подобные болезненные перемены происходят постоянно: они становятся результатом новых изобретений и совершенствования методов производства. Некоторые сторонники свободной торговли из лучших побуждений отрицают связь между экономической либерализацией и этими явлениями, утверждая, что люди лишаются работы прежде всего в результате научно-технического прогресса, а не из-за усиления конкуренции с другими странами. Однако этот тезис, верный сам по себе, лишь частично объясняет происходящее: ведь внедрение новых технологий ускоряется в том числе из-за конкуренции, которую стимулирует свобода торговли. Несомненно, все эти изменения создают серьезные проблемы и наносят глубокие психологические травмы тем, кого они затрагивают, особенно если этим людям трудно найти новую работу. Одно существование такой опасности побуждает некоторых консервативных идеологов выступать против капиталистического строя в целом. Действительно, в современном обществе, основанном на рыночной экономике, возникают новые риски и проблемы, и угроза лишиться работы, а вместе с ней привычного жизненного уровня и самоуважения, несомненно, представляет собой серьезный стресс. Однако его нельзя сравнить со стрессом, который испытывали люди в прошлом, когда они не знали, удастся ли заработать хотя бы на еду, а засуха или наводнение могли полностью лишить их средств к существованию. Нельзя его сравнить и с переживаниями сегодняшнего крестьянина где-нибудь в Эфиопии, чья жизнь в буквальном смысле зависит от вовремя пролившегося дождя или здоровья его скота.

Самый неразумный способ борьбы с проблемами, которые порождает структурная адаптация экономики, — попытки не допустить самой этой адаптации. Без «созидательного разрушения» мы все жили бы гораздо хуже. Весь смысл торговли и экономического развития состоит в том, чтобы обеспечить направление ресурсов туда, где они будут использованы с максимальной эффективностью. Китайская поговорка гласит: «Когда дует ветер перемен, одни возводят стены, а другие строят ветряные мельницы». Говорить о необходимости не допустить перемен сегодня столь же бессмысленно, как двести лет назад — пытаться затормозить прогресс в сельском хозяйстве, чтобы защитить интересы тех 80% населения, которые тогда работали в аграрном секторе. Остановить перемены в принципе нелегко, поскольку самой распространенной причиной структурных изменений в тех или иных областях экономической деятельности являются сдвиги в запросах потребителей. Намного целесообразнее использовать выгоды от этих перемен для смягчения их негативных последствий.

Есть множество средств обеспечить максимально плавный характер перемен. Главное — не пытаться поддерживать устаревшие производства за счет субсидий и тарифных барьеров. Необходима свобода предпринимательской деятельности и финансовых рынков — это позволит беспрепятственно вкладывать капиталы в новые отрасли. Зарплаты должны быть гибкими, а налоги — низкими, так чтобы люди шли работать в новые, более производительные сектора; сам рынок труда должен быть свободным. Нужен достаточно высокий уровень школьного и иного образования, чтобы люди могли приобрести навыки, которых требуют от них новые профессии. Система социального страхования должна обеспечивать гражданам защиту на переходный период, но не лишать их стимулов к поиску новой работы.

Впрочем, описанные проблемы не столь масштабны, как можно предположить, взглянув на газетные заголовки. Проще всего сообщить в новостях, что 300 рабочих автозавода уволены из-за конкуренции со стороны японских автомобилей. Не так легко и интересно дополнить картину совсем не сенсационными «подробностями» о том, что более эффективное использование имеющихся ресурсов позволит создать взамен ликвидированных тысячи новых рабочих

мест. Нечасто прочитаешь в газетах и о том, как выигрывают потребители от роста ассортимента и качества товаров, от снижения цен на них в результате усиления конкуренции. Вряд ли потребители знают, что меры по либерализации торговли, внедренные по результатам Уругвайского раунда переговоров в рамках ВТО, ежегодно приносят им совокупную выгоду в размере от 100 до 200 миллиардов долларов, но эту выгоду можно ощутить, наполняя продуктами холодильник, покупая бытовую электронику или получая зарплату. Ущерб, понесенный в отдельных случаях небольшими группами людей, легче увидеть, чем преимущества, которые постепенно — даже незаметно для себя — получаем мы все.

Анализ более пятидесяти исследований о структурных переменах после либеральных экономических реформ в разных странах четко показывает, что эти изменения носили не столь драматичный характер, как об этом сообщалось. На каждый доллар убытков, понесенных людьми в результате такой структурной адаптации, приходится примерно 20 долларов «прибыли» в виде роста благосостояния. Исследование о последствиях либерализации торговли на материале тринадцати стран показывает, что в двенадцати из них уже через год после реформы уровень занятости в промышленности вырос. Причем в бедных странах преобразования воспринимаются менее болезненно — по той причине, что на прежней работе люди чаще всего получали низкую зарплату и не имели приличных условий труда. Кроме того, неквалифицированным работникам (обычно самым незащищенным) найти новую работу легче, чем квалифицированным. Бедные страны обладают сравнительным преимуществом в трудоемких производствах, что ведет к быстрому росту средней зарплаты в этих секторах. К тому же масштабная либерализация экономики приводит к удешевлению товаров, в которых нуждаются рабочие.

Впрочем, в богатых странах выгоды от либерализации торговли также намного превышают ущерб. В секторах, сильно страдающих от иностранной конкуренции и внедрения новых технологий, происходит нечто вроде обычной рецессии. При этом количество работников из других секторов, выходящих на пенсию или увольняющихся по собственному желанию, часто бывает достаточно велико,

чтобы компенсировать сокращение рабочих мест в ходе структурных изменений, вызванных реформами. Если результатом такой адаптации становится повышение темпов экономического роста, это позволяет быстро преодолеть болезненные последствия реструктуризации, которые сильнее всего ощущаются в период спада. Уровень безработицы, как правило, повышается ненадолго, а позитивный экономический эффект реформ постоянно нарастает. Другими словами, «созидательная» сторона процесса оказывается намного сильнее «разрушительной»²⁰.

По идее, с наибольшими проблемами в этом отношении должны сталкиваться Соединенные Штаты, где преобразования в экономике происходят непрерывно, но американский рынок чем-то напоминает Лернейскую гидру из мифа о Геракле: у нее на месте каждой отрубленной головы сразу вырастают две, а то и три новые. В 1990-х годах в США на каждые два ликвидированных рабочих места приходилось три вновь созданных. Подобная ситуация чрезвычайно улучшает шансы каждого: нет лучшей гарантии от безработицы, чем возможность найти новую работу. Опасность, связанная с необходимостью всю жизнь переходить с одного места работы на другое, сильно преувеличивается, особенно с учетом того, что фирмы предпринимают все больше усилий для обучения своих сотрудников выполнению новых задач. С 1983 по 1995 год продолжительность пребывания среднестатистического американца на одном рабочем месте возросла с 3,5 до 3,8 года. Ошибочно и другое распространенное мнение: больше новых рабочих мест в США создается из-за того, что реальная зарплата с 1970-х годов не увеличилась или даже снизилась. На самом деле все большую долю зарплаты американцы получают в неденежной форме — в виде медицинских страховок, акций, оплаты детских садов и др.; это делается для того, чтобы платить меньше налогов. Если включить в сумму жалования эти новые виды «бонусов», получится, что зарплата в США увеличивается пропорционально росту производительности труда. За период с 1970-х годов доля средств, которые бедные американцы тратят на еду, одежду и оплату жилья, снизилась с 52 до 37% от общей суммы расходов; это наглядно свидетельствует о том, что их доходов хватает отнюдь не только на предметы первой необходимости²¹.

Одна из самых радикальных реформ по либерализации торговли в современной истории была проведена в Эстонии. После обретения этой прибалтийской страной независимости ее правительство решило отменить все протекционистские тарифы. Их уровень был снижен до нуля. Подобная мера увенчалась несомненным успехом. Эстонская экономика была быстро реструктурирована на конкурентной основе. Если в 1990 году на долю Западной Европы приходился лишь 1% внешнеторгового оборота Эстонии, то сегодня — две трети. В страну в больших объемах поступают прямые зарубежные инвестиции; темпы экономического роста составляют около 5% в год. В отличие от посткоммунистических государств, где реформы проходили медленно, в Эстонии средняя ожидаемая продолжительность жизни возросла, а детская смертность снизилась. Благодаря либерализации Эстония стала одним из наиболее вероятных кандидатов на вступление в ЕС. К сожалению, вступление страны в ЕС означает, что ей приходится действовать в русле протекционистской политики объединенной Европы. После полного отсутствия тарифов Эстония должна ввести 10 794 различных тарифа, что, среди прочего, обернется существенным повышением цен на продукты питания. Кроме того, Эстонии придется ввести ряд квот, субсидий и антидемпинговых мер²².

Свободу передвижения — не только товарам, но и людям!

Даже если мир, в котором мы сможем приобретать и продавать товары и услуги независимо от национальных границ, выглядит сегодня как картина далекого будущего, немало людей стремятся к тому, чтобы он превратился в реальность. Политики из разных стран регулярно встречаются и принимают решения о развитии свободной торговли — хотя это происходит слишком медленно. Однако, когда дело доходит до свободы передвижения людей, те же политики на своих регулярных встречах, к сожалению, изо всех сил пытаются эту свободу ограничить. Так, богатые европейские государства явно стремятся к этой цели еще с 1970-х годов. Хотя сами ев-

ропейцы благодаря Шенгенским соглашениям обрели свободу передвижения в рамках ЕС, правительства стран Евросоюза стараются закрыть объединенную Европу для посторонних. Результатом стали высокие заградительные барьеры на ее границах и ужесточение контроля за передвижением людей на территории ЕС.

Конечно, после терактов 11 сентября 2001 года, чтобы не допустить повторения этих страшных событий, были введены новые барьеры и меры по контролю за передвижением людей. Некоторые из них абсолютно оправданны: граждане всех стран мира, естественно, хотят быть уверены, что к ним приезжают рабочие, туристы, студенты, просто добрые соседи, а не люди, замыслившие массовое убийство. Первостепенная обязанность любого правительства состоит в защите собственных граждан, и один из способов добиться этого — не допускать в страну террористов и преступников. Удачным примером разумного шага в этой области стал принятый в Соединенных Штатах в 2002 году закон об усилении охраны границ и визовой реформе (Enhanced Border Security and Visa Entry Reform Act). Предусмотренные этим актом шаги позволяют исключить проникновение в страну потенциальных террористов без ограничения легальной иммиграции и драконовских мер против иностранных рабочих, не имеющих официального разрешения на въезд, но в остальном не приносящих никакого вреда.

К сожалению, некоторые из тех, кто давно уже выступал за ужесточение правил въезда в страну, стремясь таким образом закрыть ее границы для мирных гастарбайтеров и иммигрантов, воспользовались трагедией 11 сентября в собственных целях, призывая к введению более масштабных ограничений. Подобная тактика не просто цинична и эгоистична, но к тому же контрпродуктивна. Выполнить главную задачу — поставить заслон на пути террористов — будет гораздо труднее, если законы об ограничении иммиграции вынудят правоохранительные органы тратить силы и ресурсы, разбираясь с миллионами иммигрантов, стремящихся к одной цели — лучшей жизни. Намного более целесообразным было бы сосредоточить все усилия на тех, сравнительно немногих, людях, которые угрожают безопасности американцев. Таким образом, следует различать меры, призванные закрыть дорогу действительно опасным людям,

и бессмысленное принесение в жертву той самой свободы и открытости, которую ненавидят террористы и их союзники. Увы, с мерами из второй категории мы сегодня сталкиваемся слишком часто.

Хотя американская иммиграционная политика, к счастью, приобрела более цивилизованный и толерантный характер, по сравнению с временами, когда Конгресс США принимал расистские акты, вроде закона о недопущении в страну китайцев (Chinese Exclusion Act) 1882 года, призванные закрыть доступ в страну «низшим» расам, тем не менее в этой области до сих пор существует немало ограничений. Жесткие квоты определяют количество иммигрантов из различных регионов мира, а те, кто хотел бы получить здесь работу, должны найти «спонсоров» из числа американских граждан, готовых преодолеть массу бюрократических препон, чтобы взять их на свое предприятие. Кто-то прибывает в США в качестве беженцев, пострадавших от войн, стихийных бедствий или репрессий, но в последние годы число таких иммигрантов, получающих разрешение на въезд, постоянно сокращается. Во времена администрации Джорджа Буша-старшего Америка ежегодно принимала 121 тысячу беженцев. При президенте Клинтоне среднегодовая цифра сократилась до 82 тысяч, а при Джордже Буше-младшем она не достигает и 70 тысяч. Поскольку все беженцы проходят тщательнейшую проверку, резкое сокращение числа иммигрантов из этой категории, допускаемых в США, вряд ли можно оправдать соображениями безопасности²³.

Чрезмерно жесткая иммиграционная политика ряда стран мира нередко приводит к трагическим последствиям. Вот лишь несколько примеров. Английский портовый служащий, открыв грузовой контейнер, обнаруживает там тела 58 китайских беженцев, пытавшихся спрятаться от иммиграционных властей и погибших от жары и недостатка воздуха. На южном побережье Испании находят тела африканцев, утонувших при попытке пересечь Средиземное море на своих хрупких лодках. В Айове в запертом товарном вагоне обнаруживают трупы 11 мексиканцев. Такие трагедии, связанные с массовой гибелью людей, конечно, привлекают к себе внимание, но в меньших масштабах нечто подобное происходит постоянно. Так, по оценке голландской благотворительной организации United, каждый день при попытке нелегально

пересечь границы Евросоюза погибает как минимум один человек. Немало женщин, спасаясь от нечеловеческих условий жизни в своих странах, вынуждены прибегать к помощи организованных преступных группировок, которые заставляют их заниматься проституцией, а если эти женщины пытаются освободиться от «сексуального рабства», грозят сообщить о них властям государства, куда их незаконно переправили. Если визовый режим и иные барьеры не позволяют людям въехать в какую-либо страну на законном основании, они пытаются сделать это нелегально — нередко рискуя при этом жизнью. Они часто попадают в руки циничных контрабандистов, которые занимаются незаконной переправкой людей и получают от своих отчаявшихся «клиентов» немалые деньги, при этом совершенно не заботясь об их безопасности.

Когда ЕС или Соединенные Штаты ограничивают иммиграцию, урезая квоты и нещадно преследуя нарушителей, опасности, которым подвергаются беженцы, возрастают еще больше. Однако, если люди готовы идти на такой риск, чтобы попасть в свободную страну, политикам стоит всерьез задуматься, не преуменьшают ли они потребность беженцев в защите, вынуждающую этих людей бежать из собственной страны. В конечном итоге следует добиваться того, чтобы нормальные, мирные люди могли получать убежище в другом государстве, исходя из самого их желания эмигрировать.

Это относится и к так называемым экономическим беженцам, которые хотят вырваться из нищеты, перебравшись в страну, где у них появится шанс построить достойную жизнь. Подлинная экономическая глобализация просто невозможна, пока людям не будет разрешено свободно пересекать государственные границы в поисках работы. Кстати, именно так поступали предки сегодняшних американцев: с 1820 года в США на законном основании прибыло 66 миллионов иммигрантов. Западный мир справедливо осуждал коммунистические государства за то, что они запрещали своим гражданам эмигрировать. Но сегодня, когда прежние запреты сняты, мы сами не пускаем их в наши страны.

Открытие границ богатых стран для беженцев и иммигрантов, как и в случае со свободным передвижением товаров, не является неким актом благотворительности: необходимость этого вызвана вполне прагматическими соображения-

ми. Возможно, именно рост иммиграции позволит нам через 20–30 лет иметь жизнеспособную экономику и привычный уровень социального обеспечения — особенно таким малонаселенным странам, как Швеция. Для стран ЕС характерно падение рождаемости и старение населения. По оценке Фонда народонаселения ООН, для того чтобы к 2050 году численность населения стран Евросоюза осталась на нынешнем уровне, им необходимо 1,6 миллиона иммигрантов в год. А для сохранения стабильного соотношения между трудоспособным населением и пенсионерами государства ЕС должны принимать в общей сложности 13,5 миллиона иммигрантов в год. В Соединенных Штатах аналогичная демографическая тенденция может привести к банкротству системы социального страхования, поскольку выплаты постоянно растущему числу пенсионеров должны финансироваться взносами так же постоянно сокращающегося числа работающих. Конечно, за счет одной иммиграции не удастся исправить структурные недостатки, изначально присущие этой системе, однако приток иностранных рабочих может сгладить переход к какой-нибудь из альтернативных пенсионных систем, к чему стремятся американские реформаторы. Так что в будущем задачей станет привлечение иммигрантов, а не возведение барьеров на их пути.

Рассматривать иммигрантов как бремя для страны — глубочайшая ошибка. Благодаря им увеличивается численность рабочей силы и потребление, что способствует экономическому росту. Приток иммигрантов — это приток в экономику рабочих рук, денег, новых идей. Рассматривать это явление как нечто негативное столь же абсурдно, как считать нежелательным повышение рождаемости в своей стране. Если уровень зарплат соответствует производительности труда (то есть количеству товаров и услуг, которые способны произвести работники), нет никаких оснований полагать, что иммиграция приводит к росту безработицы. Даже те, кто прибыл в страну без гроша в кармане, за свою трудовую жизнь, как правило, отдают принявшему их обществу — и государственной казне — больше, чем от него получают. Как показывает фундаментальное исследование экономиста Джулиана Саймона, новоприбывших никак не назовешь «иждивенцами»: среднестатистический легальный иммигрант получает от государства меньше и отдает ему в виде

налогов больше, чем среднестатистический уроженец данной страны. Хотя определить вклад нелегальных иммигрантов значительно труднее, даже они, по оценке Саймона, в целом приносят пользу стране пребывания. Подводя итоги своим исследованиям, Саймон подсчитал примерную «материальную выгоду», которую приносит новой родине каждый новый иммигрант: «С точки зрения оценки „окупаемости“, вроде той, что делается перед строительством новой плотины или порта, результат будет следующим: текущая „материальная ценность“ одной семьи новоприбывших иммигрантов за вычетом нормы расходов в размере 3% (с поправкой на инфляцию) составила 20 600 долларов по курсу 1975 года, за вычетом 6% — 15 800 долларов, а за вычетом 9% — 12 400 долларов»²⁴.

То, что некоторые иммигранты постоянно живут на социальные пособия, является лишь иллюстрацией к одному из аргументов в пользу необходимости серьезных реформ в области соцобеспечения и регулирования рынка труда в США. Если человек, не обладающий высокой квалификацией и не владеющий свободно английским, приехав в США, не имеет возможности повысить свою конкурентоспособность на рынке труда, работая за меньшую зарплату, его шансы с точки зрения занятости, естественно, снижаются. В таком случае ему придется, возможно всю жизнь, существовать на социальное пособие, а это не может не отразиться на уровне самооценки. Получается, что лучше предоставить иммигрантам возможность работать за низкую зарплату, которая в дальнейшем, с накоплением опыта, будет повышаться. В условиях здоровой экономики низкая стартовая зарплата не обязательно означает уменьшение реального дохода, поскольку сама эта низкая зарплата препятствует повышению цен на товары и услуги, которые мы все потребляем.

Свобода въезда и выезда важна также для поддержания «жизненной энергии» общества. Многообразный состав населения, включающего людей с различными стартовыми условиями и ценностями, обеспечивает широкий спектр точек зрения по серьезным социальным проблемам, а возможно, и большую вероятность их успешного решения. Иммигранты осваивают все самое лучшее из американской культуры, сочетая ее элементы с собственными традициями,

а те, кто родился в США, в свою очередь, могут позаимствовать все лучшее у приезжих. Культурные инновации почти всегда становятся результатом взаимодействия и слияния различных культур. Совсем не случайно, что самое динамичное общество в истории — американское — создали иммигранты. Об этом хорошо помнил президент Франклин Делано Рузвельт — одно из своих выступлений он даже начал словами: «Собратья-иммигранты». Даже сегодня при всех ограничениях Соединенные Штаты принимают гораздо больше иммигрантов, чем любая другая страна мира. Таким образом американское общество постоянно обновляется, закрепляя основы своего мирового лидерства — в экономической, культурной и научной сферах.

Глава 4

Развитие развивающихся стран

Неравный доступ... к капитализму!

Нам часто говорят: пятая часть населения планеты потребляет 80% имеющихся ресурсов, на долю всех остальных приходится лишь 20%. Критики глобализации неустанно напоминают об этой вопиющей несправедливости. Однако анализом причин сложившейся ситуации они занимаются значительно реже. В интерпретации критиков все выглядит так: бедные бедны *потому*, что богатые богаты, как будто наиболее состоятельные 20% жителей планеты каким-то образом украли большую часть ресурсов у остальных 80%. Но все обстоит совсем не так. Конечно, в эпоху колониальных империй метрополии действительно разворовывали природные ресурсы зависимых стран, но это оказало относительно небольшое влияние на рост благосостояния Запада и сохраняющуюся нищету в третьем мире. Колониализм, несомненно, нанес этим странам величайший ущерб и часто сопровождался жестоким угнетением покоренных народов, но объяснить разницу в уровне жизни между Севером и Югом только его последствиями нельзя. Богатые страны демонстрировали наивысшие темпы экономического роста как раз после утраты колониальных владений. Характерно, что развитие регионов, превращенных в колонии, после этого ускорилось. Некоторые из богатейших стран мира — например, Швейцария и скандинавские государства — вообще никогда не имели сколько-нибудь значительных заморских владений. Другие — Соединенные Штаты, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Гонконг, Сингапур — сами в прошлом были колониями.

И наоборот, некоторые из наименее развитых стран мира, такие, как Афганистан, Либерия или Непал, никогда не попали в колониальную зависимость.

Еще один, на первый взгляд парадоксальный факт: быстрее всего развиваются не те страны, которые щедрее других наделены сырьевыми ресурсами. Напротив, такие страны нередко числятся среди «отстающих», поскольку природные богатства могут превратиться в фактор, мешающий проведению правильного политического курса и формированию современных институтов. Тот факт, что все крупные нефтедобывающие страны Ближнего Востока и Африки, кроме Кувейта, по классификации Freedom House относятся к категории «несвободных», отнюдь не случаен. Контролируемые государством нефтяные месторождения дают деспотическим режимам этих стран средства, которые в отсутствие нефти они могли бы получить только за счет либерализации экономики.

Главная причина, по которой 20% населения планеты потребляют 80% ресурсов, заключается в том, что они же и производят эти 80% ресурсов. На долю остальных 80% населения приходится 20% ресурсов, потому что они производят ровно столько же. Именно последнюю проблему — слабость производственного потенциала бедных стран — и надо решать, а не возмущаться тем, что богатые государства производят так много. Бороться следует не с богатством, а с бедностью.

Критики капитализма указывают, что в двадцати богатейших странах мира объем ВВП на душу населения более чем в тридцать раз выше, чем в двадцати беднейших. Они справедливо отмечают, что капитализм имеет самое непосредственное отношение к подобному неравенству, — вот только причинно-следственную связь критики определяют неверно. Столь вопиющая разница в уровне жизни возникла потому, что некоторые страны, выбрав путь капиталистического развития, обеспечили своим гражданам беспрецедентное благосостояние, а другие, ставя препоны правам собственности, свободе торговли и производственной деятельности, остались далеко позади. Такие факторы, как климатические особенности и стихийные бедствия, конечно, тоже имеют значение, но все же главная причина различий в уровне жизни связана именно с тем, что некоторые государства отдали предпочтение либерализации,

а другие — контролю. Объем ВВП на душу населения в двадцати самых либеральных в экономическом отношении странах мира в 29 раз превышает тот же показатель для двадцати наименее либеральных государств. Таким образом, если мы действительно хотим преодолеть пропасть между Севером и Югом, все надежды на это следует связывать с тем, чтобы и на Юге воцарилась свободная и открытая рыночная экономика. Развивающиеся страны, где в последние десятилетия произошла либерализация, по темпам роста обгоняют не только другие государства третьего мира, но и богатый Запад.

Неравенство в нашем мире действительно связано с капитализмом — но не в том смысле, что капитализм обрекает какие-то народы на нищету, а в том, что он приносит процветание тем странам, где этот строй восторжествовал. *Причина неравномерного распределения богатства на планете — в неравномерном распределении капитализма.*

Аргументы в защиту тезиса о том, что в существовании бедности каким-то образом виноват капитализм, отличаются крайней непоследовательностью. Некоторые утверждают, что внимание инвесторов и корпораций привлекают только богатые страны, а бедные остаются у пресловутого «разбитого корыта». Другие, напротив, заявляют, что они интересуются исключительно бедными государствами, где можно снизить производственные издержки, и от этого страдают трудящиеся развитых стран. На самом деле инвесторы и корпорации действуют и там, и там. В последние два десятилетия инвестиционные и товарные потоки все равномернее распределяются между всеми странами с открытой экономикой. Они, по понятным причинам, обходят стороной только государства, замкнувшиеся в самоизоляции. Более того, разрыв между двумя этими группами стран увеличивается. Вывод ясен: дело не в том, что глобализация оставляет определенные регионы «за бортом», а в том, что регионы, сторонящиеся глобализации, сами себя выталкивают на обочину¹.

В 1988–1998 годах четверть от общего объема прямых иностранных инвестиций приходилась на долю развивающихся стран. За период с начала 1980-х годов инвестиционные потоки из развитых стран в развивающиеся выросли с 10 миллиардов до 200 миллиардов долларов в год. При ана-

лизе направленности этих потоков капитала мы обнаружим, что 85% прямых инвестиций приходятся на долю всего десяти развивающихся стран — в основном тех, которые дальше других продвинулись по пути либерализации. Однако за счет того, что последние тридцать лет эти инвестиции ежегодно растут на 12%, объем капиталовложений в странах, не входящих в первую десятку, также увеличился в разы.

С 1990 по 2000 год частные инвесторы из развитых стран направили в бедные страны до триллиона долларов в виде прямых капиталовложений. Это примерно в десять раз превышает соответствующие цифры за предыдущие десятилетия и значительно перекрывает совокупный объем финансовой помощи, предоставленной богатыми странами развивающимся за последние полвека. Конечно, в отличие от указанной помощи, главная цель частных инвесторов состояла не в борьбе с бедностью. Однако в долгосрочном плане капиталовложения вносят в эту борьбу намного больший вклад — поскольку эти средства идут на развитие производительных сил в бедных странах, в отличие от финансовой помощи, которая достается правительствам, далеко не всегда использующим ее наиболее целесообразным образом.

Если в 1975 году на долю развитых стран — участниц ОЭСР приходилось 80% общемирового ВВП, то сегодня эта цифра снизилась до 70%. Как уже отмечалось, бедные страны, осуществляющие либерализацию экономики и торговли, в последние десятилетия по темпам роста обгоняют богатые государства. Судя по всему, свободная торговля и рыночный либерализм позволяют развивающимся странам не только повысить жизненный уровень, но и преодолеть отставание от богатых государств. Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, выступая на Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), состоявшейся в феврале 2000 года, вскоре после сопровождавшейся акциями протеста встречи стран-участниц ВТО, отметил: «В сегодняшнем мире с его гигантским неравенством в роли проигравших оказываются не те, кто чересчур активно включился в процесс глобализации, а те, кто оказался за его рамками».

Нагляднейшим примером этому служит ситуация в Африке. Из-за самоизоляции и государственного регулирования экономики бедные страны по-прежнему остаются бедными.

Позор белого человека

Хотя на словах западный мир всецело поддерживает свободную торговлю, на практике он не слишком усердно способствует ее распространению. Напротив, самые высокие заградительные барьеры Запад возводил против товаров именно из развивающихся стран; ту же политику он проводит и сегодня. В ходе переговоров о введении режима свободной торговли импортные тарифы и квоты для западной продукции постоянно снижаются или отменяются. Однако либерализация международной торговли так и не коснулась изделий, играющих особую роль в экспорте развивающихся стран, — например, текстильной и сельскохозяйственной продукции. Снижение тарифных барьеров, согласованное в ходе Уругвайского раунда переговоров в рамках ВТО, в наименьшей степени затронуло самые слабо развитые страны. Для продукции из Азии и Латинской Америки тарифы были снижены незначительно, а для африканских стран вообще остались на прежнем уровне.

Сегодня взимаемые на Западе пошлины с экспортных товаров из развивающихся стран превышают средний мировой уровень на 30%. «Железный занавес» между Западом и Востоком рухнул, но на смену ему пришел такой же занавес между Севером и Югом. И это не простая оплошность: речь идет о целенаправленной попытке исключить бедные страны из процесса международной торговли. Мы милостиво разрешаем им продавать нам товары, которые не в состоянии производить сами, но не дай им бог поставить под угрозу наш собственный бизнес, делая что-то дешевле и лучше, чем мы. Импортные тарифы для готовой одежды на Западе выше, чем для хлопка, для жареного кофе — выше, чем для кофейных зерен, для мармелада и джема — выше, чем для фруктов, из которых они готовятся. Протекционизм — это способ покарать других за усердный труд и экономическое развитие, гарантировать, что бедные будут поставлять нам только сырье, которое мы, после переработки, продадим им уже в виде готовой продукции. Пошлины на готовую продукцию из развивающихся стран как минимум в четыре раза выше, чем на аналогичные изделия из развитых государств.

Протекционистские тарифы особенно затрагивают те товары, что производятся в третьем мире, — промышленные изделия и услуги, требующие больших трудозатрат, напри-

мер, игрушки, бытовую электронику, транспортные услуги, ткани, одежду. Если пошлина составляет от 10 до 30% стоимости товара, он может попасть на наш рынок лишь при более высоком качестве и выгодной цене по сравнению с западными аналогами. Западные страны обязались к 2005 году упразднить квоты на ввоз текстиля, но, даже если они выполнят обещание — что отнюдь не гарантировано, — тарифы на эту продукцию (а их средний уровень составляет 12%) сохранятся.

Именно развивающиеся страны больше всего выиграют от либерализации международной торговли промышленной продукцией. Согласно выводам одного исследования, в случае сокращения импортных тарифов на 40% мировая экономика получит дополнительно 70 миллиардов долларов в год, причем 75% от этих доходов достанется развивающимся странам². Эта сумма эквивалентна общему объему международной помощи развивающимся странам и почти в три раза превышает совокупный месячный доход самых бедных жителей всей планеты. Отсутствие реального «прорыва» на переговорах в рамках ВТО имеет для народов бедных стран самые трагические последствия.

Наиболее вопиющим примером протекционизма со стороны богатых стран является их политика в отношении ввоза сельскохозяйственной продукции. В этой сфере объем международной торговли увеличивается намного медленнее по сравнению с другими товарами, и это тоже результат курса, проводимого развитыми странами. Большинство из них стараются любой ценой сохранить свой аграрный сектор в его нынешних масштабах, хотя и не обладают в этой сфере сравнительными преимуществами. Поэтому они субсидируют собственных фермеров и воздвигают торговые барьеры на пути продукции, произведенной крестьянами из других стран.

Но масштабная поддержка сельского хозяйства — вернейший способ пустить деньги на ветер. За счет протекционистской политики, субсидий и экспортных грантов фермеры богатых стран буквальнокупаются в деньгах. «Аграрная политика» 29 богатых стран ОЭСР обходится налогоплательщикам и потребителям в этих странах в гигантскую сумму — 360 миллиардов долларов в год. На эти деньги можно было бы раз в год покупать каждой из 56 миллионов коров (именно столько их имеется в указанных странах) билет бизнес-

класса на кругосветное авиапутешествие — и еще осталась бы сдача. Если бы коровы согласились лететь экономическим классом, то каждой из них перепало бы еще по 2800 долларов на карманные расходы — походить по магазинам duty free во время промежуточных посадок в американских, европейских и азиатских аэропортах³.

Единая сельскохозяйственная политика (ЕСП) Евросоюза предусматривает введение квот на ввоз продуктов питания и установление тарифов на уровне 100% на такие товары, как сахар и молочные продукты. В этом опять же проявляется стремление ЕС не допустить на рынок продукты питания, прошедшие промышленную переработку, которые способны конкурировать с продукцией европейской пищевой индустрии. Сырье для пищевой промышленности, к примеру, в среднем облагается вдвое меньшими пошлинами. Для кофе и какао-бобов, которые в европейских странах не выращиваются, серьезные таможенные барьеры вообще отсутствуют. В то же время тарифы на импорт мяса в страны ЕС достигают нескольких сотен процентов. Кстати говоря, самозванные «защитники» стран третьего мира, вроде французской организации АТТАС, выступая за сохранение подобных тарифов, введенных в первую очередь именно против этих стран, демонстрируют тем самым свое лицемерие⁴.

ЕС не только закрывает иностранным товарам доступ на свой рынок, но и субсидирует производство и транспортировку европейской сельхозпродукции в невероятном объеме: ассигнования на эти цели составляют почти половину всего бюджета Евросоюза. Субсидии на содержание одной коровы равняются 2,5 доллара в день — и это в то время, когда 3 миллиарда людей на планете вынуждены существовать всего на 2 доллара в день, а то и меньше. Поскольку размер грантов зависит от площади земельных угодий и количества голов скота, субсидируются в первую очередь самые богатые и крупные хозяйства — говорят, крупнейшим получателем таких грантов является британская королевская семья. По данным ОЭСР, около 80% субсидий достается самым зажиточным 20% фермеров. Другими словами, почти 40% бюджета ЕС расходуется на поддержку менее 1% населения объединенной Европы.

Раздача таких субсидий приводит к значительному перепроизводству сельхозпродукции, а излишки надо куда-то

девать. Один из способов решения этой проблемы в рамках ЕС заключается в том, что фермерам платят за то, чтобы они *ничего* не производили. Хуже того, с помощью экспортных субсидий страны ЕС выбрасывают эти излишки на мировой рынок по демпинговым ценам, с которыми сельхозпроизводители из бедных стран конкурировать не в состоянии. Это означает, что ЕСП не только не позволяет крестьянам из третьего мира экспортировать продукцию в Европу, но и вытесняет их с рынка в собственных странах.

Для потребителей из развитых стран, как мы уже показали, экспортные субсидии в других государствах — просто подарок: за искусственно заниженные цены на товары расплачиваются зарубежные налогоплательщики, а накопления перенаправляются в другие сектора экономики. Но для развивающихся стран аграрная политика Севера оборачивается совершенно иными последствиями. Она превращается в инструмент намеренного и систематического подрыва именно тех отраслей, в которых развивающиеся страны обладают сравнительными преимуществами. При этом бедные страны страдают от отсутствия стабильности поставок конкретных видов продукции: к примеру, сегодня ЕС выбрасывает на мировой рынок один товар, которого было произведено слишком много, а в следующем году демпинг коснется совершенно другого вида продукции, что лишает производителей в бедных странах возможности адаптироваться к обстановке за счет специализации. Одно дело, когда импорт усиливает конкуренцию на рынке, подстегивая фермеров к повышению эффективности производства, но совсем другое — если из-за экспортных субсидий крестьяне из бедных стран, даже работая более эффективно, не в состоянии конкурировать с европейскими производителями. Кроме того, эти страны настолько бедны, что в их экономике практически отсутствуют другие сектора, привлекательные для инвесторов: в большинстве таких государств именно рост сельскохозяйственного производства составляет основу для развития остальных отраслей. По оценкам, из-за ЕСП объем недополученных развивающимися странами доходов составляет примерно 20 миллиардов долларов ежегодно, что вдвое превышает весь ВВП Кении⁵.

Торговая политика ЕС иррациональна и постыдна. Она защищает узкую группу лоббистов и фермеров, равно-

душных к тому, что возведенные по их требованиям барьеры обрекают жителей других континентов на нищету и гибель. Это ужасающее проявление безнравственности. Особенно циничной эта политика представляется из-за того, что Евросоюзу в целом она никаких выгод не приносит. Напротив, по оценкам шведского правительства, в этой стране среднестатистическая семья с двумя детьми в случае отмены пошлин ЕС на импортную одежду сэкономит 250 долларов в год, а в случае полной отмены протекционистских мер в отношении сельхозпродукции экономия составит 1200 долларов в год⁶. Европейцы ежегодно платят миллионы долларов в виде налогов за то, чтобы ассортимент в продовольственных магазинах был меньше, а цены — выше. На сельскохозяйственные субсидии правительства стран ЕС выделяют порядка 90 миллиардов долларов в год и примерно столько же — на субсидирование производства основных видов промышленной продукции. «Лазейки», через которые товары из развивающихся стран все же могли бы проникнуть на европейский рынок, блокируются антидемпинговыми тарифами и техническими нормативами, касающимися, к примеру, упаковки продукции и санитарных стандартов — нормативами, разработанными исключительно на основе практики, существующей на предприятиях стран ЕС.

На основе официальных статистических данных Еврокомиссии французский экономист Патрик Мессерлен определил, во что обходятся странам ЕС все эти торговые барьеры — тарифы, квоты, экспортные субсидии, антидемпинговые меры и т.д. Согласно его выводам, ежегодные потери от них составляют 5–7% от совокупного объема ВВП стран Евросоюза. Другими словами, в случае полной либерализации торговли ЕС каждый год получал бы дополнительные доходы, почти в 3 раза превышающие весь ВВП Швеции. Мессерлен отмечает, что в секторах, которые он изучил, рабочие места, сохраненные благодаря протекционистским мерам, составляют примерно 3% от общего количества. Каждое из них обходится примерно в 200 тысяч долларов в год, что почти в 10 раз превышает размер годовой зарплаты в этих отраслях. На эти деньги каждому человеку, чье рабочее место сохраняется за счет протекционистских тарифов, можно ежегодно выдавать по «роллс-ройсу»: нам бы это не обошлось дороже, а главное — не за счет бедняков из развивающихся

стран⁷. «То или иное производство бывает либо прибыльным, и тогда оно не нуждается в защите импортными тарифами, либо убыточным, и тогда оно защиты не заслуживает», — заметил как-то экономист Элай Ф. Хекшер⁸. Из-за протекционистских тарифов и субсидий трудовые ресурсы и капиталы, которые могли бы использоваться для повышения конкурентоспособности ЕС, остаются в тех секторах, где страны Евросоюза не обладают сравнительными преимуществами. Таким образом, ЕС обрекает развивающиеся страны на нищету, причем делается это не ради всех европейцев, а в интересах немногочисленных, но шумных лоббистских группировок.

Власти США, которым в 1996 году непостижимым образом удалось побороть групповые интересы и сократить субсидии, в последнее время сдают многие из тяжело завоеванных позиций. Принятый в 2002 году закон предусматривает введение субсидий, общий объем которых только в первые десять лет составит 180 миллиардов долларов. Кроме того, как и в Европе, от этих субсидий выигрывают прежде всего зажиточные слои. Так, в 1999 году 45% таких выплат досталось самым крупным фермерским хозяйствам, составляющим всего 7% от общего количества.

В последние годы Соединенные Штаты и ЕС провели некоторые «либеральные» реформы в области торговли с беднейшими странами. Однако эти меры носят символический характер: они не распространяются на товары, способные составить реальную конкуренцию продукции стран Севера. Принятым в Соединенных Штатах законом об обеспечении роста и возможностей развития Африки (Africa Growth and Opportunities Act) вводится принцип свободной торговли всеми видами продукции, которые африканские страны не в состоянии производить качественно, но табак и орехи в этот список не вошли. Инициатива ЕС под названием «Все, кроме оружия» (Everything but Arms) предусматривает отмену тарифов в отношении наименее развитых стран мира, но для таких товаров, как бананы, сахар и рис, вводится длительный «переходный период». Нередко эффективность подобных мер сводится на нет строгими нормативами относительно происхождения компонентов продукции развивающихся стран. Так, Гаити может беспрепятственно ввозить в страны ЕС кофе, но не футболки, если они сшиты из импортной, например китайской, ткани. Некоторым товарам доступ на ев-

ропейский рынок закрывают произвольные нормативы в области экологии и безопасности — часто они вводятся именно в качестве протекционистской меры, а не с целью реального улучшения качества и экологичности изделий.

Конечно, точно подсчитать ущерб, который наносит развивающимся странам протекционистская политика, весьма непросто, но такие попытки делаются. В докладе лейбористского правительства Великобритании по вопросам глобализации утверждается, что сокращение импортных пошлин в промышленно развитых государствах и странах третьего мира на 50% принесло бы последним дополнительные доходы в размере примерно 150 миллиардов долларов — эта цифра втрое превышает объем всей международной помощи, направляемой на цели развития. По оценкам ЮНКТАД, получив больший доступ на рынки богатых государств, развивающиеся страны смогли бы увеличивать экспорт на 700 миллиардов долларов в год, что в 14 раз превышает общий объем получаемой ими помощи в целях развития⁹.

Опыт Латинской Америки

Одно из традиционных опасений, связанных с развитием торговли между Севером и Югом, заключается в том, что его результатом станет зависимость третьего мира от экспорта сырья в промышленно развитые страны. Придерживаясь принципов свободной торговли, утверждают сторонники этой точки зрения, развивающиеся страны никогда не смогут осуществить индустриализацию и перейти к экспорту промышленной продукции. Поэтому во многих из этих стран возобладала идея о «замещении импорта», согласно которой государство под защитой заградительных тарифов должно строить и развивать национальную промышленность за счет производства товаров, которые в противном случае приходилось бы ввозить из-за рубежа. Целью такой политики является своего рода автаркия — способность удовлетворять все потребности за счет собственных ресурсов, а не специализация, ставящая страну в зависимость от международной торговли. «Теория зависимости» быстро обрела популярность после Второй мировой войны; немало сторонников у нее нашлось и на Западе. Именно поэтому в 1960-х годах западные наблюдатели предполагали, что Северная Корея — страна с закрытой экономикой — «перегонит» Южную Корею, взявшую

курс на развитие экспортных отраслей, и оценивали перспективы маоистского Китая куда выше, чем Тайвань с его ориентацией на торговлю. Политика «замещения импорта» проводилась также в Индии и ряде африканских стран, однако образцом для них послужил послевоенный опыт Латинской Америки¹⁰.

В том, что руководство Чили, Бразилии, Аргентины и ряда других латиноамериканских стран взяли на вооружение эту концепцию, нет ничего удивительного. С середины XIX века этот регион переживал экономический бум за счет экспорта небольшого количества видов сырья — таких, как кофе, бананы, сахар, хлопок и медь. Это, однако, не обеспечивало латиноамериканским странам всестороннего развития, поскольку их общество имело ярко выраженную сословную организацию. Небольшой привилегированный слой латифундистов владел гигантскими земельными угодьями, на которых трудились легионы обездоленных и неквалифицированных батраков, зачастую получавших жалованье натурой — продукцией, производившейся в этих поместьях. Малочисленная элита получала со своей собственности огромные прибыли, но не вкладывала их в дело. Закупать машины, увеличивающие производительность труда, ей было незачем, поскольку рабочая сила имела в избытке; в повышении урожайности также не было заинтересованности — посевных площадей хватало, а если возникала необходимость их расширить, землю просто отнимали у местных жителей. В результате сельское хозяйство не развивалось; спрос на промышленную продукцию тоже не увеличивался, поскольку доходы людей оставались низкими. Представители элиты не проявляли интереса ни к технологическим усовершенствованиям, ни к улучшению организации производства. Что же касается работников, то низкий образовательный уровень, социальная дискриминация и регулирование торговли не позволяли им заняться малым бизнесом. Экономика латиноамериканских государств по-прежнему зависела от экспорта нескольких видов сырья. Когда в 1930 году разразился мировой экономический кризис и богатые страны вновь ввели протекционистские барьеры, это стало страшным ударом для стран Латинской Америки. Возможности для экспорта, служившего основой их экономики, практически исчезли.

Приведенный пример показывает, что сама по себе торговля не всегда приводит к динамичному развитию, если речь идет о странах, где господствует угнетение. Когда ситуация в стране статична, а в обществе царят привилегии для немногих и дискриминация, торговля редко оказывается в состоянии решить эти проблемы. Для этого население данной страны должно получить свободу и возможность самостоятельной экономической деятельности. Необходима земельная реформа, способная положить конец феодальным пережиткам, а также либерализация рынков и развитие системы образования. Однако власти латиноамериканских государств и ученые-марксисты, развивавшие «теорию зависимости», сделали из сложившейся ситуации совершенно иные выводы. Опыт истории, утверждали они, показывает, что развитие торговли чревато пагубными последствиями, поэтому государства должны стремиться к автаркии и проводить индустриализацию за счет внутренних резервов. Таким образом, все свалили «с больной головы на здоровую». Латиноамериканские страны, оставив в неприкосновенности сословные привилегии и продолжая политику государственного вмешательства в экономику, начали борьбу со свободной торговлей.

Проводимую ими политику можно назвать классическим образцом протекционизма — и экономического самобийства. Правительства латиноамериканских стран выделяли огромные средства на развитие национальной промышленности, защищая ее высоченными тарифными барьерами. В 1950-х годах были введены жесткие запреты или квоты на импорт, а тарифы составляли в среднем 100–200% от стоимости товара. Поскольку потребители лишились возможности покупать зарубежные товары, национальная промышленность быстро увеличивала объемы производства, демонстрируя высокие темпы роста. Однако предприятия, защищенные от конкуренции, не проводили технической и организационной модернизации. Происходило лишь расширение уже устаревших и неэффективных отраслей промышленности. Поскольку внутренние цены превышали мировые, у корпораций ослабли стимулы для экспорта продукции. Экономика все больше подчинялась политике: государство стремилось управлять трудовыми ресурсами, ценами и производством в целях индустриализации. Государственный

контроль над экономикой постоянно усиливался — в Аргентине, к примеру, были национализированы даже цирки. В результате корпорации тратили больше средств и усилий на то, чтобы попасть в фавор к властям предрержащим, чем на оптимизацию производства. Сформировались мощные лоббистские группы, требовавшие привилегий или компенсации за привилегии, предоставленные другим группам. Ситуация в сфере распределения все больше определялась ходом политической борьбы и все меньше — рыночными механизмами.

Люди, не занимавшие высокого положения в обществе и не входившие в мощные лоббистские коалиции — индейцы, сельские батраки, представители малого бизнеса, жители трущоб, — все глубже погружались в нищету. Из-за тарифов снизилась их покупательная способность, а высокая инфляция, раскрученная для финансирования растущих государственных расходов, обесценивала их скудные сбережения. Неравенство в латиноамериканских странах — и без того весьма значительное — достигло неимоверного уровня. Возводились роскошные дворцы, и одновременно как грибы множились кварталы трущоб. Лишь немногие дети «рождались в рубашке», уделом большинства были улица и голод. О Рио-де-Жанейро говорили: «его центр — как Париж, а окраины — как Эфиопия». В Бразилии на долю самых богатых 10% населения приходилось 50% ВВП (для сравнения — в США этот показатель равен 25%, в Швеции меньше 20%). Недовольство граждан правящие классы направляли против «внешних врагов». Защищая свои привилегии, они утверждали, что проводимая ими политика просто безупречна, — а в бедственном положении людей виноваты иностранные державы, прежде всего США.

Нищим потребителям приходилось покупать самое необходимое по завышенным ценам, а крупные предприниматели, защищенные тарифными барьерами, богатели. В 1960-х годах автомобиль в Чили стоил в три раза дороже, чем на мировом рынке, так что лишь богачи могли позволить себе иметь машину. Рост цен затрагивал и промышленность, ведь она нуждалась в оборудовании — например, в грузовиках для перевозки продукции. Поскольку реализация товаров, произведенных по ту сторону тарифных барьеров, на внутреннем рынке была запрещена, правительства латиноамериканских стран поощряли создание на своей территории филиалов ино-

странных фирм. Однако это не приводило к внедрению прогрессивных методов производства: западные компании быстро приспособивались к особенностям проводившейся в этих странах экономической политики. Вместо специализации и повышения эффективности они превращались в «мастеров на все руки», производя любые товары, которые нельзя было ввозить из-за рубежа. Они создавали специальные подразделения по работе с местным бюрократическим аппаратом: их задачей было получать разрешения на открытие дела, льготные кредиты, ценовые привилегии и подряды на государственные проекты. Дружеские отношения с местными элитами стали методом увеличения прибылей в бизнесе, в результате чего он превратился в негативный фактор политической обстановки. Ограничение деятельности корпораций только внутренним рынком исключало снижение издержек за счет расширения производства, а отсутствие конкуренции лишало их необходимости совершенствовать техническое оснащение и организационную структуру.

Латинская Америка все больше отставала от других регионов мира в промышленном развитии. Из-за неконкурентоспособности на мировом рынке, ставшей результатом десятилетий протекционистской политики, экономика этих стран все больше зависела от льгот и импортных тарифов, которые, в свою очередь, способствовали ее дальнейшему отставанию. В итоге огромное значение для этих стран вновь приобрел экспорт сырья, за счет которого приходилось финансировать возрастающий импорт оборудования и полуфабрикатов для промышленности. Однако, поскольку государство по-прежнему держало сельское хозяйство и экспортные отрасли «на голодном пайке», развитие этих секторов тормозилось все больше и больше. Возможность развивать именно те отрасли народного хозяйства, которые обладали конкурентоспособностью на мировом рынке, оставалась нереализованной. Миллионы людей покидали деревню, пополняя население городских трущоб. В конечном итоге экономика оказалась не в состоянии поддерживать устаревший промышленный сектор. Значительные зарубежные займы, привлеченные в 1970-х годах, лишь отсрочили неизбежный крах и усугубили его последствия: в 1982 году, когда Мексика приостановила выплаты по кредитам, в Латинской Америке разразился долговой кризис беспрецедентного масштаба. За

три года доход на душу населения в странах региона снизился на 15%; 1980-е годы стали периодом постоянных финансовых кризисов и гиперинфляции. Лишь экономические реформы и либерализация торговли в конце десятилетия позволили некоторым из этих государств встать на ноги и повысить темпы роста экономики. Проблема, однако, заключается в том, что из-за огромного долгового бремени и ограниченности объемов внешней торговли эти страны и сегодня подвержены экономическим неурядицам. В этом мы убедились на примере аргентинского кризиса 2001 года. Если доходы страны от экспорта, за счет которых она расплачивается с долгами, невелики, даже небольшой дисбаланс в бюджете способен потрясти до основания всю ее экономику. Народы Латинской Америки и сегодня «расплачиваются по счетам» за «общество привилегий» и протекционистскую политику.

Впрочем, пример Чили показывает, что и в этом регионе динамичное развитие вполне возможно. Когда диктатор Аугусто Пиночет понял, что продолжение прежней политики — раскручивания инфляции и государственного регулирования — ведет к экономическому краху, он начал прислушиваться к советам экономистов-рыночников. В отличие от других стран региона с авторитарными режимами, власти Чили примерно с 1975 года начали либерализацию экономики и переход к свободной торговле. Результатом стал мощнейший рост; к 1995 году реальные доходы в стране увеличились вдвое, детская смертность снизилась с 6 до 1%, а средняя ожидаемая продолжительность жизни возросла с 64 до 73 лет. Сегодня уровень жизни в Чили почти сравнялся со странами Южной Европы — какой разительный контраст с ситуацией в соседних южноамериканских государствах! И, самое главное, в стране произошел мирный переход от кровавой диктатуры к стабильному демократическому устройству — именно это предсказывали либеральные экономисты, консультировавшие режим Пиночета¹¹.

На пути развития торговли

Возможность преодоления зависимости от экспорта сырья связана не с протекционистской политикой, а со свободой торговли. Вместо щита, прикрывающего экономику, пока она не наберет силы, тарифные барьеры превращались в препятствие на пути конкуренции, снижая тем самым эффектив-

ность и способность к инновациям. Именно те развивающиеся страны — в первую очередь азиатские, — которые в наибольшей степени открыли свою экономику, сумели быстрее других перейти от экспорта сырья к вывозу промышленной продукции. В работе Сакса и Уорнера, посвященной воздействию торговли на экономику, показано, что в странах, проводивших протекционистскую политику, структурные изменения в народном хозяйстве происходили крайне медленно, в то время как государства, вставшие на рельсы свободной торговли, дальше продвинулись и в развитии промышленности¹². Этот вывод полностью противоречит аргументам сторонников «теории зависимости». Некоторые из них, впрочем, извлекли уроки из собственных ошибок. Так, социолог Фернанду Энрики Кардозу, чьи научные труды сыграли важную роль в разработке этой теории, после избрания президентом Бразилии в 1994 году предпринял шаги по либерализации торговли. Теперь развивающиеся страны в ходе торговых переговоров требуют, чтобы богатые государства открыли свои рынки для их экспортных товаров.

Сегодня, как никогда раньше, свободная торговля может способствовать динамичному росту в развивающихся странах. Сто лет назад глобализация, по сути, сводилась к тому, что Запад получал из других регионов сырье и перерабатывал его. Этот процесс не слишком способствовал распространению новых технологий и не обеспечивал особых возможностей для роста. Создавать промышленность, в том числе обрабатывающую, в развивающихся странах в то время было невозможно, поскольку на доставку туда запчастей или специалистов уходили месяцы. Сегодня продукция завода, расположенного практически в любой точке планеты, доставляется потребителю максимум через полторы недели (за тот же срок и завод получает все необходимое), а связаться с ним по телефону, факсу или электронной почте можно в одно мгновение. Это значит, что теперь фирмы могут создавать предприятия в тех регионах, которые некогда лежали на периферии мировой экономики, и поддерживать с ними постоянный контакт. Даже основные производства можно переносить в бедные страны, имеющие в данном секторе сравнительные преимущества, — это создает фантастические возможности для людей, которым не посчастливилось родиться в богатой стране.

Вышесказанное относится не только к обрабатывающей промышленности, но и к сфере услуг. Благодаря спутниковой связи и Интернету многие американские и европейские компании переносят часть текущей административной работы в развивающиеся страны, например, Индию, нанимая там персонал для дистанционного осуществления таких функций, как начисление зарплаты сотрудникам, выписка квитанций, заказ билетов и обслуживание клиентов. Особенно это удобно корпорациям из США, ведь в Индии рабочий день начинается примерно тогда же, когда американцы ложатся спать. Даже наблюдение за служебными помещениями можно осуществлять из любой точки планеты — путем спутниковой передачи изображений. Развивающиеся страны обладают очевидными сравнительными преимуществами в области услуг, требующих больших трудозатрат. Их граждане получают работу и более высокую зарплату, а потребителям из развитых стран эти услуги обходятся дешевле.

Благодаря улучшению средств сообщения и либеральным реформам в мировой торговле за последние тридцать лет резко увеличился экспорт промышленных товаров из развивающихся стран. Сама история опровергла «теорию зависимости». Если в 1965 году продукция обрабатывающей промышленности составляла всего четверть от общего объема

Рисунок 23. Развивающиеся страны экспортируют все больше промышленных товаров

Источники: Ghose A. K. Trade Liberalization and Manufacturing Employment. Employment Paper 2000/3. Geneva: International Labour Office, 2000; Overseas Development Institute. Developing Countries in the WTO. Briefing Paper 3. London: Overseas Development Institute, 1995.

экспорта развивающихся стран, то сегодня — уже примерно три четверти. Значение сырья в их экспорте постоянно снижается. В начале 1970-х годов на долю развивающихся стран приходилось лишь 7% общемирового экспорта промышленных товаров, а сегодня — более четверти.

Для примера возьмем Мексику. Долгое время считалось, что благосостояние этой страны зависит от традиционного сырьевого экспорта в Соединенные Штаты, но с переходом к политике свободной торговли ситуация стала быстро меняться. Еще в 1980 году только 0,7% мексиканского экспорта составляла продукция обрабатывающей промышленности. К 1990 году ее доля возросла до 3,7%, а в 1995-м, после создания Североамериканской зоны свободной торговли и упразднения тарифных барьеров между Мексикой и США, — до 19,3%. В результате либерализации торговли Мексика всего за шесть лет по общему объему экспорта переместилась с 26-го на 8-е место в мире; это способствовало также ускорению темпов экономического роста в стране: с 1996 года они составляют почти 5% в год¹³.

Критики глобализации порой указывают, что производство товаров, требующее больших трудозатрат, в свое время переместилось в Японию, где рабочая сила была дешевой, а затем, с повышением там зарплаты, — в Южную Корею и на Тайвань. Когда же и в этих странах производственные издержки возросли, настала очередь Малайзии и Таиланда; сегодня трудоемкие производства перемещаются в Китай и Вьетнам. Это, утверждают критики, наглядный пример бездушия капиталистов: они бросают страну на произвол судьбы, лишь бы не платить рабочим более высокую зарплату. Как только в стране начинается экономический рост и повышается уровень жизни, корпорации и инвесторы бегут отсюда без оглядки. Однако этот процесс связан скорее с постоянным совершенствованием производства. Бедная страна лучше всего справляется с наиболее простыми технологическими операциями, не требующими квалифицированной рабочей силы. Но когда страна становится богаче, ее промышленность — эффективнее, а квалификация трудовых ресурсов — выше, ей самой становится выгоднее развивать более сложные производства, а в дальнейшем — и интеллектуальные технологии. По мере перехода экономики таких государств на новые этапы развития менее развитые страны,

можно сказать, принимают у них «эстафету» более трудоемких производств. Сегодня Мексика вывозит все меньше сырья и все больше промышленных товаров, а Соединенные Штаты все больше переходят в своем экспорте от промышленных товаров к компьютерным программным продуктам и консалтинговым услугам. Таким способом повышается эффективность мировой экономики в целом, и одновременно все больше стран и регионов вовлекаются в ее орбиту. Именно поэтому страны Восточной Азии часто сравнивают с гусиной стаей. Все они занимают разные места в экономическом «строю», но при этом шаг за шагом движутся вперед.

«Сохраняйте свои тарифы»

Позицию некоторых критиков свободной торговли, особенно представителей духовенства и сотрудников организаций, занимающихся помощью в целях развития, можно охарактеризовать как «протекционизм наизнанку». Они понимают абсурдность ситуации, когда богатые страны с помощью тарифных барьеров закрывают экспортным товарам из развивающихся стран доступ на свои рынки. Но в то же время они полагают, что самим развивающимся странам следует импортировать меньше товаров и защищать свои рынки тарифами до тех пор, пока они не достигнут более высокого уровня благосостояния. Послушаешь этих критиков, и получается, что мы чуть ли не услугу окажем развивающимся странам, если не будем возражать против протекционистской политики их руководства. Мы якобы должны внушать им: «Сохраняйте свои тарифы!»

На первый взгляд подобные аргументы могут показаться логичными: если страна бедна, надо дать ей возможность получать доходы от экспорта, не допуская при этом убытков, вызванных импортом, который препятствует развитию ее собственной промышленности. Следует защищать «новорожденную» национальную промышленность от «взрослых» иностранных соперников заградительными тарифами, пока та не обретет конкурентоспособность. Однако, как мы уже убедились, именно в странах с открытой экономикой промышленность развивается динамичнее. Тарифы вынуждают потребителей покупать только товары отечественного производства, в результате чего доходы этих компаний увеличиваются. Однако в отсутствие иностранной конкуренции

у них нет стимулов к повышению эффективности производства, внедрению новых видов продукции и снижению цен. Таким образом, на деле подобная политика оборачивается дальнейшим обогащением элиты, а подавляющее большинство граждан вынуждены переплачивать за товары первой необходимости, поскольку не могут купить их дешевле у других компаний. Утверждать о выигрышности для жителей бедных стран политики поощрения экспорта при ограничении импорта означает игнорировать тот факт, что эти люди выступают не только в роли производителей, но и в роли потребителей. Советуя развивающимся странам сохранять тарифы, мы, по сути, говорим: «Ограничивайте возможность выбора для собственных граждан».

Вера в то, что политики способны лучше, чем рыночные силы или инвесторы, определить, какие производства в долгосрочной перспективе могут стать конкурентоспособными, является предрассудком. В действительности все наоборот: протекционистская политика приводит к разрушению рыночных механизмов, позволяющих отличить удачный проект от провального. Можно привести считанные примеры успешных инициатив государства в области развития промышленности, а вот дорогостоящих провалов такого рода мы видели больше чем достаточно: вспомним неэффективную тяжелую промышленность в Индии, неудачную попытку создать отрасль информационных технологий в Бразилии и автомобилестроение в других странах Южной Америки или защищенную протекционистскими мерами автомобильную промышленность в Индонезии при Сухарто (которой по странному совпадению руководил его сын). Порой в качестве примера успешного централизованного планирования приводят деятельность Министерства внешней торговли и промышленности (МВТП) Японии; оно, действительно, может похвастаться неплохими результатами — в первую очередь потому, что старалось чутко реагировать на сигналы рынка. Что же касается его попыток развивать новые технологии без учета рыночных тенденций, то они, напротив, заканчивались неудачей. Так, МВТП потратило миллиарды долларов на создание реакторов на быстрых нейтронах, компьютеров пятого поколения и морской буровой платформы с дистанционным управлением, но все эти проекты провалились. Кроме того, к счастью для японцев, в начале 1950-х годов

МВТП не сумело «задушить» некоторые отрасли — а именно к таким результатам могли привести его попытки вытеснить с рынка мелкие автомобильные фирмы или запретить компании Sony импорт транзисторных технологий¹⁴. Дорогостоящие провалы случались и на Западе — взять хотя бы англо-французский сверхзвуковой авиалайнер «Конкорд» или разработку цифрового телевидения в Швеции.

Печальная истина состоит в том, что во многих случаях политические лидеры даже не пытаются объективно оценить потенциальную прибыльность того или иного проекта: в основе их решений лежат коррупция, лоббирование или соображения престижа. Тарифные барьеры, призванные обеспечить временную защиту растущих жизнеспособных предприятий, на деле оказываются постоянной защитой для неэффективных компаний. Меры, призванные стимулировать развитие, превращаются в «питательную среду» для закулисных политических махинаций и мздоимства. Даже если в некоторых случаях такие меры теоретически способны привести к успеху, где гарантия, что на практике, после того как вокруг них развернутся политические баталии, они будут применяться правильно? Напрашивается еще один вопрос: зачем бедным странам расходовать свои скудные ресурсы на гигантские промышленные проекты, если существуют другие инструменты, гарантирующие быстрый результат, — экономические реформы, либерализация режима государственного регулирования, инвестиции в образование и здравоохранение.

Сторонники сохранения тарифов странами третьего мира не учитывают и другой немаловажный факт: развивающиеся страны активно торгуют не только с Западом, но и друг с другом. Примерно 40% их экспорта приходится на другие развивающиеся страны. Если потребителей в бедных странах вынуждают покупать по высоким ценам товары местных компаний, это означает, что им не позволяют приобретать продукцию не только западных стран, но и соседних государств, в результате чего производители тоже проигрывают. Производители могут занять монопольное положение на внутреннем рынке, но выход на рынки других стран для них закрыт. Тарифы, которые развивающиеся страны вводят друг против друга, сегодня в 2,5 раза выше протекционистских барьеров, установленных развитыми государствами на това-

ры из третьего мира. В промышленно развитых странах средний уровень тарифов составляет 8%, а в развивающихся — 21%. Таким образом, более 70% таможенных пошлин, которые приходится платить потребителям из развивающихся стран, установлены другими развивающимися странами¹⁵.

В этом заключается главная причина, по которой на долю развивающихся стран, производящих лишь четверть общемирового ВВП, приходится 40% общей суммы всех таможенных выплат в мире. Одно из величайших преимуществ, которые может дать странам третьего мира свободная торговля, состоит в отмене импортных тарифов, поскольку их ставки порой в несколько раз превышают стоимость самого товара. Те, кто считает, что, поддерживая тарифы, они делают доброе дело для развивающихся стран, просто не понимают, что на деле они помогают лишь немногочисленной группе бизнесменов и правителей в государствах третьего мира — причем в ущерб основной массе потребителей и развитию их экономики в целом.

Если мы, жители богатых стран, действительно верим в свободную торговлю, нам следует упразднить собственные тарифы и квоты, не требуя взамен уступок от других. Препятствовать развитию бедных стран аморально. Кроме того, от либерализации импорта выиграем мы сами — даже в том случае, если другие государства не захотят импортировать наши товары. Однако все это не означает, что странам третьего мира следует защищать национальную промышленность тарифными барьерами. Напротив, лучшее, что они могут сделать для собственных граждан, — это тоже отменить тарифы. Позиция тех, кто советует сохранить тарифы, представляет собой вывернутый наизнанку, «зеркальный» образ традиционного протекционизма, — но отражение в зеркале не выглядит привлекательнее оригинала.

Долговая западня

В ходе дискуссий о глобализации мы слышим немало резкой критики в адрес международных экономических институтов. Чаще всего ее объектом становятся Всемирный банк (ВБ), координирующий усилия международного сообщества в целях долгосрочного развития стран третьего мира, и Международный валютный фонд (МВФ), функцией которого являются рекомендации и помощь финансовым органам отдельных го-

сударств, особенно в моменты кризисов. Критики утверждают, что эти структуры занимаются «выбиванием» у развивающихся стран долгов развитым странам и вынуждают их осуществлять радикальные либеральные реформы, приводящие лишь к усилению нищеты. Левые и религиозные организации разных стран мира требуют демократизации ВБ и МВФ, а также списания долгов развивающихся государств.

Под «демократизацией» они подразумевают предоставление всем странам равного количества голосов в этих институтах (в настоящее время голоса распределяются в зависимости от размера взносов). Подобное требование может показаться справедливым, но обе организации в основном занимаются оказанием помощи в целях развития, и государства, решившие направлять средства на эти цели через МВФ и ВБ, считают, что вправе определять, как именно будут потрачены их собственные деньги. Если все страны получат одинаковое количество голосов при распределении этих средств, государства вроде США просто выйдут из названных организаций и найдут другие каналы оказания помощи. Это будет означать конец МВФ и ВБ, что, конечно, поставит последнюю точку в спорах вокруг их деятельности, но отнюдь не тем способом, как хотело бы большинство критиков.

Конечно, «послужной список» МВФ и ВБ отнюдь не безупречен: они допускали ошибки, непростительные с точки зрения любого либерала. Вполне заслуживает критики как то, что они не одно десятилетие выступали за создание в развивающихся странах плановой экономики, так и участие ВБ в финансировании программ стерилизации населения, сопровождавшихся серьезными нарушениями прав людей, которых эти меры затрагивали. То же самое можно сказать о поощрении масштабных проектов — например, по строительству плотин, — сопровождавшихся принудительным переселением тысяч людей. Но противники глобализации очень редко подвергают критике такого рода действия. Их гнев вызывают рекомендации МВФ и ВБ относительно снижения инфляции и сбалансированности бюджетов. Однако подобные требования в адрес развивающихся стран представляют собой не просто «указания сверху». Они являются условием предоставления кредитов государствам, остро нуждающимся в средствах и оказавшимся на грани банкротства. Подобно всем кредиторам, МВФ и ВБ хотят получить свои

деньги обратно, а потому настаивают на проведении реформ, позволяющих стране-должнику выйти из кризиса и в конечном итоге вернуть средства, предоставленные в виде займов. Такой подход нельзя считать в корне неверным, а упомянутые рекомендации (их называют программами структурных преобразований) зачастую носят весьма здравый характер: речь идет о ликвидации бюджетного дефицита, снижении уровня инфляции, поощрении конкуренции, либерализации рынков, борьбе с коррупцией и установлении верховенства закона, а также о сокращении военных расходов в пользу инвестиций в образование и здравоохранение. Большое внимание уделяется также усилению прозрачности госуправления, устранению закулисных махинаций и кумовства в отношениях между правящей элитой и экономическими субъектами.

В ряде случаев, однако, рекомендации ВБ и МВФ сыграли явно деструктивную роль — к примеру, в ходе азиатского финансового кризиса. Самой резкой критики заслуживают их требования «потуже затянуть пояса», адресованные странам, уже вступавшим в полосу глубокой экономической депрессии. Так, в сентябре 1997 года МВФ вынудил власти Таиланда увеличить налоги, в результате чего кризис в этой стране достиг опасных масштабов. В некоторых случаях МВФ рекомендовал государствам сохранять завышенный курс национальной валюты, провоцируя тем самым спекулятивные операции на финансовом рынке. Кроме того, постоянное предоставление антикризисных кредитных «пакетов» способно побудить инвесторов и правительства к чересчур рискованным действиям, придавая им уверенность в том, что, даже если они перейдут все границы, как это случилось в России в 1998 году, МВФ придет на помощь. Любому стороннику либеральных идей ситуация, когда налогоплательщикам приходится оплачивать ошибки спекулянтов, представляется просто абсурдной. В конце концов, один из основополагающих принципов капиталистического строя заключается в том, что инвесторы-неудачники сами расплачиваются за свои неверные решения. Другие критики отмечают, что МВФ в принципе чересчур увлекается «микромеджментом», вместо того чтобы давать рекомендации общего характера. Используя в качестве «козыря» обещания помощи на многие миллионы долларов, бюрократы Фонда пытаются, по сути, играть роль «новых колонизаторов», осуществляя «дистанционное управление»

политикой других стран. Конечно, мы абсолютно справедливо требуем от правителей государств третьего мира предоставления их гражданам основополагающих демократических прав и свобод, однако стремление контролировать их политический курс в деталях — нечто совсем иное.

Главный урок, который можно извлечь из двадцатилетнего опыта рекомендаций МВФ и ВБ, заключается в том, что их реальное влияние на политику стран, получающих помощь, крайне незначительно. Многим правительствам, столкнувшимся с серьезным кризисом, кредиты МВФ и ВБ дают последний шанс избежать подлинных, радикальных экономических реформ. Чтобы получить в свое распоряжение громадные суммы денег, властям страны достаточно *пообещать* провести реформы. После этого они начинают рискованную «двойную игру», осуществляя реформы по минимуму, — только чтобы удовлетворить эмиссаров МВФ. Так, бывший российский министр финансов Борис Федоров задним числом пришел к выводу, что займы МВФ привели лишь к затягиванию либеральных реформ, которые правительству пришлось бы осуществить в отсутствие этих средств. Вместо проведения разумного экономического курса его коллеги сочли, что «патриотичнее» будет сначала набрать как можно больше кредитов, а затем начать переговоры об их списании.

«[25 миллиардов долларов, которые МВФ и ВБ одолжили России в 1990-х годах] в значительной мере способствовали затягиванию перехода к последовательной экономической стратегии и лишали власти стимулов к внесению болезненных, но необходимых изменений в экономическую политику... Сегодня российская политическая элита твердо убеждена, что Россия будет регулярно получать финансовую помощь от международных организаций независимо от характера ее экономической политики» (Андрей Илларионов, либеральный экономист, в 2000–2005 годах советник президента Владимира Путина по экономическим вопросам)¹⁶.

Представление о том, что реформы можно внедрить извне с помощью экономических стимулов, весьма опасно. В большинстве случаев подобные финансовые трансферты лишь поддерживают существование недееспособной системы. Чтобы

помощь привела к позитивному результату, ее следует оказывать уже после того, как реформы начались. В 1994 году эксперты ВБ проанализировали программы структурных преобразований в 26 странах и выяснили, что лишь в шести случаях они привели к серьезным изменениям в экономической политике. Главная причина заключалась в сопротивлении бюрократии: чиновники не могли или не желали сокращать и оптимизировать государственный аппарат, а также поступаться собственным контролем над экономикой страны. В некоторых государствах соответствие основным критериям МВФ, например, сбалансированности бюджета, достигалось деструктивными методами: увеличением налогов и тарифов, эмиссией денег или сокращением наиболее важных расходов — на образование и медицину — при сохранении на прежнем уровне государственных субсидий, ассигнований на содержание бюрократического аппарата и военные нужды.

Есть и другая проблема: программы структурных преобразований порой настолько сложны, что неэффективный государственный аппарат оказывается не в состоянии их реализовать. Когда аппарат, пронизанный коррупцией, должен обеспечивать соответствие сотне показателей и критериев одновременно, ситуация неизбежно усложняется, особенно если учесть, что власти наряду с этим должны осуществлять и другие меры, предусмотренные программами помощи на двусторонней основе. Поскольку программы структурных реформ нередко сформулированы весьма расплывчато, правительства стран-реципиентов без особого труда тормозят или срывают их выполнение. Подобные нарушения приводят к приостановке финансирования, но стоит политическому руководству страны сделать заявление о том, что дальше все условия будут соблюдаться в точности, как финансовый кризис снова открывается. Такая процедура, судя по всему, может повторяться до бесконечности. Как отмечает один аналитик, осуществление программ структурных преобразований в Африке в течение пятнадцати лет имело результатом лишь «минимальное увеличение открытости этих стран для мировой экономики»¹⁷.

Подобное нежелание стран-реципиентов следовать советам МВФ и ВБ делает несостоятельными распространенные в левых кругах утверждения об ответственности именно этих двух организаций за глубокий кризис, поразивший ука-

занные государства. Следует отметить, что страны, последовавшие рекомендациям международных финансовых организаций, добились намного больших успехов, чем те, которые их проигнорировали. К примеру, в Уганде и Гане, выполнявших требования МВФ и ВБ, темпы экономического роста увеличились, что привело к повышению жизненного уровня. В других государствах, не пожелавших внедрять программы либерализации, — например, в Нигерии, Кении и Зимбабве — экономическая ситуация по-прежнему остается неблагоприятной: нищета и неравенство приобрели хронический характер и достигли угрожающих масштабов¹⁸.

Так что же можно сказать о списании долгов? На мой взгляд, для этого есть немало оснований, но риска не избежать, если подобное решение будет осуществляться неверными методами. Впрочем, с самого начала следует отметить, что серьезность проблемы в ходе дискуссий преувеличивается. Критики МВФ и ВБ утверждают, что из-за долгового бремени в развивающихся странах ежедневно погибает 20 тысяч человек. Такая цифра получается следующим образом: подсчитывается сумма, которую эти страны должны платить обоим международным институтам в качестве процентов по займам, а затем определяется, сколько человеческих жизней можно было бы спасти на эти деньги. Но если даже мы допустим такую невероятную вещь, что все выплачиваемые деньги в случае списания долгов пошли бы на лекарства и продовольствие, а не на военные расходы, подобные аргументы не учитывают еще один очевидный факт. Страны-должники ежегодно получают от развитых стран и международных организаций новые кредиты, гранты и помощь, направленную на цели развития, причем их объем намного превышает процентные платежи. Каждый год бедные страны с наиболее высоким уровнем задолженности (таких государств насчитывается 41) получают от Запада вдвое больше, чем выплачивают по долгам. Поэтому обвинения в адрес Запада, что процентные выплаты ежедневно стоят жизни десяткам тысяч граждан развивающихся стран, — не более чем абсурдное жонглирование цифрами¹⁹.

Тем не менее идея облегчения долгового бремени развивающихся стран в принципе верна. Ее противники говорят: долги надо платить. Это, конечно, правильно, вот только возникает вопрос — следует ли вынуждать людей платить долги,

не ими взятые? Допустим, какой-то диктатор набрал кредитов, чтобы усилить военную машину государства, а заодно и увеличить собственное состояние. Затем в стране происходит политический переворот, диктатора свергают, и новое демократическое правительство оказывается по уши в долговых расписках. Почему налогоплательщики этой страны должны платить по обязательствам, которые они на себя не брали? Может быть, разумнее, чтобы за собственные ошибки отвечали кредиторы, выдавшие займы неплатежеспособному режиму? Рыночные структуры, наученные горьким опытом, давно уже прекратили кредитовать страны, запутавшиеся в долгах, а политические организации вроде МВФ и ВБ продолжают снабжать их деньгами в случае любого экономического кризиса. Из-за такой щедрости, достойной лучшего применения, многие развивающиеся страны в 1980-х годах угодили в «долговую западню». Большинство из этих государств абсолютно не в состоянии вернуть кредиты, и от того, что они и дальше будут сидеть в «долговой яме», не выиграет никто. Внешний долг некоторых стран, например Танзании, вдвое превышает годовой объем экспортных поступлений, а обслуживание задолженности поглощает средства, которые могли пойти на образование. Поскольку отмена привилегий, сокращение субсидий и госаппарата чреваты политическими рисками, первыми жертвами «затягивания поясов», как правило, становятся долгосрочные инвестиции.

Это, впрочем, не означает, что с идеей безоговорочного списания долгов всем странам, выдвигаемой общественными движениями, например, в ходе кампании «Юбилей 2000» (Jubilee 2000), следует согласиться. Напротив, такое списание может, по сути, означать косвенное финансирование коррумпированных режимов, которые пустят высвободившиеся средства на закупку оружия и укрепление репрессивного аппарата. Получится, таким образом, что Запад будет способствовать сохранению диктатур — а это опять же безнравственно. Чтобы избежать подобного результата, необходимо обусловить списание долгов определенными требованиями в области демократизации и реформ. Другая проблема, связанная с таким списанием, заключается в том, что от него выигрывают не столько самые бедные или демократические государства, сколько страны, набравшие больше всего кредитов. По состоянию на 1997 год они получили

помощи в целях развития, в пересчете на душу населения, вчетверо больше, чем столь же бедные, но не имеющие долгов страны. К примеру, в пропорции к численности населения объем такой помощи, полученной Берегом Слоновой Кости (Кот-д'Ивуар), в 1276 раз превышает аналогичный показатель для Индии.

Списание долгов уже стало свершившимся фактом: в тех или иных масштабах этот процесс продолжается с 1979 года, когда, после встречи в рамках ЮНКТАД, кредиторы «простили» 45 странам задолженность на общую сумму в 6 миллиардов долларов. Проблема, однако, заключается в том, что такая политика поощряет страны-реципиенты к новым займам. Освободившись от одних долгов, они тут же набирают новые кредиты. По данным одного исследования, в 1979–1997 годах списание долгов страны в объеме 1% от ВВП приводило к росту ее долгового бремени в среднем на 0,34%. Более того, заимствованные средства используются нецелесообразно, а отсрочки выплат не способствуют изменению экономического курса. Напротив, выясняется, что государства-должники проводят менее разумную экономическую политику и осуществляют меньше долгосрочных реформ, чем другие бедные страны. Напрашивается печальный вывод: эти страны вместо оптимизации расходов нередко предпочитают брать новые долги, рассчитывая, что рано или поздно их все равно спишут, и оттягивают либеральные реформы, дожидаясь момента, когда смогут «обменять» их на наиболее выгодные условия списания задолженности. К сентябрю 1996 года, когда ВБ и МВФ выступили с инициативой, конечным результатом которой должно стать списание долгов 41 государству с «высоким уровнем задолженности», подобная политика продолжалась уже почти двадцать лет²⁰.

Все эти постоянные списания свидетельствуют о неэффективности такого подхода к вопросу о долгах стран третьего мира. Результативной могла стать другая стратегия — «одноразовое» прощение долгов бедным странам с реформаторскими правительствами в сочетании с недвусмысленным заявлением о том, что больше этот шаг повторяться не будет. На практике это должно означать прекращение дальнейшего кредитования после списания прежней задолженности; любое заимствование впредь может осуществляться только на международном финансовом рынке — у инвесторов, готовых

идти на риск и полагающих, что сумеют вернуть свои деньги. Похоже, однако, что МВФ и ВБ, заявляя об освобождении 22 стран от двух третей задолженности, не придерживались подобной стратегии. Конечно, списание сопровождалось рядом условий, в частности об активизации борьбы с коррупцией и увеличении ассигнований на образование и здравоохранение. Однако этот шаг не означает отказа от выдачи новых кредитов: в результате задолженность будет снова накапливаться и лет через десять ее придется списывать вновь.

С начала 1960-х годов африканские страны получили в виде помощи, направленной на цели развития, в шесть раз больше средств, чем после окончания Второй мировой войны США предоставили Европе в рамках Плана Маршалла. При разумном расходовании этих денег Африка сегодня по уровню жизни уже сравнялась бы с Западом. Однако, как показывают исследования по данному вопросу, результаты предоставления этой помощи оказались обескураживающими. Во многих странах она сыграла чисто деструктивную роль, реально препятствуя экономическому росту. По словам выдающегося экономиста Питера Бауэра, эксперта по проблемам международного развития, такая помощь часто оборачивается передачей денег «бедняков из богатых стран богачам из бедных стран». Причина заключается в том, что эти деньги создают ложные стимулы. Развитие торговли побуждает бедные государства увеличивать производство и поощрять новые идеи. Однако вместо этого бедным странам предоставляют финансовую помощь, причем она поступает в распоряжение правителей, которые своими действиями не развивают экономику, а лишь усугубляют нищету, — поскольку чем хуже показатели страны, тем больше помощи она получает. Деньги передаются государству и политическому руководству и в силу этого стимулируют не столько производство и экспорт, сколько расширение полномочий бюрократии. В результате усиливаются позиции центральной власти, что позволяет ей эксплуатировать периферию, губить сельское хозяйство и нарождающуюся промышлен-

ность. Во многих случаях помощь, предоставленная на цели развития, помогала коррумпированным диктаторам удерживать власть (правители вроде Мобуту, Мугабе, Маркоса и Сухарто сколотили многомиллиардные состояния в то самое время, когда экономическая ситуация в их странах неуклонно ухудшалась). Помощь, не обусловленная осуществлением демократизации и реформ, превращается в финансирование диктатуры и стагнации. Впрочем, некоторые данные свидетельствуют о том, что такая помощь действительно может способствовать экономическому развитию — в тех случаях, когда страны-реципиенты по собственной воле проводят разумный экономический курс, обеспечивают права собственности, открытость рынка, осуществляют стабильную бюджетную и монетарную политику. Правда, такие страны в действительности не особенно нуждаются в помощи. А вероятность того, что благодаря этим деньгам бюрократы станут правильно определять политический курс и принимать мудрые решения, представляется незначительной²¹.

Необходимое лекарство

Один из распространенных аргументов противников рыночной экономики заключается в том, что целью производства в рамках этой системы является прибыль, а не удовлетворение потребностей людей. Это означает, к примеру, что фармацевтические компании вкладывают огромные средства в разработку препаратов для борьбы с ожирением, облысением и депрессией — проблемами, по поводу которых могут себе позволить волноваться богатые уроженцы Запада, — и значительно меньше ресурсов тратят на создание лекарств от тропических болезней вроде малярии или туберкулеза, от которых страдают самые бедные жители планеты. Причины этой критики вполне понятны. В мире хватает несправедливости — только не следует винить в этом капитализм. Не стоит и думать, что в отсутствие капитализма и такого мощного стимула, как прибыль, каждый больной получил бы средство от своих недугов. Более того, намного меньше людей вообще получили бы медикаменты. Если у граждан зажиточных

стран возникает спрос на лекарства от возникающих у них проблем — которые, кстати, отнюдь не кажутся мелочью тем, кто от них страдает, — то их средства будут потрачены на соответствующие исследования и разработку способов лечения. Капитализм создает для компаний экономические стимулы для разработки лекарств и вакцин — а значит, они смогут помочь нам всем. От того, что люди на Западе тратят свои деньги так, а не иначе, хуже никому не становится. Эти средства все равно не пошли бы на разработку препаратов от тропических болезней — они просто не достались бы фармацевтическим фирмам. Кроме того, поскольку свободная торговля и рыночная экономика способствуют повышению благосостояния в бедных странах, потребности и запросы их жителей со временем будут все больше определять направленность научных исследований и производства.

Тот факт, что на Западе все больше болезней поддается лечению, не создает проблем для третьего мира. Напротив, это приносит ему лишь пользу — и не только потому, что богатые страны получают возможность направлять больше ресурсов для помощи бедным. Во многих областях развивающиеся страны могут с минимальными затратами, а порой и бесплатно, пользоваться результатами исследований, проведенных на деньги потребителей из богатых стран. Так, корпорация Merck в рамках программы борьбы с онхоцеркозом («речной слепотой») предоставляет бесплатные лекарства одиннадцати африканским государствам. В результате эти страны сегодня почти полностью покончили с паразитом, от которого ранее страдало около миллиона людей, а тысячи заболевших ежегодно теряли зрение²². Корпорация Monsanto тоже бесплатно позволяет научно-исследовательским организациям и производственным компаниям использовать свою технологию получения «золотого риса» — разновидности риса, обогащенного железом и бета-каротином (витамином А): он способен ежегодно спасать жизнь миллиона уроженцев третьего мира, умирающих от болезней, вызванных недостатком витамина А. Целый ряд фармацевтических компаний резко (порой на 95%) снижает цены на реализуемые в бедных странах препараты, замедляющие развитие ВИЧ/СПИДа, при условии сохранения за собой соответствующих патентов, чтобы иметь возможность торговать ими по полной стоимости в богатых государствах.

Фармацевтические компании могут проводить подобные акции, поскольку существуют рынки богатых стран, где потребители в состоянии заплатить за такие препараты более высокую цену, — ведь возможности производителя ограничены имеющимися средствами: нельзя только тратить, ничего не зарабатывая. Но именно этого требуют от фармацевтических фирм те, кто упрекает их в нежелании «поделиться» своими патентами. Они утверждают: если освободить лекарства против ВИЧ/СПИДа от патентных ограничений, их производство станет дешевле и эти препараты окажутся доступными значительно большему числу бедных людей во всем мире. Однако такой способ, расширяя доступ к уже имеющимся лекарствам, резко сократит возможности для разработки новых, поскольку у фармацевтических компаний просто не хватит для этого средств. На каждый эффективный препарат приходится 20–30 проектов, завершившихся неудачей, а организация производства нового лекарства в промышленных масштабах часто обходится в сотни миллионов долларов. Чтобы финансировать все эти исследования, часть уже имеющихся лекарств необходимо продавать по высоким ценам. В случае упразднения системы патентов ни одна фармацевтическая фирма не сможет позволить себе разработку новых препаратов. Не будь патентов, не было бы и спора вокруг цен на лекарства от ВИЧ/СПИДа — поскольку эти препараты просто не были бы изобретены.

Вину за то, что борьба с болезнями в бедных странах ведется с недостаточным размахом, следует возлагать не на фармацевтические компании. Развитые государства могли бы, например, принять решение о выплате определенной суммы за каждого ребенка, привитого от малярии, или за каждого больного, получающего лекарства от ВИЧ/СПИДа, как предлагает Джеффри Сакс. Если предприниматели и неправительственные организации пойдут на такой шаг, у частных корпораций появятся стимулы для разработки соответствующих лекарств и вакцин. Если борьба с болезнями в третьем мире представляет собой политическую задачу, несомненно, было бы логичнее распределить расходы на эти цели между всеми, а не требовать дорогостоящих жертв исключительно от фармацевтических компаний.

К сожалению, выделение средств на политические цели неизбежно зависит от политических соображений. На-

гляднее всего это подтверждает деятельность Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) — ведомства ООН, финансируемого на деньги налогоплательщиков стран-участниц. Ее задача состоит в том, чтобы делать все возможное для улучшения здоровья всех людей на планете. Существует довольно простой способ решения этой задачи. По данным самой ВОЗ, 90% людей в возрасте до 44 лет, умирающих от инфекционных заболеваний, становятся жертвами всего шести болезней, среди которых малярия, туберкулез и т.д. Каждый год от них погибает 11 миллионов человек, но жизнь этих людей можно было бы спасти. Кажется логичным, чтобы ВОЗ выступила с инициативой и начала прививать детей и бороться с этими заболеваниями. Организация в состоянии очень быстро решить одну из серьезнейших проблем современного мира — если примет соответствующее решение. Но этого не происходит: в последние годы подобная деятельность не входит в число приоритетных задач ВОЗ. Может быть, причина в нехватке средств? Вряд ли. По оценкам самой ВОЗ, сохранение всех этих миллионов жизней стоило бы всего от 4 миллионов до 220 миллионов долларов — то есть от 0,4 до 20% годового бюджета организации! В то время как дети продолжают умирать от инфекций, ВОЗ выделяет все больше средств из своего ежегодного более чем миллиардного бюджета на проведение конференций и пропагандистских кампаний за использование ремней безопасности или по борьбе с курением. В богатых странах подобные проблемы считаются актуальными, поэтому, чтобы сохранить финансирование, бюрократы ООН должны уделять им особое внимание²³.

На мой взгляд, в этом плане больше надежды на филантропов, чем на политиков. Капитализм вовсе не заставляет людей во всем стремиться к максимальной прибыли: он дает возможность распоряжаться своей собственностью, как они считают нужным, не оглядываясь на политические соображения. Владелец компании Microsoft Билл Гейтс — живой символ современного капитализма — тратит на борьбу с болезнями в развивающихся странах больше средств, чем все американское государство. Только с ноября 1999 по ноябрь 2000 года в рамках медицинских программ Фонда Билла и Мелинды Гейтс (его величина 23 миллиарда долларов) было выделено 1,44 миллиарда долларов на вак-

цинацию детей из стран третьего мира от самых распространенных заболеваний и научные исследования по изучению ВИЧ/СПИДа, малярии и туберкулеза. Эта сумма составляет четвертую часть общего объема средств, ассигнуемых промышленно развитыми странами на борьбу с болезнями в третьем мире. Так что бедняков и больных во всем мире должно только радовать наличие у Билла Гейтса состояния, превышающего 50 миллиардов долларов. Будь в мире несколько таких Гейтсов, они, несомненно, принесли бы жителям развивающихся стран больше пользы, чем все правительства Европы и Всемирная организация здравоохранения, вместе взятые.

Глава 5

Восхождение к вершине

«Я всей душой за свободу торговли, но...»

Богатые государства проводят жесткую протекционистскую политику в отношении развивающихся стран из-за энергичной лоббистской деятельности групп интересов. Впрочем, мало кто осмелится отстаивать эту политику в ходе публичных дискуссий, и неудивительно — стремление обогатиться за счет третьего мира вряд ли добавит популярности. Есть, однако, и другая, чуть видоизмененная версия протекционизма, которая считается намного более «презентабельной», — а именно идея об ограничении торговли различными условиями. «Мы всей душой за свободу торговли», — говорят ее сторонники и тут же добавляют ключевое слово «но»: «но не на любых условиях», «но ее правила необходимо изменить». Если кто-то начинает фразу со слов «я всей душой за свободу торговли, но...», следует насторожиться, поскольку «но» может оказаться таким серьезным, что окажется — он вовсе не сторонник свободной торговли.

Подобный прием часто используется в ходе дискуссий в тех странах, где идея свободной торговли воспринимается позитивно¹. Однако в некоторых государствах выражение «свободная торговля» стало чуть ли не ругательным. Попробуйте громко сказать на парижской улице о своей поддержке либерализации мировых рынков, и вам, возможно, придется улепетывать от разъяренной толпы. Некоторые из тех, кто скептически относится к глобализации, доходят даже до утверждений, что дискуссии вокруг этого явления не имеют никакого отношения к вопросу о «поддержке или неприятии

свободной торговли», поскольку за свободу торговли в той или иной форме выступают все. Однако правила подлинно свободной торговли, вместе с гарантиями прав собственности и свободы предпринимательства, призваны способствовать беспрепятственному обмену товарами и услугами: их ни в коем случае нельзя ставить на одну доску с правилами, запретами и квотами, ограничивающими такой обмен. Дискуссия вокруг глобализации по определению связана с отношением к свободе торговли: если вы выступаете за либерализацию правил товарообмена, вы — сторонник глобализации, если же вы их не поддерживаете, вы — ее противник.

Сегодня большое распространение получила протекционистская концепция о том, что необходимо запретить товарообмен со странами, где существуют особенно неблагоприятные условия труда, используется детский труд и не уделяется должного внимания защите окружающей среды. В противном случае, объясняют сторонники такой политики, указанные страны вытеснят наши фирмы с рынка за счет преимуществ, полученных за счет худших социальных условий («социального демпинга») или пренебрежения экологией («экодемпинга»). При подготовке торговых соглашений с бедными странами, утверждают они, необходимо обязательно оговаривать определенные стандарты в области экологии и условий труда и требовать от наших торговых партнеров их исполнения, если они хотят сохранить товарооборот с нами. К этому призывают не только профсоюзы и частные корпорации, но и общественные движения. Однако для развивающихся стран такая политика, по сути, равносильна традиционному протекционизму и воспринимается как неокOLONIALИСТСКОЕ стремление контролировать их экономический курс.

Скептицизм в отношении этой идеи, который в развивающихся странах испытывают очень многие, выразил министр торговли Египта Юсеф Бутрос Гали: «Возникает вопрос, почему вдруг, когда рабочие из третьего мира продемонстрировали высокую конкурентоспособность, развитые страны внезапно проявили беспокойство об их положении? ...Это выглядит подозрительно»².

Именно предложение президента Билла Клинтона о подобном «бойкоте» в отношении стран, не соответствующих определенным нормам, привело к тупику на встрече ВТО

в Сиэтле в конце 1999 года. Шведский министр торговли Лейф Пагротски назвал его «огромной ошибкой Клинтона», а представители развивающихся стран отказались вести переговоры в условиях подобных угроз.

Что бы ни думали вполне благополучные демонстранты и президенты из богатых стран, низкие зарплаты и плохие экологические условия в развивающихся государствах — не результат скаредности работодателей. Исключения, конечно, существуют, но в целом проблема связана с тем, что они просто не могут позволить себе платить рабочим больше и создавать для них лучшие условия, поскольку в слаборазвитых странах производительность труда крайне низка. Зарплаты повышаются параллельно со стоимостью рабочей силы по мере роста производительности труда, который достигается за счет увеличения инвестиций, развития инфраструктуры, образования, внедрения новой техники и улучшения организации работы. Если мы вынудим эти страны повысить зарплату до того, как производительность увеличится, фирмам и инвесторам придется «переплачивать» за рабочую силу, и они не смогут устоять в конкурентной борьбе с западными странами, где работники получают лучшую зарплату и производят больше продукции. В результате безработица в бедных странах резко увеличится. Экономист Пол Кругман назвал эту идею политикой улучшения условий труда в теории и безработицы на практике. Как поясняет посол Мексики в США Хесус Рейес-Эролес, «в бедных странах вроде нашей альтернативой низкооплачиваемой работе является не хорошо оплачиваемая работа, а ее отсутствие»³.

По сути, предъявляя развивающимся странам эти социальные и экологические требования, мы говорим: «Вы слишком бедны, чтобы торговать с нами, и мы не станем с вами торговать, пока вы не разбогатеете». Однако проблема заключается в том, что разбогатеть и приступить к постепенному повышению уровня жизни и улучшению социальных условий они могут только за счет развития торговли. Получается заколдованный круг: торговать с нами бедным странам нельзя, пока они не добьются более высоких стандартов в экологии и оплате труда, но достичь всего этого удастся, только если им разрешат с нами торговать. Ситуация напоминает мрачный парадокс из лексикона времен войны во Вьетнаме: «Чтобы спасти эту деревню, мы должны ее сжечь».

Представьте себе последствия подобной идеи, появившись она в конце XIX века. Тогда Британия и Франция заявили бы, что зарплаты в Швеции гораздо ниже, чем у них, что рабочие там трудятся по 13 часов в сутки с одним выходным и постоянно недоедают. Более того, на шведских ткацких, стеклодувных, спичечных и табачных фабриках в те времена широко применялся детский труд: в промышленности каждый двадцатый работник был моложе 14 лет. Как следовало поступить Британии и Франции? Отказаться торговать со Швецией и закрыть свои рынки для шведских зерновых, леса и железной руды? Выиграла бы от этого Швеция? Вряд ли. Напротив, страна лишилась бы экспортных доходов, развитие ее промышленности было бы подорвано. Уровень жизни в Швеции остался бы невыносимо низким, дети по-прежнему трудились на фабриках, а в неурожайные годы людям, возможно, и по сей день приходилось добавлять в хлеб кору деревьев. В действительности этого, к счастью, не произошло. Никто не ставил Швеции препон во внешней торговле, и она успешно развивалась; в стране прошла индустриализация, ее экономика пережила революционные изменения. Параллельно с экономическим ростом медленно, но верно решались и перечисленные выше проблемы. Зарплата повышалась, рабочий день сокращался, а дети по утрам отправлялись в школу, а не на завод.

Если сегодня в качестве условия торговли с развивающимися странами мы потребуем от них обеспечить в горнодобывающей промышленности такой же уровень техники безопасности, как на Западе, это будет означать, что мы предъявляем им требования, с которыми не сталкивались сами в период, когда аналогичные отрасли развивались в наших собственных странах. Только в результате общего повышения доходов нам удалось разработать соответствующие технологии и закупить оборудование, которое обеспечивает сегодня безопасность горняков. Если мы потребуем от развивающихся стран сделать то же самое прямо сейчас, когда это им еще не по карману, это сильно ударит по их промышленности. Если мы откажемся от импорта из развивающихся стран, потому что там не созданы хорошие условия для рабочих, это погубит их экспортные производства и тем, кто на них работает, придется трудоустраиваться на предприятиях, обслуживающих внутренний рынок, где зарплаты еще ниже, а условия труда еще хуже. От этого жизнь бедняков в третьем

мире никак не улучшится, зато наша собственная промышленность будет защищена. Подозреваю, что именно этим и руководствуются определенные группы в богатых странах, выступая за «социальные пункты».

По сути, сторонники включения в торговые соглашения «трудовых» и экологических стандартов пытаются лишить развивающиеся страны тех возможностей, которые в свое время имели богатые ныне государства. Те, кто искренне желает добра развивающимся странам, должны требовать другого — чтобы Запад оказал им помощь в решении этих проблем, поделившись своими технологиями и ноу-хау, а не устраивал торговые бойкоты. Вместо этого некоторые профсоюзные организации, например АФТ-КПО (Американская федерация труда — Конгресс промышленных организаций), пытаются не допустить передачи современных технологий странам третьего мира! Кроме того, уже существуют структуры, способные решать конкретные проблемы и помогать развивающимся странам в повышении социальных и экологических стандартов — например, Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП) и Международная организация труда (МОТ).

Как же в свете этого оценить требования о том, чтобы наши торговые партнеры соблюдали патентные права и права интеллектуальной собственности, что является условием допуска развивающихся стран к сотрудничеству в рамках ВТО? Почему мы должны заставлять их признавать патенты в течение двадцати лет, как это предусматривается Соглашением о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности (Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights, TRIPS), заключенным в рамках ВТО, не требуя при этом обеспечить хотя бы минимальный уровень социальных стандартов? Часто приводят простой аргумент: нарушение прав интеллектуальной собственности является препятствием для развития торговли. Большинство компаний не откажется вкладывать капиталы в страну из-за того, что она бедна или уровень зарплат там слишком низок, но они, скорее всего, будут обходить стороной те государства, где их коммерческие идеи могут украсть.

Патенты — важный инструмент: они закрепляют право творца на компенсацию за свое изобретение, а также стимулируют научные исследования и инновации в целом. Без защиты интеллектуальной собственности изобретателям из

развивающихся стран пришлось бы продавать открытия за рубеж, чтобы обеспечить свои права.

Все это вполне логичные аргументы, но они не представляются мне достаточно сильными, чтобы оправдать идею включения прав интеллектуальной собственности — как это происходит сегодня по соглашению TRIPS — в правила, регулирующие деятельность ВТО. В этой сфере тоже не следует вводить запреты на торговлю с кем бы то ни было, какую бы политику они ни проводили. Право американцев свободно торговать не должно нарушаться только из-за того, что другие страны проводят неверную политику, и правительство США не должно «наказывать» граждан этих стран за действия их властей, тем более что они и так страдают от последствий этих действий. Если экономическая политика какой-либо страны отпугивает инвесторов и не создает стимулов для инноваций, тем хуже для нее, — но это еще не повод запрещать нашим гражданам свободно торговать с ней. Именно торговля обеспечивает экономический рост, который в конце концов повысит благосостояние и техническое развитие стран третьего мира настолько, что защита прав интеллектуальной собственности приобретет жизненно важное значение для их экономики. Мы не должны использовать торговые барьеры как средство заставить развивающиеся страны проводить ту политику, которую считаем желательной. Вместо этого следует обеспечивать открытость наших собственных рынков и одновременно призывать другие страны к соблюдению патентных и авторских прав.

Детский труд

Но, может быть, из этого правила все же есть исключения? Возможно, в каких-то случаях отношение к работникам настолько ужасно, что это оправдывает запрет на торговлю со страной, практикующей подобные методы? Один из примеров, который чаще всего приводят в этой связи, — использование детского труда. Сегодня в мире около 250 миллионов детей в возрасте от пяти до четырнадцати лет заняты на производстве. Мысль о том, что столько людей лишены нормального детства, а во многих случаях — еще и здоровья и права на счастливую жизнь, у всякого нормального человека вызовет только ужас. Но помогут ли этим детям США и ЕС, запретив торговлю со странами, где это практикуется? Нет, конечно.

Чтобы показать всю абсурдность подобных предложений, достаточно привести один факт — подавляющее большинство детей занято в секторах, не имеющих никакого отношения к внешней торговле. Примерно 70% малолетних работников трудятся в сельском хозяйстве, и лишь 5% — от 10 до 15 миллионов — в экспортных производствах, где они в основном занимаются изготовлением футбольных мячей и спортивной обуви, шьют одежду и ткут ковры. По всем имеющимся данным, дети, занятые в экспортных отраслях, получают больше денег, чем их сверстники в других секторах, и с точки зрения безопасности условия труда там самые лучшие. Так что все другие варианты трудоустройства оказываются для них хуже.

В этом случае, как и во многих других, проблема состоит в том, что мы судим о странах третьего мира по нашим сегодняшним меркам материального благосостояния. Не забудем, что еще сотню лет назад детский труд широко применялся и на Западе. Такая практика существовала в любом обществе. Во Франции до начала индустриализации родителям даже предписывалось *в обязательном порядке* отправлять детей работать. В бедных странах дети вынуждены трудиться потому, что их заработок необходим семье для выживания, а не из-за жестокости родителей, так что мы не можем просто запретить этим странам использовать детский труд, и уж тем более не следует бойкотировать произведенные в них товары. Ведь в таком случае, пока материальное благосостояние общества не увеличится, детям придется заниматься еще более тяжким трудом, а в худшем варианте — становиться преступниками или проститутками. Так, в 1992 году, когда стало известно, что американская сеть магазинов Wal-Mart закупает в Бангладеш одежду, изготовленную детьми, Конгресс США пригрозил запретить импорт из стран, где используется детский труд. В результате текстильные предприятия Бангладеш уволили тысячи малолетних рабочих. Как показало исследование, проведенное международными организациями, этим детям пришлось взяться за более опасную и хуже оплачиваемую работу, а некоторые из них даже занялись проституцией⁴. Из-за аналогичного бойкота непальских ковров, по данным ЮНИСЕФ, более 5 тысяч девочек вынуждены были выйти на панель.

Шведская неправительственная организация «Спасите детей» (Rädda Barnen) — одна из структур, пытающихся

внести в дискуссию о детском труде хоть какую-то логику и здравый смысл: «В большинстве случаев мы выступаем против бойкотов, санкций и иных мер в области торговли, направленных против использования детского труда. Как показывает опыт, дети, лишившиеся работы в результате таких мер, рискуют оказаться в еще более трудном положении и занять еще более вредными для них видами деятельности».

Половина работающих детей занята неполный рабочий день; многие из них вынуждены трудиться, чтобы оплатить школьное обучение. Если из-за запретов и бойкотов они потеряют работу, их положение только ухудшится. Чтобы решать проблемы, необходимо определиться, с какими явлениями (например, детской проституцией и рабством) необходимо бороться всеми имеющимися средствами, а какие можно искоренить лишь за счет развития экономики и повышения жизненного уровня. Дадим опять слово шведской организации «Спасите детей»: «Общие заявления о том, плох или хорош детский труд, не приносят практической пользы... Считать все виды деятельности одинаково неприемлемыми — упрощенческий подход к сложной проблеме, мешающий сосредоточить усилия на борьбе с самыми жестокими формами эксплуатации детей»⁵.

В самой Швеции детский труд перестал использоваться не потому, что его запретили, а благодаря развитию экономики: благосостояние людей повысилось, и родители получили возможность давать детям образование — что в долгосрочной перспективе позволяло увеличить их будущие заработки. Кроме того, механизация производства сделала неквалифицированный ручной труд нерентабельным. Только после этого — а не наоборот — в Швеции был введен юридический запрет на использование детского труда. Тот же рецепт позволит и сегодня решить эту проблему в развивающихся странах. По данным МОТ, благодаря экономическому росту в азиатских странах число работников в возрасте 10–14 лет значительно сократилось. Пятьдесят лет назад в Индии дети составляли 35% всех работников, сегодня — 12%. Ожидается, что к 2010 году детский труд в странах Восточной и Юго-Восточной Азии будет полностью искоренен. В самых бедных развивающихся странах за последние сорок лет доля детей в общей численности рабочей силы сократилась с 32 до 19%, а в странах со средним уровнем доходов — с 28 до 7%⁶.

Каждый человек должен иметь доступ к образованию и получать от него отдачу. В свою очередь, образование должно давать человеку возможность получить более высокооплачиваемую работу. Только когда образование станет доступным и в перспективе выгодным, родители начнут отправлять своих детей не на завод, а в школу. Одного наличия системы всеобщего среднего образования мало — оно должно быть еще и качественным. Во многих странах школы просто ужасны, и с учениками там обращаются плохо — допускаются даже телесные наказания. Отчасти это связано с тем, что школы являются государственными учреждениями и уволить плохого учителя практически невозможно. Один из способов решения проблемы заключается в предоставлении родителям свободы выбора, возможно, за счет введения ваучеров на образование, как это сделано в Швеции, — тогда они, а не государство и учителя, будут контролировать ситуацию в школах.

Вопрос о том, целесообразно ли вводить временные торговые санкции против страны, чтобы способствовать падению особо жестокого диктаторского режима, практикующего, к примеру, апартеид или рабовладение, акты агрессии или массовые убийства гражданских лиц, всегда носит дискуссионный характер. Но при любых обстоятельствах следует учитывать, что от санкций, вероятно, пострадает население данной страны, а в случае их продолжительного действия позиции правящего режима могут даже укрепиться. Дело в том, что развитие торговли в принципе затрудняет централизацию власти, поскольку ведет к расширению международных контактов и формированию центров влияния за пределами госаппарата. В некоторых случаях санкции против диктаторского режима, пожалуй, могут дать результат — но только если в них участвует все мировое сообщество. Особенно полезным инструментом в борьбе с диктаторами являются символические санкции вроде замораживания дипломатических контактов или бойкота спортивных мероприятий — ведь они, в отличие от приостановки торговых отношений, не затрагивают население страны. Однако важно не смешивать санкции такого рода с мерами, применяемыми против страны только из-за ее бедности.

Наиболее целесообразный путь — не ломать самый эффективный инструмент решения проблем, то есть развитие торговли, а оказывать давление в других сферах, в частности в рамках политических форумов. Наши политики и организа-

ции должны постоянно критиковать те страны, где нарушаются права человека, действует цензура, подвергаются преследованиям инакомыслящие и запрещаются общественные организации — например, профсоюзы. Стремление дать народам всех стран возможность развиваться за счет свободной торговли не означает благожелательного отношения к их правительствам. Западные политики, «обхаживающие» диктаторские режимы, чтобы обеспечить своим экспортным компаниям доступ на рынки, по сути, придают легитимность их репрессивной политике. Если какое-либо правительство проводит антидемократическую политику, это ни в коем случае нельзя обходить молчанием. Как говорил Мартин Лютер Кинг, «несправедливость где-либо угрожает справедливости везде».

«А сами-то мы не пострадаем?»

«Что ж, — скажут некоторые критики глобализации, — допустим, для развивающихся стран торговля с нами полезна, но нам самим торговать с бедными государствами невыгодно!» Если в этих странах платят низкие зарплаты, не заботятся об окружающей среде и устанавливают чересчур длинный рабочий день, нам, чтобы конкурировать с их дешевой продукцией, придется сокращать зарплаты наших рабочих и снижать экологические стандарты. Мы будем вынуждены трудиться больше и интенсивнее, чтобы не проиграть в этой борьбе. Фирмы и капиталы быстро перемещаются в те страны, где зарплаты самые низкие, а условия труда — самые худшие. Это будет не «восхождение к вершине», а гонка вниз по наклонной плоскости. Победа — инвестиции и экспортные доходы — в этом случае достанется тем, у кого социальные стандарты самые низкие.

В теории все выглядит вроде логично. Вот только с реальностью эти аргументы не имеют ничего общего. В последние десятилетия мир не только не столкнулся с ухудшением условий труда и снижением зарплат — происходит нечто прямо противоположное. И причина этого проста. Потребители не стремятся купить товары, произведенные именно низкооплачиваемыми рабочими: их интересует не страна изготовления, а качество и дешевизна. В развивающихся странах рабочим платят меньше из-за того, что там ниже производительность труда — то есть на одного работника приходится меньше изготовленной продукции.

Если зарплаты растут параллельно производительности труда, это нормально, и в этом случае у потребителей не будет причин гоняться за товаром, который изготовили низкооплачиваемые работники. Еще тридцать лет назад средняя зарплата в Японии была в 10 раз ниже, чем в США, а сегодня она уже превысила американский уровень. Но от этого японские товары не утратили конкурентоспособности, потому что производительность труда в стране росла теми же темпами. Что же касается корпораций, то и для них дешевизна рабочей силы не главное, — иначе центром мировой промышленности, вероятно, стала бы Нигерия. Их интересует другое — максимальный доход от вложенного капитала. В бедных странах оплата труда ниже, поскольку фирмы там получают относительно меньшую «отдачу» на одного работника — это связано с низкой квалификацией рабочей силы и использованием менее эффективного оборудования. По мере роста инвестиций, повышения качества образования и жизненного уровня в развивающихся странах зарплата также будет увеличиваться. Поэтому результатом станет прогресс в третьем мире, а не регресс в развитых странах. Именно об этом говорят имеющиеся данные. В 1960 году среднестатистический рабочий в третьем мире получал в 10 раз меньше американского, а сегодня — всего в три раза меньше, причем уровень оплаты труда в США постоянно растет. Если бы конкуренция приводила к снижению жалования в развитых странах, сокращалась бы и доля национального дохода, уходящая на зарплату, но ничего подобного не происходит⁷.

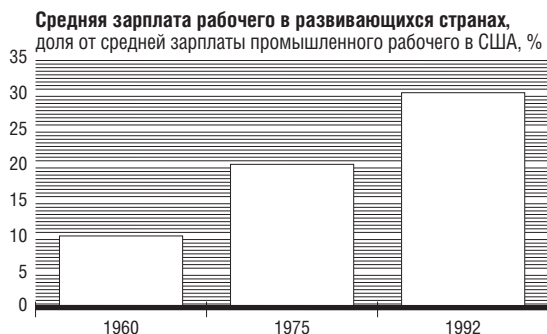
Один из кандидатов в президенты США — популист Росс Перо — в свое время приводил немало изощренных аргументов против Североамериканского соглашения о свободной торговле между США, Мексикой и Канадой. Запомнилась, в частности, фраза, что в случае его вступления в силу Мексика, как гигантский пылесос, начнет засасывать американские рабочие места. На самом же деле с 1995 года, когда это соглашение начало действовать, количество рабочих мест в США увеличилось на 10 миллионов. По уровню оплаты труда Соединенные Штаты стоят на первом месте в мире. Если бы американские бизнесмены думали только о том, как заплатить работникам поменьше, они в массовом порядке перенесли бы свои фирмы в Африку. Тем не менее сегодня 80% американских зарубежных инвестиций приходится на долю других стран с высокооплачиваемым населением, например Велико-

британии, Канады, Нидерландов и Германии, где социальные стандарты и надзор за их соблюдением не ниже, а то и выше, чем в США. Бизнес привлекают в первую очередь социально-политическая стабильность, соблюдение законов, гарантии прав собственности, свобода на рынках, развитая инфраструктура и квалифицированная рабочая сила. Ситуация, когда страны конкурируют друг с другом, чтобы максимально обеспечить все эти условия, называется не гонкой по наклонной плоскости, а именно восхождением к вершине.

Существует распространенное мнение о том, что нам, американцам и европейцам, приходится трудиться все интенсивнее и проводить на работе все больше времени, чтобы не проиграть конкурентам из третьего мира и даже машинам, которые становятся все эффективнее. Действительно, некоторые работают слишком много, не заботясь о своем здоровье, и немало людей считают, что работодатели постоянно требуют от них повышения темпов и качества. Но это никак не связано с конкуренцией со стороны третьего мира. В прошлом рабочий день у бедняков неизменно был гораздо дольше, чем у высокооплачиваемых работников. Однако сегодня исследователи из Бюро трудовой статистики выявили противоположную тенденцию: в США люди с высоким уровнем доходов в среднем посвящают работе на несколько часов в день больше, чем низкооплачиваемые рабочие⁸.

В целом по мере роста благосостояния мы в среднем проводим за работой все меньше времени — поскольку при

Рисунок 24. Рост зарплат в третьем мире

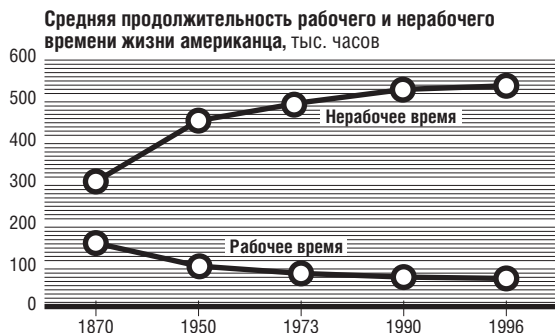

Источник: Burtless G., Lawrence R. Z., Litan R. E., Shapiro R. *Globaphobia: Confronting Fears about Open Trade*. Washington: Brookings Institution, 1998.

желании можем работать меньше за ту же зарплату. По сравнению с поколением наших отцов мы приходим на работу позже, уходим домой раньше, у нас увеличились обеденные перерывы и отпуска, да и нерабочих праздничных дней в году стало больше. В Соединенных Штатах рабочий день сегодня вдвое короче, чем сто лет назад, и даже по сравнению с 1973 годом его продолжительность уменьшилась на 10% — в год это составляет 23 дня. Совокупный объем свободного времени (не считая времени на сон) у среднестатистического американского рабочего по сравнению с 1973 годом вырос на пять лет. Это связано и с тем, что возраст начала трудовой деятельности увеличился, а возраст выхода на пенсию, напротив, снизился; выросла и средняя продолжительность жизни. По состоянию на 1870 год у среднего западного рабочего, если взять всю его жизнь от рождения до смерти, на каждый час, проведенный за работой, приходилось два часа нерабочего времени (включая сон). К 1950 году это соотношение составляло уже один к четырем, а на сегодняшний день — один к восьми. Экономическое развитие — отчасти благодаря торговле и специализации — позволяет нам существенно сокращать рабочее время и при этом повышать свое материальное благосостояние. Никогда еще в истории мы не тратили так мало времени, чтобы заработать на жизнь.

Тем не менее граждане богатых западных стран сегодня жалуются на стресс, и в этом нет ничего удивительного.

Рисунок 25. За свою жизнь американцы посвящают работе все меньше времени

Источник: Cox M. W., Alm R. Myths of Rich and Poor: Why We're Better Off Than We Think. New York: Basic Books, 1999. Ch. 3.

Отчасти это обусловлено весьма позитивным явлением — открывающиеся перед нами возможности выбора неизмеримо возросли. В доиндустриальную эпоху люди проводили всю свою жизнь в том же месте, где родились, и от рождения до смерти встречались, возможно, с сотней людей, поэтому у них не возникало ощущения, что им не хватает времени, чтобы выполнить все свои желания. Немалая часть нерабочего времени тогда тратилась на сон. Сегодня мы путешествуем по всему миру, читаем газеты, смотрим фильмы из разных стран и каждый день встречаемся с сотней людей. Раньше люди с нетерпением ждали почтальона, чтобы получить какое-то известие. Теперь почта сама ждет нас прямо в наших компьютерах. В нашем распоряжении мощнейшая индустрия развлечений, позволяющая развеять скуку тысячью разных способов. Потому-то у многих и возникает ощущение, что на все им не хватает времени. Назовем вещи своими именами: по сравнению с проблемами, которые возникали у людей в прошлом, или с теми, что сегодня стоят перед большинством граждан развивающихся стран, подобные переживания — просто роскошь, которую мы можем себе позволить.

Проблемы стресса и работы на износ вполне реальны, но во многом это просто новые названия для давно существующих явлений. Все больше людей заявляют о переутомлении, но при этом заболевания шейных позвонков и умственные расстройства встречаются все реже. Этот вопрос, как и другие, следует рассматривать в перспективе.

Рисунок 26. Рабочий день постоянно сокращается

Источник: Cox M. W., Alm R. Myths of Rich and Poor: Why We're Better Off Than We Think. New York: Basic Books, 1999. Ch. 3.

Каждое поколение в любой стране считает свои проблемы самыми серьезными. Часто это связано с простым незнанием или склонностью людей идеализировать прошлое. Вероятно, чрезмерное увлечение работой, побуждающее вас делать больше, чем необходимо, может нанести вред здоровью, но разве проблема, связанная с тем, что немало людей просто не любят свою работу, менее серьезна? Не следует забывать, многие сегодня вынуждены заниматься тем, что им не интересно и не дает возможности духовного развития.

В спорах о том, что капитализм побуждает людей работать на износ, следует учитывать одно важнейшее соображение — в состоянии ли человек сам определять свою судьбу и какой строй дает ему больше возможностей в этом плане. Конечно, когда работники трудятся слишком много, а работодатели предъявляют им завышенные требования или не понимают, что можно, а чего нельзя ожидать от работника, возникают проблемы. Но капитализм позволяет человеку самостоятельно определять свои приоритеты. Если вы думаете, что работаете слишком много, никто не помешает вам чуть-чуть «отпустить повод», а если необходимо потребовать от работодателя лучших условий труда — для этого существуют профсоюзы, да и у самого работодателя есть все возможности объективно оценить ситуацию на своем предприятии. Каждый, кто считает, что работа не дает ему расслабиться ни днем, ни ночью, может просто не просматривать электронную почту по выходным — да и поставить телефон на автоответчик закон не запрещает.

Большой бизнес — не значит плохой бизнес

По мнению антиглобалистов, «скатываться вниз по наклонной плоскости» нас заставляют транснациональные корпорации. Они перемещают производства в развивающиеся страны, наживаясь за счет того, что люди там бедные, а исполнение законов строгостью не отличается, и в собственных эгоистических интересах заставляют другие государства проводить менее ограничительную экономическую политику. В рамках этого мировоззрения тарифы и барьеры на пути иностранных инвестиций превращаются в «оружие самообороны», призванное защитить людей от могущественных и безжалостных предпринимателей, стремящихся разбогатеть за наш с вами счет. Альтернативой предстает мировая им-

перия, управляемая гигантскими транснациональными компаниями, которым глубоко безразличны мнения и желания простых людей. Постоянно, как зловещее заклинание, повторяется, что в сотне самых мощных экономических субъектов на планете только 49 составляют государства, а остальные 51 — корпоративные гиганты. Проблема, однако, заключается не в быстрых темпах роста корпораций, а в том, что этого не происходит в экономике многих государств. Ничего страшного в большом размере корпораций нет — так им легче получить экономию от масштаба, — если, конечно, они действуют в условиях конкуренции, которая не позволяет им навязывать потребителям менее качественные и более дорогие изделия, чем продукция других фирм. Опасаться надо не величины корпораций, а их превращения в монополистов.

Часто слышишь, что свобода торговли делает «большой бизнес» еще могущественнее. Но в либеральном обществе у предпринимателей нет возможности кого-либо к чему-либо принуждать. Такие права закреплены за государством, которое, в случае необходимости, может задействовать для этого полицию. «Могущество» корпораций, побуждающее людей работать на них и платить за их продукцию, основано лишь на их способности предложить то, в чем эти люди нуждаются: рабочие места или товары. Даже если вы вынуждены работать только ради того, чтобы добыть средства к существованию, работодатель ни к чему вас не принуждает и нисколько не ухудшает ваше положение. Напротив, он предлагает вам хоть какой-то выход из незавидного положения. Конечно, корпорации порой создают людям большие проблемы — например, когда переносят свою деятельность из небольшого городка в другое место. Но и в этом случае негативные последствия наступают только потому, что в свое время корпорации дали местным жителям определенные блага, а теперь лишают их этих преимуществ. Однако, если бы бизнесмены знали, что их «привяжут» к определенному месту, независимо от изменений прибыльности их операций, они, скорее всего, вообще не открыли бы в этом месте предприятие или офис.

В эпоху глобализации и свободной торговли «большой бизнес» отнюдь не становится могущественнее. Напротив, в условиях диктатуры и государственного контроля над экономикой он пользовался — и пользуется — намного большим влиянием. В таких странах главы крупных могущественных

корпораций без труда используют госаппарат в своих целях — достаточно завязать контакты с правящей верхушкой. Один звонок кому-то из руководства страны — и они получают субсидии, монопольные права или защищают свой бизнес от конкурентов заградительными тарифами. Свободная торговля вынуждает корпорации подчиняться правилам конкуренции. В конце концов потребители стали свободнее в своем выборе и теперь могут приобретать товары из любой страны мира, отказываясь от продукции фирм, оказавшихся не на высоте.

Все эти истории из прошлого о том, как корпорации превращали целые регионы в собственные вотчины, относятся к тем случаям, когда конкуренция отсутствовала. Люди, живущие в изоляции от внешнего мира — в маленькой деревушке или стране, закрывшей собственные границы, — зависят от местных предприятий и вынуждены покупать их продукцию по ими же назначенной цене; в результате небольшая группа производителей обогащается за счет потребителей. Порой капитализм упрекают в том, что он породил монополии и тресты — гигантские предпринимательские объединения, процветающие не из-за того, что работают лучше всех, а благодаря своей величине и способности душить конкурентов. Но их появлением мы обязаны не капитализму. Напротив, свобода торговли и конкуренция гарантируют: если господствующая на рынке фирма делает что-то не так, ее место тут же займут конкуренты. Достаточно красноречив уже тот факт, что первые монополии в конце XIX века возникли не в Британии, проводившей самую либеральную экономическую политику, а в США и Германии, где индустриализация началась позже и власти защищали отечественных производителей таможенными тарифами. Европейские монополии в производстве сахара сохранились только потому, что их защищают импортные тарифы на сахар в рамках ЕС, — и результат налицо: пакет сахарного песка стоит здесь в два-три раза дороже, чем в других регионах мира.

Сами капиталисты редко бывают ярыми сторонниками капитализма: зачастую именно они больше всех заинтересованы в юридическом закреплении своих монопольных позиций и получении эксклюзивных привилегий. Лишить их этих привилегий или вынудить за наши деньги предоставлять нам самые качественные товары и услуги позволяют рыночная экономика и свобода торговли. Свободная торговля открывает

предприятиям доступ к более широкому кругу потребителей, но не дает им никаких привилегий или возможностей кого-либо к чему-то принуждать. Свобода, которой пользуется бизнес в условиях рыночной экономики, — это свобода официанта, предлагающего меню посетителю ресторана. Та же свобода заставляет других официантов — даже иностранцев — вприпрыжку бежать к посетителю с собственными вариантами меню. Если кто-то здесь оказывается в роли проигравшего — так это тот официант, который раньше обладал монополией.

Призывы многих критиков рыночной экономики — к тому, чтобы фирмы меньше заботились о прибыли, чтобы рынки больше регулировались, чтобы реструктуризация экономики носила более упорядоченный характер и др., — наглядно воплотились в жизнь в посткоммунистической России, где в ходе приватизации государственные предприятия фактически раздавались за бесценок, а не выставлялись на открытые аукционы. Во многих случаях подобная «распродажа» обернулась тем, что предприятия доставались их менеджерам и служащим совершенно бесплатно, — им не приходилось добывать для покупки средства, а затем возвращать их за счет прибыли, полученной в результате модернизации производства. Но это требует радикальной реструктуризации предприятий и массовых увольнений — что, естественно, невыгодно тем, кто на них работает, поэтому не происходит ни модернизации в частном секторе, ни соответствующего ускорения темпов роста. Вместо обеспечения прибыльности многие собственники просто используют корпоративные средства для своих личных нужд. Немалая часть бывших государственных активов досталась людям, имевшим связи во властных структурах. В отличие от людей, которые вкладывают в приобретение предприятий собственные средства, этих владельцев волновало не их развитие ради будущих прибылей, а укрепление собственного влияния и захват активов. Кроме того, иностранцам трудно конкурировать с подобными «традиционными» предприятиями, поскольку в России экономика окружена частоколом тарифов, лицензий, произвольных норм регулирования, правовые гарантии слабы, а коррупция процветает. После первоначального периода либерализации в 1992 году развитие России пошло в противоположном направлении. Парадоксальным образом отсутствие свободы в сфере бизнеса в целом дает максимальную

свободу рук горстке крупных компаний, пользующихся покровительством российских властей⁹.

Никто не заставляет людей покупать новые виды продукции. Если им удастся завоевать свою нишу на рынке, то только потому, что они нравятся людям. Даже самые крупные корпорации зависят от настроения потребителей: если перестанут думать о тех, кого обслуживают, — их ждет банкротство. Не случайно такая мегакорпорация, как Coca-Cola, варьирует рецепты своих напитков, реализуемых в разных странах, в соответствии со вкусами местного населения. И McDonald's тоже не по собственному капризу предлагает индийцам гамбургеры из баранины, японцам — гамбургеры терияки, а норвежцам — гамбургеры из лосося. Медиумагнату Руперту Мэрдоку так и не удалось реализовать свой план по созданию «паназиатского» телеканала: вместо этого ему приходится приспосабливать передачи своих каналов к вкусам зрителей каждой из азиатских стран.

В условиях свободной конкуренции корпорации растут и увеличивают объем продаж только в том случае, если работают эффективнее других, а прорваться на зарубежные рынки им позволяет лишь более высокая производительность по сравнению с местными конкурентами. Фирмы, которым не удастся повысить эффективность в короткие сроки, разоряются или переходят в руки новых владельцев, способных целесообразнее распорядиться их капиталами, зданиями, оборудованием и рабочей силой. Капитализм беспощаден — по отношению к компаниям, предлагающим устаревшие, некачественные или чересчур дорогие товары и услуги. Опасения по поводу того, что существующие корпорации будут постоянно расти и в конце концов обретут такую мощь, что перестанут зависеть от рыночных механизмов, абсолютно необоснованны. Опыт одной из самых «капиталистических» стран мира — Соединенных Штатов — говорит об обратном. Начиная с 1930-х годов критики рыночной экономики постоянно твердят, что Америке угрожает гегемония крупных корпораций. На самом деле доля 25 крупнейших компаний на рынке США постоянно сокращается.

Критики глобализации спрашивают: почему корпорации сегодня стали мощнее целых государств? Этот вопрос, естественно, подкрепляется той самой сакраментальной цифрой, сопровождающей все споры относительно глобализа-

ции: 51 из 100 крупнейших экономических субъектов мира — это корпорации. Впрочем, этот аргумент во многом теряет убедительность, если указать, что данная статистика основывается на некорректной методике подсчета и впечатляющая цифра 51 просто не соответствует действительности. Экономический «вес» корпораций в данном случае определялся исходя из *объема их продаж*, а «вес» государств — из совокупного объема производства, или ВВП, но эти показатели несопоставимы по определению. Объем ВВП учитывает лишь *добавленную* стоимость продукции, возникающую в ходе ее производства в экономике данной страны, а объем продаж — ее общую стоимость, независимо от происхождения. Например, фирма, продающая дом, не создала его из воздуха. Чтобы получить конечный продукт, она воспользовалась услугами целого ряда других структур, а также закупила стройматериалы и оборудование. Если при определении объема продаж фирмы эти закупки и издержки не вычитаются из общей суммы, то цифра неизбежно получается завышенной. При учете только тех средств, которые сама фирма добавила к стоимости продукции, итоговая цифра составит около 25–35% объема продаж, и тогда окажется, что в сотне крупнейших экономических субъектов мира числится лишь 37 корпораций. К тому же почти все они располагаются во второй половине списка: в первую вошли лишь 2 компании. Общее впечатление о том, что корпорации в экономическом отношении превосходят государства, сразу же исчезнет, если указать, что даже такая небольшая страна, как Швеция, более чем в 2 раза превосходит по экономическому «весу» крупнейшую фирму мира — Wal-Mart. Франция превосходит ее в 15 раз, а США — в 100. Практически все промышленно развитые страны оказываются в списке впереди крупных корпораций. Совокупный «объем ВВП» пятидесяти крупнейших компаний мира составляет лишь 4,5% от совокупного объема ВВП пятидесяти наиболее развитых в экономическом отношении государств¹⁰.

Конечно, в абсолютных величинах корпорации за последние два десятилетия выросли, но росла и мировая экономика — причем опережающими темпами. Статистические данные совсем не свидетельствуют о том, что фирмы стали больше и могущественнее целых государств. Наоборот, по сравнению со странами Северной Америки и Восточной Азии — то есть тех регионов, где произошла либерализа-

ция рынков и обеспечивается свобода конкуренции, — «удельный вес» корпораций даже снизился. В то же время страны, закрывшие свои рынки и не привлекающие инвестиции — в частности, большинство африканских государств, — наоборот, проигрывают в этом отношении. Таким образом, корпорации становятся крупнее и мощнее отдельных государств не из-за развития торговли и роста инвестиций, а из-за их ограничения.

Благодаря либерализации и повышению эффективности финансовых рынков предприниматели, предлагающие перспективные идеи, получают беспрепятственный доступ к инвестиционному капиталу, а значит, малому бизнесу становится легче конкурировать с крупными корпорациями. Улучшает его позиции и развитие информационных технологий. Если в 1980 году 16% всех работников в США трудилось на пятистах крупнейших американских фирмах, то к 1993 году эта доля сократилась до 11,3%. Даже если мы воспользуемся сомнительной методикой критиков глобализации и определим удельный вес этих пятисот крупнейших фирм, сравнивая их объем продаж с объемом ВВП США, результат опровергнет распространенный миф, поскольку за те же тринадцать лет данный показатель радикально снизился — с 59,3 до 36,1%, или почти в два раза. Средняя численность персонала одной американской фирмы за тот же период уменьшилась с 16,5 до 14,8, а доля трудоспособного населения, работающего в компаниях, где больше 250 сотрудников, сократилась с 37 до 29%¹¹.

Таким образом, по большинству показателей в условиях свободного рынка позиции крупных корпораций слабеют, а более гибкие малые и средние фирмы завоевывают все большую долю рынка. Сегодня половину фирм, действующих на международных рынках, составляют предприятия с числом сотрудников менее 250. Многие крупные корпорации вытесняются конкурентами. Треть компаний, входивших в 1980 году в список пятисот крупнейших фирм США, к 1990 году уже перестала существовать, а через пять лет та же судьба постигла еще 40%. В некоторых производствах, требующих больших капиталовложений, например, в фармацевтической промышленности, автомобилестроении и авиакосмической отрасли, размер действительно имеет значение — это связано с большими расходами на разработку новых изделий. Однако слияния крупных корпораций,

действующих в этих отраслях, свидетельствуют не о росте их влияния на потребителей, а о том, что для них это единственный способ уцелеть. Конечно, логотипы крупнейших брендов попадаются на глаза на каждом шагу, но, ворча по этому поводу, мы забываем, что их список постоянно пополняется новыми, а некоторые из старых безвозвратно уходят в прошлое. Кто сегодня вспомнит, что еще несколько лет назад Nokia была небольшой финской компанией, производившей автопокрышки и резиновые сапоги?

Компании, создающие филиалы в других странах, никогда бы не утвердились на местном рынке, если бы с ними никто не желал иметь дело и они не предлагали работникам хорошие условия найма. Когда компания превосходит другие по производительности труда, это означает, что выпускаемая продукция обходится ей дешевле. Естественно, такая фирма больше ценит своих работников, которые обеспечивают ей это преимущество, и может позволить себе платить им более высокую зарплату и создавать лучшие условия труда. Это становится абсолютно очевидным, если сравнить положение работников на принадлежащих американцам предприятиях и фирмах в развивающихся странах со средними показателями по тем же самым государствам. Критики справедливо отмечают, что работники в странах третьего мира находятся в значительно худших условиях по сравнению с нами, жителями богатых государств, но это сравнение некорректно, по-

Рисунок 27. Преобладание крупных корпораций сходит на нет

Источник: *Edwards S. Openness, Productivity and Growth. NBEP Working Paper 5978. Cambridge, Mass.: National Bureau of Economic Research, 1997.*

тому что производительность труда наших рабочих гораздо выше. Более интересный результат, позволяющий судить о том, что приносят иностранные фирмы развивающимся странам — пользу или вред, дает сравнение положения сотрудников этих фирм и других работников в данной стране. В беднейших развивающихся странах зарплата работников филиалов американских компаний превышает средний уровень оплаты труда в восемь раз! В странах со средним уровнем доходов американские работодатели платят своим сотрудникам в три раза больше, чем средняя зарплата в экономике. Даже по сравнению с наиболее современными местными компаниями в таких странах транснациональные корпорации платят работникам на 30% больше. В самых слаборазвитых государствах иностранные фирмы платят сотрудникам в среднем вдвое больше, чем местные предприятия аналогичного профиля. Марксисты утверждают, что транснациональные корпорации эксплуатируют рабочих из бедных стран, но если «эксплуатация» означает намного большую зарплату, может быть, это не самый худший вариант?

Такое же значительное различие наблюдается и при сравнении условий труда. По данным МОТ, именно транснациональные корпорации, особенно специализирующиеся на изготовлении обуви и одежды, способствуют внедрению техники безопасности и улучшению условий труда в развивающихся странах. Так, антиглобалисты давно уже ругают фирму Nike за низкие стандарты в этой области на предприятиях-поставщиках из третьего мира. На самом же деле Nike — одна из компаний, обеспечивающих своим работникам наилучшие условия, — не из чистой филантропии, конечно, а потому, что в результате увеличивается ее прибыль. Поэтому Nike требует повышения соответствующих стандартов и от своих подрядчиков, и фирмам из развивающихся стран приходится эти требования выполнять.

Чжоу Литай — один из ведущих специалистов по трудовому праву в Китае — указывает, что движущей силой улучшения условий труда в его стране являются западные потребители, поскольку они требуют от Nike, Reebok и других компаний повышения соответствующих стандартов. «Если Nike и Reebok покинут наш рынок, — отмечает Чжоу, — подобное давление сойдет на нет. Это совершенно очевидно»¹².

Приучая рабочих к более высоким зарплатам, более светлым и чистым производственным помещениям, оснащенным безопасным оборудованием, международные корпорации способствуют общему повышению стандартов в этой области. Местным фирмам также приходится улучшать условия труда, иначе никто не захочет у них работать. Нагляднее всего об этом свидетельствует рост средней зарплаты в третьем мире: как мы видели, за последние сорок лет она повысилась с 10 до 30% от американского уровня.

Фирма Nike позаботилась и о том, чтобы обеспечить доступ независимых инспекторов на предприятия ее субподрядчиков. Регулярное интервьюирование работников (на условиях анонимности) представителями Всемирного союза защиты рабочих и их семей, естественно, выявляет и жалобы, но прежде всего интервьюируемые довольны тем, что вообще получили работу, и считают эту работу хорошей. К примеру, 70% работников индонезийских фабрик Nike приехали издалека, чтобы получить работу на этой фирме. Три четверти опрошенных довольны отношениями с начальством и считают, что у них есть возможность высказывать свои идеи и предложения. Для сравнения: примерно такая же доля сотрудников центрального аппарата шведского правительства полагают, что могут свободно довести до руководства свою точку зрения: это дает некоторое представление о преобладающей тенденции, хотя, конечно, между этими примерами нельзя ставить знак равенства. На вьетнамских фабриках Nike 85% рабочих хотели бы проработать еще как минимум три года и столько же считают условия труда и оборудование безопасными для здоровья. На тайландских фабриках лишь 3% опрошенных заявили, что у них плохие отношения с начальством, а 72% довольны своей зарплатой. Особенно рабочие ценят то, что компания предоставляет им бесплатные лекарства, медицинскую помощь, спецодежду, питание и транспорт.

Линда Лим из Мичиганского университета стала одним из немногих западных участников дискуссий о глобализации, побывавших на предприятиях азиатских субподрядчиков фирмы Nike, чтобы на месте увидеть существующие условия. Она выяснила, что во Вьетнаме, где минимальная зарплата составляет 134 доллара в год, рабочие Nike получают 670 долларов. В Индонезии, где минимальная зарплата

равняется 241 доллару, подрядчики Nike платят своему персоналу 720 долларов¹³. Считаю необходимым напомнить, что эти условия следует сравнивать не с ситуацией в богатых странах, а с реальным положением дел в третьем мире. Если Nike откажется от контактов с азиатскими субподрядчиками из-за бойкотов и тарифных барьеров со стороны Запада, эти предприятия просто закроются, и их персонал пополнит ряды безработных или вынужден будет устроиться в сельском хозяйстве и промышленности, обслуживающей местный рынок, где условия труда опаснее, а зарплаты ниже и выплачиваются менее регулярно.

Во многих развивающихся странах существуют так называемые свободные экономические зоны (их еще называют особыми экспортными зонами), предназначенные в основном для предприятий, работающих на экспорт. В этих зонах действует льготный режим налогообложения и торговли. Антиглобалисты называют свободные экономические зоны центрами рабского труда с невыносимыми условиями для рабочих. Действительно, там бывают злоупотребления, порочающие скандальную известность: их необходимо искоренять самыми решительными мерами. В основном подобное происходит в бедных странах, где властвуют диктаторские режимы, — то есть в таких государствах, где свобода не только не «зашла слишком далеко», но даже не укоренилась вообще. В своей книге «No Logo: люди против брендов», которая быстро стала популярной в кругах противников капитализма, активистка антиглобалистского движения Наоми Кляйн из Канады утверждает, что в этих зонах западные компании создают для своих рабочих невыносимые условия. Но никаких доказательств она не приводит — лишь слухи о ситуации в одной особой экспортной зоне на Филиппинах, куда Кляйн, по ее собственному признанию, отправилась именно потому, что эта зона считается одной из самых худших. Эксперты ОЭСР, рассмотрев общую ситуацию в свободных экономических зонах, пришли к выводу, что на этих территориях у бедных людей больше возможностей получить работу, а зарплата выше, чем в целом по стране. В подавляющем большинстве из более чем тысячи таких небольших зон действует общенациональное трудовое законодательство. Кроме того, власти все большего количества свободных зон осознают, что одна лишь дешевизна рабочей силы не обеспечивает необходи-

мых предпосылок для высокой конкурентоспособности, и создают стимулы к тому, чтобы фирмы вкладывали деньги в свой персонал и повышали его образовательный уровень. В том же исследовании ОЭСР отмечается, что предоставление работникам фундаментальных свобод (запрет рабского труда и злоупотреблений, право вести переговоры с работодателем и объединяться в профсоюзы) в целом способствует притоку инвестиций и экономическому росту¹⁴.

Благодаря своим размерам транснациональные корпорации имеют возможность финансировать научные исследования и долгосрочные проекты. По данным ОЭСР, они реинвестируют в странах, где ведут свою деятельность, около 90% своей прибыли. Действуя в целом ряде государств одновременно, транснациональные корпорации служат каналами передачи передового опыта, более эффективной организации производства и новых технологий. Выступать против таких фирм — значит выступать против более высоких зарплат, снижения цен и роста благосостояния. Именно транснациональные корпорации возглавляют «восхождение к вершине» в мировом масштабе. Причем они играют позитивную роль не только в развивающихся странах. Так, в Соединенных Штатах зарплата в иностранных компаниях в среднем на 6% выше, чем в местных, и численность занятых в них растет в два раза быстрее. На долю иностранных фирм в США приходится 12% всех расходов на НИОКР, а в Великобритании этот показатель достигает 40%¹⁵.

Это, конечно, не означает, что все фирмы ведут себя должным образом — они, подобно людям, не идеальны. Среди бизнесменов, как и среди политиков, попадаются разбойники. Есть много случаев, когда компании плохо относятся к своим сотрудникам, населению, живущему вблизи их предприятий, и наносят вред окружающей среде. Кроме того, немало фирм, особенно среди специализирующихся на добыче сырья, «мирно сосуществуют» с режимами стран, где они действуют, — даже диктаторскими и репрессивными. В противном случае им, возможно, вообще не позволили бы вести там бизнес. Однако неподобающие поступки некоторых компаний — еще не повод, чтобы не пускать все крупные корпорации в страну и запрещать им вкладывать капиталы в ее экономику: мы же не ликвидируем полицию из-за того, что некоторые ее сотрудники совершают жестокие поступки,

и не депортируем всех иммигрантов, если среди них попадают преступники. Вместо этого следует привлекать к суду фирмы, нарушающие закон, а в отношении использующих неподобающие методы — применять такое оружие, как бойкот и публичная критика.

Самые серьезные проблемы обычно возникают в тех государствах, которые допускают или даже поощряют безответственное поведение частных компаний. Между государством и частным сектором должна существовать четкая граница. Дело властей — внедрить обязательные для всех корпораций нормы регулирования производственной и коммерческой деятельности. Если компании подчиняются негодным правилам регулирования, следует усовершенствовать соответствующее законодательство, а фирмы, занимающие «соглашательскую» позицию, подвергнуть критике, но не создавать препоны для бизнеса в целом. Решение проблемы — в демократизации государства и разработке справедливых законов, основанных на принципе «ваша свобода кончается там, где начинается свобода другого».

Присутствие транснациональных корпораций в странах с репрессивными режимами часто даже способствует процессу демократизации, поскольку такие фирмы крайне восприимчивы к давлению со стороны западных потребителей — ведь недовольство последних сразу отражается на объемах продаж. Влиять на внутрисполитические процессы в Нигерии куда легче путем бойкота компании Shell, чем попытками оказать давление на нигерийское правительство. Намек на это содержится в подзаголовке уже упоминавшейся книги Наоми Кляйн «No Logo: люди против брендов». Кляйн указывает, что за счет многолетней рекламы и хорошей деловой репутации крупные фирмы стремятся создать вокруг своих брендов особую позитивную ауру. Однако тем самым они загоняют себя в угол. Бренды, составляющие их важнейший актив, крайне уязвимы к антирекламе. Активисты общественных движений могут за считанные недели погубить репутацию бренда, которую компания создавала десятилетиями. По-хорошему Кляйн должна бы понимать, что это аргумент как раз в пользу капитализма, — ведь в случае недостойного поведения в любой области на корпоративных гигантов легко оказать давление. Уличный торговец может обмануть вас, зная, что больше вы никогда не встретитесь, но для крупных

брендов — респектабельность — синоним выживания. Они должны выпускать качественную, безопасную продукцию, заботиться о собственных работниках, потребителях и экологии, иначе им не сохранить свою деловую репутацию. Негативное отношение означает для них гигантские убытки¹⁶.

Кроме того, как отмечает журнал *Economist*, корпорации в нравственном отношении часто стоят выше, чем среднее правительство. Большинство корпораций разрабатывают соответствующие инструкции и требования в отношении защиты окружающей среды и недопущения сексуальных домогательств, которые действуют даже в тех странах, где эти понятия еще не вошли в обиходную лексику. Большинство фирм без колебаний уволили бы председателя правления, если бы тот оказался замешан в публичном коррупционном скандале, подобно бывшему германскому канцлеру Гельмуту Колю, или обвинялся в сексуальных домогательствах и сомнительных финансовых операциях, как бывший президент США Билл Клинтон. Тем не менее оба этих деятеля вышли сухими из воды — а ведь они возглавляли два самых демократичных и стабильных государства западного мира¹⁷.

Отличным примером того, что иностранные фирмы могут служить каналом передачи опыта и идей, способных оказать революционное влияние на экономику государства, служит развитие швейной промышленности в Бангладеш. В 1970-х годах местный предприниматель Ноорул Куадер наладил сотрудничество с южнокорейской фирмой Daewoo, которая продала ему швейные машины и обучила рабочих. После того как Куадер открыл свое предприятие в Бангладеш, Daewoo за 8% от дохода в течение года помогла ему организовать маркетинг и давала рекомендации по внедрению новых методов производства. В 1980 году, на момент начала производства, на этом предприятии работало 130 местных квалифицированных рабочих и двое инженеров из Южной Кореи; правительство Бангладеш, проводившее в целом протекционистскую политику, признало экспортное производство готового платья «особой» отраслью, освободив его от ограничений. Каждый год выпуск продукции удваивался, и к 1987 году компания прода-

вала уже 2,3 миллиона свитеров на 5,3 миллиона долларов. К тому времени 114 из 130 работников, с которыми фирма начинала, уже открыли собственные швейные предприятия, и в результате оказалось, что в Бангладеш, где прежде не было ни одного предприятия по пошиву готового платья на экспорт, теперь их уже 700. Сегодня количество таких фирм утроилось, и пошив одежды стал крупнейшей отраслью промышленности Бангладеш: на ее долю приходится до 60% экспорта страны. На швейных предприятиях работает более 1,2 миллиона человек, из которых 90% составляют женщины, приехавшие из нищих деревень в поисках более стабильной, лучше оплачиваемой работы (для сравнения: общее число промышленных рабочих в Бангладеш — 6,2 миллиона). Хотя условия труда на этих предприятиях оставляют желать лучшего, новая отрасль дает людям дополнительные возможности выбора и способствует повышению зарплаты — в том числе и в традиционных отраслях, где работодателям теперь приходится думать о стимулах для привлечения рабочей силы¹⁸.

Экологический ущерб?

Хотя теперь для нас очевидно, что транснациональные корпорации в целом позитивно влияют на экономическое развитие и ситуацию с правами человека в третьем мире, как быть с другим аргументом — о том, что глобализация губительна для экологии? Западные фирмы, утверждая сторонники этой точки зрения, перенесут свои предприятия в бедные страны, где экологическое законодательство отсутствует, и смогут безнаказанно загрязнять окружающую среду. Тогда и Западу, чтобы выдержать конкуренцию, придется снижать экологические стандарты в промышленности. Этот мрачноватый тезис основан на идее о том, что люди, получив в свое распоряжение новые возможности, ресурсы и технологии, непременно воспользуются ими в ущерб окружающей среде. Но так ли это? Действительно ли между экологией и развитием неизбежно возникает противоречие?

Подобные представления, как и вся теория «скольжения по наклонной плоскости», имеют один недостаток: они не

соответствуют действительности. На деле никакого «бегства» промышленных предприятий в страны с низкими экологическими стандартами не происходит, не наблюдается и общей негативной тенденции в области защиты окружающей среды в мировом масштабе. Напротив, большая часть американских и европейских инвестиций направляется в страны с такими же экологическими нормами, как в США и ЕС. После подписания Североамериканского соглашения о свободной торговле было много разговоров о том, что американские корпорации переносят производство в Мексику. Менее известен другой факт: после создания зоны свободной торговли Мексика покончила с давней традицией полного пренебрежения проблемами окружающей среды, ужесточив природоохранное законодательство. Следует отметить, что этот пример отражает общемировую тенденцию. По всему миру защита окружающей среды усиливается параллельно с экономическим развитием и ростом. Четверо исследователей, специально изучивших этот вопрос, выявили «чрезвычайно сильную положительную связь между экологическими показателями и уровнем экономического развития». Самые бедные страны все силы тратят на то, чтобы выбраться из нищеты, — им не до экологии. Как правило, государства начинают уделять должное внимание охране своих природных ресурсов только тогда, когда они уже в состоянии себе это позволить. Немного разбогатев, они начинают бороться с выбросами промышленных отходов в водоемы, а с дальнейшим ростом благосостояния приходит очередь мер против загрязнения воздуха¹⁹.

Связь между защитой окружающей среды и уровнем благосостояния и развития обусловлена несколькими факторами. Вопрос о качестве окружающей среды вряд ли станет самым важным для человека, который не знает, будет ли у него завтра достаточно пищи. Он думает прежде всего о том, как преодолеть нищету и утолить голод. Но с ростом жизненного уровня мы начинаем уделять экологии больше внимания — к тому же появляются средства, чтобы заботиться о природе. Именно так все происходило в Западной Европе и теперь повторяется в развивающихся странах. Однако для движения в этом направлении необходим демократический строй, который дает возможность мобилизовать общественность на борьбу против загрязнения окружающей среды: в противном случае ваше мнение никто не станет учи-

Рисунок 28. Рост благосостояния ведет к ужесточению экологических стандартов (соотношение уровня благосостояния и экологического регулирования на основе данных по 31 стране)

Источник: *Dasgupta S., Mody A., Roy S., Wheeler D. Environmental Regulation and Development: A Cross-Country Empirical Analysis. World Bank Working Paper 1448. Washington, DC: World Bank, 1995.*

тывать. Именно в странах с диктаторскими режимами экологический ущерб особенно велик. Однако то, что помимо социальной ответственности для защиты окружающей среды столь же необходим и определенный уровень благосостояния, — факт бесспорный. Богатая страна может позволить себе реальные меры по решению экологических проблем: у нее есть средства на создание экологически безвредных технологий — например, по очистке сточных вод и вредных выбросов в атмосферу — и исправление допущенных в прошлом ошибок.

Общемировая тенденция в области охраны окружающей среды напоминает не «скольжение вниз по наклонной плоскости», а, наоборот, «восхождение к вершине»: назовем это явление «калифорнийским эффектом». В 1970-х годах в штате Калифорния были приняты так называемые законы о чистоте воздуха (Clean Air Acts), они предусматривали строгий контроль над вредными выбросами в атмосферу путем постоянного ужесточения требований к автомобилестроению. Появилось немало мрачных прогнозов относительно провала всей этой затеи: фирмы и предприятия «передислоцируются» в другие штаты и властям Калифорнии придется смягчить свои экологические нормативы. Но произошло не-

что противоположное — другие штаты также начали постепенно ужесточать законодательство в этой области. Поскольку автомобильные компании не хотели лишаться рынка сбыта в богатой Калифорнии, их предприятиям по всей стране пришлось заняться разработкой новых технологий для сокращения выбросов выхлопных газов. Это позволило им выполнить и повышенные экологические требования других штатов, после чего те, в свою очередь, повысили планку до нового уровня. Антиглобалисты постоянно утверждают, что из-за стремления к наживе и свободы торговли бизнес увлекает за собой политиков вниз по наклонной плоскости. Однако «калифорнийский эффект» свидетельствует об обратном — свободная торговля позволяет политикам объединить стремящиеся к прибыли корпорации в «одной связке», чтобы продолжить восхождение к вершине.

Это происходит потому, что расходы на соблюдение экологических правил составляют совсем незначительную долю в общих издержках большинства компаний. Благоприятный деловой климат — либеральная экономика и квалифицированная рабочая сила — для фирм куда важнее, чем возможность сэкономить на соблюдении экологических стандартов. Результаты исследований в этой области свидетельствуют: ужесточение экологического законодательства в стране не ведет к сокращению экспорта и числа желающих создать предприятия на ее территории²⁰. Этот вывод опровергает как аргументы бизнеса против введения экологического регулирования, так и доводы экологов, требующих «обуздать» глобализацию ради защиты окружающей среды.

Первые признаки «восхождения к вершине» под воздействием «калифорнийского эффекта» проявляются уже по всему миру, поскольку из-за глобализации новые технологии внедряются в различных странах гораздо быстрее, чем раньше, а новые технологии, как правило, менее вредны для окружающей среды. Ученые изучили ситуацию в сталелитейной промышленности пятидесяти разных стран и пришли к выводу, что в деле внедрения экологически чистых технологий лидируют те государства, экономика которых отличается большей открытостью. В этих странах уровень вредных выбросов в металлургическом производстве на 20% ниже, чем в «закрытых» государствах. В авангарде этого процесса идут транснациональные корпорации: унификация производства и техно-

логий им чрезвычайно выгодна. Поскольку они быстрее осуществляют перестройку производства, на их предприятиях действует более современное оборудование. При этом они предпочитают внедрять самые передовые, экологичные технологии сразу же после их появления, а не проводить в дальнейшем — уже после принятия более жестких экологических нормативов — дорогостоящую модернизацию предприятий.

В Бразилии, Мексике и Китае — странах, получающих больше всего иностранных инвестиций, — мы наблюдаем одно и то же: чем больше капиталов вкладывается в их экономику, тем серьезнее становятся меры по борьбе с загрязнением воздуха. За период с начала процесса глобализации в городах этих стран значительно смягчилась ситуация с самыми тяжелыми формами загрязнения воздуха. Создавая филиалы в развивающихся странах, западные корпорации обеспечивают на своих предприятиях намного более высокий уровень экологичности по сравнению с местной промышленностью — не в последнюю очередь из-за необходимости поддерживать репутацию своих брендов. В Индонезии лишь 30% местных фирм соблюдают действующие в стране экологические нормативы, а для транснациональных корпораций этот показатель возрастает до 80%. По собственной инициативе 10% иностранных корпораций установили более высокие экологические стандарты, чем предусмотрено индонезийским законодательством. Ускорению этого процесса будет способствовать либерализация мировой экономики в целом, и особенно отмена всеми странами абсурдных протекционистских тарифов на экологичные технологии²¹.

Некоторые утверждают, что из экологических соображений нельзя позволить бедным странам Юга достичь такого же уровня благосостояния, какой мы наблюдаем у нас — на богатом Севере. К примеру, антрополог Ричард Уилк, автор одной из статей сборника «Влияние потребления на экологию», опубликованного Национальной академией наук США, с беспокойством отмечает: «Если у всех людей появится склонность к западному образу жизни с высоким уровнем потребления, то неуклонный рост энергопотребления, объема отходов и вредных выбросов может иметь катастрофические последствия»²².

Однако, как показывают научные исследования, это колоссальное заблуждение. Наоборот, с самыми серьезными

и острыми экологическими проблемами мы сталкиваемся именно в развивающихся странах. В богатых государствах Запада все больше людей волнуют экологические проблемы — например, связанные с угрозой зеленым зонам. Но в развивающихся странах *ежедневно* более 6 тысяч человек умирают от последствий загрязнения воздуха, вызванного использованием дров, кизяка и сельскохозяйственных отходов для отопления домов и приготовления пищи. По данным ПРООН, каждый год загрязненный воздух в помещениях становится причиной смерти 2,2 миллиона людей. Вот это действительно катастрофа, и ее результаты куда страшнее загрязнения атмосферы промышленными выбросами. Требовать, чтобы страны третьего мира оставались на нынешнем уровне развития, — значит каждый год обрекать миллионы их граждан на безвременную кончину.

Утверждение о том, что промышленное загрязнение окружающей среды усиливается из-за экономического роста, ошибочно. В графическом изображении динамика этого процесса напоминает перевернутую букву U. На начальном этапе экономического роста в очень бедной стране, когда промышленность набирает обороты, окружающая среда действительно страдает. Однако, когда эта страна достигает известного уровня благосостояния, экологические показатели, напротив, начинают улучшаться: промышленные выбросы сокращаются, концентрация вредных примесей в воздухе и воде неуклонно уменьшается. Возьмем, к примеру, города: наихудшая экологическая обстановка наблюдается отнюдь не в Стокгольме, Нью-Йорке или Цюрихе, а в Пекине, Мехико и Нью-Дели. Помимо уже упомянутых факторов подобная динамика обусловлена переориентацией экономики с простой переработки сырья на интеллектуальные технологии. В передовой экономике первую скрипку играет не тяжелая промышленность, наносящая большой ущерб окружающей среде, а сектор услуг. По воздействию на экологию банки, консалтинговые фирмы и информационно-технологические компании, естественно, несравнимы с промышленными предприятиями традиционного типа.

Авторы одного исследования на эту тему, проанализировав имеющиеся данные об экологической ситуации, установили, что переломный момент обычно наступает незадолго до того, как объем ВВП на душу населения в стране

достигает 8 тысяч долларов. При уровне дохода в 10 тысяч долларов ученые выявили позитивную связь между ускорением экономического роста и улучшением качества воды и воздуха²³. Примерно на таком уровне благосостояния находятся сегодня Аргентина, Южная Корея или Словения. В США объем ВВП на душу населения составляет примерно 36 300 долларов. В этой стране с 1970-х годов также наблюдается стабильное улучшение экологической обстановки — вопреки картине, которую рисуют СМИ. В 1970-х годах проблема смога в американских мегаполисах была у всех на слуху, и совершенно справедливо: считалось, что от 100 до 300 дней в году воздух в крупных городах США вреден для здоровья. На сегодняшний день этот показатель снизился до 10 дней в году — за исключением Лос-Анджелеса. Там опасность существует примерно 80 дней в году, но и это означает, что за десять лет экологическая обстановка улучшилась вдвое²⁴. Та же тенденция наблюдается в других богатых странах — например, в Токио, столице Японии, где, как несколько десятилетий назад пророчествовали пессимисты, из-за сильного загрязнения воздуха на улице нельзя будет выйти без кислородной маски.

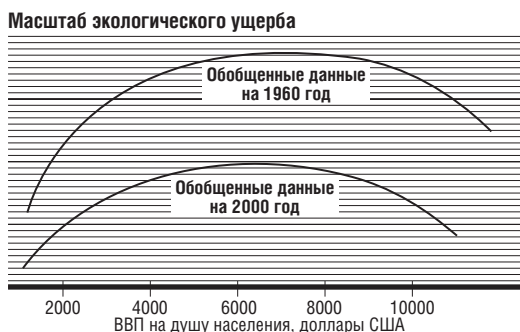
Таким образом, рост благосостояния развивающихся стран до определенного уровня, помимо других позитивных результатов — ликвидации проблемы голода и резкого снижения детской смертности, — способствует и улучшению экологической ситуации. Более того, сегодня этот переломный момент в странах третьего мира наступает быстрее, поскольку они могут учиться на прошлых ошибках богатых стран и использовать их передовые технологии. К примеру, качество воздуха в гигантских китайских городах, которые числятся среди самых экологически загрязненных в мире, с середины 1980-х годов стабилизировалось, а в некоторых случаях даже понемногу улучшается. Отметим: эта позитивная тенденция совпала по времени с беспрецедентным экономическим ростом в стране.

Некоторое время назад датский статистик Бьёрн Ломборг, активист организации Greenpeace, с помощью группы своих студентов обобщил статистические данные и факты об экологических проблемах планеты. К своему изумлению, он обнаружил, что казавшееся ему самоочевидным представление о постоянном ухудшении состояния окружающей среды

по всему миру совершенно не соответствует официальной статистике. На основе этих данных он установил, что уровень загрязнения воздуха снижается, сокращается масштаб проблемы отходов, питание людей улучшается, а средняя продолжительность жизни увеличивается. Ломборг собрал максимально возможное количество общедоступных данных и опубликовал их в книге «Эколог-скептик: реальная оценка ситуации в мире» (The Sceptical Environmentalist: Measuring the Real State of the World). Нарисованная им картина позволяет самым существенным образом скорректировать апокалиптические пророчества, которые часто встречаются на страницах газет.

Ломборг показал, что за последние десятилетия в развитых странах мира снизился уровень загрязнения воздуха и вредных выбросов в атмосферу. Резко уменьшились выбросы тяжелых металлов, выбросы азотной кислоты сократились почти на 30%, а серы — примерно на 80%. В бедных развивающихся странах ситуация с загрязнением воздуха и вредными выбросами все еще ухудшается, однако в мировом масштабе концентрация вредных частиц в атмосфере всего за 14 лет сократилась на 2%. В развитых странах резко сократились выбросы фосфористых веществ в океан, а концентрация бактерий *E.coli* в прибрежных водах радикально снизилась,

Рисунок 29. Рост благосостояния способствует сохранению окружающей среды

Примечание: как видно на графике, ущерб окружающей среде сокращается не только с ростом благосостояния, но и постепенно во всех странах, независимо от уровня доходов населения.

Источник: World Bank. World Development Report 1992: Development and the Environment. Washington: World Bank, 1992.

в результате чего во многих местах оказалось возможным отменить введенный ранее запрет на купание.

По данным Ломборга, на планете происходит не масштабное сокращение общей площади лесов, а, напротив, ее увеличение: с 40,24 миллиона до 43,04 миллиона квадратных километров за период с 1950 по 1994 год. Также исследователь обнаружил, что никогда не было и масштабной гибели деревьев из-за кислотных дождей. Он проследил, откуда взялось часто цитируемое, но ошибочное утверждение о ежегодном исчезновении на Земле 40 тысяч видов растений и животных, — первоисточником оказалась одна оценка двадцатилетней давности: с тех пор она так и ходит в экологических кругах. По мнению Ломборга, реальная цифра скорее составляет около 1500 видов в год или немного больше. За последние 400 лет точно зафиксирована гибель тысячи с небольшим видов, из которых 95% составляют насекомые, бактерии и вирусы. Что же касается проблемы мусора, то все отходы, которые образуются в Дании за ближайшие 100 лет, даже без всякой переработки уместятся в яме глубиной 33 метра и общей площадью в 3 квадратных километра. Кроме того, Ломбург показывает, каким образом рост благосостояния и технический прогресс позволят решить проблемы, подстерегающие нас в дальнейшем. Весь объем пресной воды, потребляемый сегодня в мире, можно будет получать на одном-единственном опреснительном заводе, работающем на солнечных батареях и занимающем 0,4% территории пустыни Сахары.

Таким образом, представление о неизбежной губительности экономического роста для окружающей среды ошибочно. Не больше общего с действительностью имеют и утверждения о том, что обеспечить всему человечеству западный уровень потребления можно только за счет ресурсов нескольких планет, аналогичных Земле. С подобными заявлениями чаще всего выступают экологи, причем в данном случае их волнует не загрязнение и выбросы, а истощение природных ресурсов — неизбежное, по их мнению, если все люди будут иметь тот же уровень жизни, что и граждане богатых стран.

Несомненно, некоторых используемых ныне видов сырья в имеющихся на сегодняшний день объемах не хватит на всех, если характер потребления не изменится. Но эта ис-

тина имеет столько же общего с реальностью, как если бы некий «богатый» неандерталец заявил: если у всех будет тот же уровень потребления, что и у меня, в мире не хватит камня, соли и мехов. Потребление сырья не является величиной неизменной. По мере повышения уровня жизни мы начинаем искать способы использования новых видов сырья. Человечество постоянно совершенствует технологии: это дает возможность задействовать прежде недоступные виды сырья, а достигнутый нами уровень благосостояния позволяет внедрять достижения технического прогресса. Кроме того, благодаря инновациям традиционные виды сырья используются эффективнее, а отходы перерабатываются в новое сырье. Полтора века назад нефть воспринималась как бесполезная черная и вязкая жидкость, в которую лучше не попадать ногой. Однако наша заинтересованность в новых источниках энергии привела к созданию методов использования нефти, и сегодня она является одним из первостепенных видов сырья. Раньше песок не представлял абсолютно никакой ценности, а сегодня он — необходимое сырье для производства компьютеров, важнейшего детища нашей эпохи. В виде кремния — из которого на четверть состоит земная поверхность — песок является одним из важнейших компонентов компьютерных чипов.

Избежать дефицита сырья позволяет простейший рыночный механизм. Если какого-то вида сырья не хватает, цены на него повышаются. В результате у всех возникает заинтересованность в экономии этого сырья, обнаружении новых запасов, его повторном использовании и в поисках замены. В последние десятилетия проявилась четкая тенденция к снижению цен на сырье. Металлы сегодня дешевы как никогда. Падение цен позволяет предположить, что спрос не превышает предложение. В пересчете на зарплату — то есть сколько мы должны трудиться, чтобы «отработать» цену того или иного вида сырья, — эти ресурсы сегодня вдвое дешевле, чем пятьдесят лет назад, и в 5 раз дешевле, чем сто лет назад. В 1900 году электроэнергия стоила в 8 раз, уголь — в 7 раз, а нефть — в 5 раз дороже, чем сегодня²⁵. Риск возникновения дефицита постоянно снижается, поскольку имеющиеся в нашем распоряжении запасы увеличиваются за счет разведки новых месторождений и более эффективного использования сырья.

В мире, где технический прогресс — явление постоянное, оценка ситуации в статике не только ничего не дает, но и по определению неверна. С помощью простых математических расчетов Ломборг установил: если какого-то из имеющихся у нас видов сырья должно хватить на сто лет, то при росте спроса на 1% в год и увеличении масштабов повторного использования и /или повышении эффективности использования на 2% в год нынешние запасы этого сырья оказываются *неистощимыми*.

Если дефицит все же возникает, то для решения этой проблемы применяют технологии, позволяющие переработать большинство веществ для повторного потребления. К примеру, сегодня повторно используется треть всей выплавляемой в мире стали. Технологический прогресс способен опережать темпы истощения ресурсов. Не так давно все были убеждены, что поставить телефон каждому китайцу невозможно: ведь для их обслуживания понадобилось бы несколько сотен миллионов операторов на телефонных станциях. Однако дефицит рабочих рук не возник — проблему решило развитие технологий. После этого начались разговоры, что всеобщая телефонизация Китая невозможна из-за недостатка сырьевых ресурсов: для прокладки телефонных кабелей по всей стране мировых запасов меди недостаточно. Прежде чем эта проблема встала всерьез, медные провода заменили волоконно-оптические кабели и спутниковая связь. Цена на медь — один из видов сырья, который, по общепринятым оценкам, должен был истощиться, — неуклонно падает: сегодня она в десять раз ниже, чем двести лет назад.

В прошлом люди тоже часто беспокоились, что запасы важного для них сырья кончаются. Но в тех редких случаях, когда это действительно происходило, речь, как правило, шла об изолированных от мира бедных регионах, а не открытых для торговли и богатых странах. Утверждать, что африканцы, тысячами умирающие каждый день от ужасающе реальной нехватки самого необходимого, не имеют права на такое же благосостояние, как мы на Западе, только потому, что из-за этого у нас теоретически может возникнуть какой-то дефицит, глупо и несправедливо.

Конечно, экологические проблемы сами собой не решатся. Для защиты воды, земли и воздуха от вредных воз-

действий необходимы соответствующие нормы. Чтобы у предприятий, загрязняющих атмосферу, появился стимул отказаться от пагубных для окружающей среды методов производства, за вредные выбросы следует штрафовать. Кроме того, по многим экологическим вопросам перед нами возникают совершенно новые задачи, которые можно решить только международными нормативами и соглашениями. Например, выбросы двуокиси углерода по мере роста благосостояния страны не сокращаются, а увеличиваются. Когда мы говорим об отношениях между рынком и экологией, необходимо понимать, что в условиях свободной, динамично развивающейся экономики найти самые целесообразные решения — как для сохранения природы, так и для блага человека — значительно легче. Для решения экологических проблем лучше иметь соответствующие финансовые ресурсы и развитую науку, чем оставаться без них.

Очень часто улучшением экологической ситуации мы обязаны именно капитализму, который обвиняют в возникновении проблем с окружающей средой. При установлении частной собственности у владельцев появляется долгосрочная заинтересованность в поддержании своего имущества в достойном состоянии. Землевладельцы должны заботиться о том, чтобы земля оставалась плодородной, а леса сохранялись, — иначе завтра им просто не с чего будет получать доход, да и продать свою собственность они не смогут. Коллективная или государственная собственность ни у кого не порождает такой заинтересованности. Напротив, у каждого возникает прямо противоположное стремление: выжать из тех или иных ресурсов максимум, пока этого не сделал кто-то другой. Чересчур интенсивная эксплуатация природных богатств амазонских джунглей, начавшаяся в 1960–1970-х годах и продолжающаяся по сей день, стала возможной потому, что они находятся на общественных землях. Правительства стран, где расположены эти леса, признают частной собственностью лишь 10% их территории, хотя на практике значительная часть этой зоны принадлежит ее коренным жителям — индейцам. Именно из-за неурегулированности прав рыболовства флотилии сейнеров (деятельность которых щедро субсидируется правительствами), словно пылесосы, вычищают рыбные богатства морей, торопясь опередить других. Наконец, вовсе не случайно самый большой ущерб

окружающей среде был нанесен в странах, где существовала коммунистическая диктатура и частная собственность отсутствовала вообще.

Несколько лет назад была проведена спутниковая съемка окраинных районов Сахары, где пустыня наступала на освоенные земли. По всей этой зоне почва имела сухой, желтый цвет: кочевники истощили общественные земли чрезмерной эксплуатацией и перебрались в другие места. Но посреди наступающей пустыни даже со спутника просматривался зеленый клочок земли. Как выяснилось, это был участок, находящийся в частной собственности, — его владельцы не допустили хищнической эксплуатации земли и создали на ней животноводческую ферму, которая, пусть и не сразу, станет прибыльной²⁶.

Порой говорят об экологическом ущербе от развития торговли и коммерческих перевозок, но эту проблему можно решить за счет повышения эффективности транспортных средств и методов очистки, а также штрафов за вредные выбросы, в результате которых загрязнение окружающей среды будет отражаться на цене товара. Однако самые серьезные экологические проблемы связаны с производством и потреблением, и в их решение — помимо общего позитивного воздействия на экономическое развитие — торговля может внести вполне конкретный вклад. Торговля способствует максимально эффективному использованию имеющихся у страны ресурсов. Товары производятся там, где производство требует наименьших расходов и наносит минимальный ущерб окружающей среде. Именно поэтому, параллельно с ростом эффективности производства, уменьшается количество сырья, необходимое для изготовления того или иного товара. Так, современные технологические процессы производства банок для прохладительных напитков позволяют использовать на 97% меньше металла, чем тридцать лет назад, — отчасти за счет использования более легкого алюминия. В современном автомобиле на 50% меньше металла, чем в машине тридцатилетней давности. Таким образом, производство целесообразнее сосредоточивать там, где для этого есть все необходимое, а не пытаться развивать все отрасли в отдельно взятой стране — с соответствующими последствиями с точки зрения потребления сырья. Поэтому с экологической точки зрения лучше, если северная страна

с холодным климатом импортирует мясо из теплых стран, а не растрчивает средства на производство концентрированных кормов и строительство утепленных хлевов, стремясь организовать собственное производство мяса.

Если бы власти государств действительно верили в рыночную экономику, они бы прекратили субсидировать энергетику, промышленность, строительство дорог, рыболовство, сельское хозяйство, хищническую вырубку лесов и др. Эти субсидии, по сути, поддерживают те виды деятельности, которые в противном случае либо прекратятся, либо будут осуществляться более эффективными методами или в других местах. По оценке Института Worldwatch, налогоплательщики всех стран мира вынуждены ежегодно отдавать 650 миллиардов долларов на поддержку экологически вредных видов деятельности. Отмена таких субсидий, по мнению ученых из этого института, позволила бы в мировом масштабе сократить налоги на 8%. Применительно к США это означает, что каждая семья экономит на налогах 2 тысячи долларов в год²⁷.

Пример с мясомолочной промышленностью в странах ЕС показывает, что от неэффективной организации производства страдает не только экология, но и животные. Из-за субсидирования неэффективного скотоводства в Евросоюзе животные содержатся в жестоких условиях, при транспортировке они страдают от крайней тесноты и к тому же временами их кормят костной мукой. Намного лучше отменить тарифы на ввоз сельхозпродукции и импортировать мясо из Южной Америки, где скот, нагуливая вес, свободно пасется и питается свежей травой. Но сегодня это невозможно из-за заоблачно высоких пошлин. Так, во время эпидемии «коровьего бешенства» фирма McDonald's попыталась отказаться от использования мяса из стран ЕС для приготовления гамбургеров в некоторых из своих европейских филиалов, но не смогла решить проблему за счет импорта из Южной Америки. Ввоз так называемых передних мясных полутуш, из которых делается фарш для гамбургеров, оказался невозможным из-за тарифов величиной в несколько сотен процентов.

Глава 6

Международный капитал: так ли уж он непредсказуем?

Коллектив без лидера

Противники капитализма говорят: да, за счет рыночных механизмов страна в конце концов способна достичь высот процветания — но в любой момент новообретенное благосостояние может рухнуть как карточный домик. Ведь устойчивость капиталистической экономики зависит от непредсказуемого поведения биржевых спекулянтов, которые сегодня лихорадочно вкладывают деньги в ценные бумаги на вашем рынке, а затем, повинувшись стадному чувству, внезапно ретируются вместе со своими капиталами. Каждый день национальные границы пересекает полтора триллиона долларов, замечают они с укоризной, как будто в самом этом факте есть что-то зловещее. Критик глобализации Бьёрн Эльмбрант сравнивает финансовый рынок с «коллективом без лидера: скопищем людей, бесцельно бредущих куда-то, спотыкаясь на каждом шагу»¹.

Ажиотаж вокруг финансовых рынков создать легко. Они представляются людям чем-то непонятным, абстрактным — ведь мало кто соприкасается с ними непосредственно. Мы лишь ощущаем на себе последствия происходящего на этих рынках — поэтому им так легко придать таинственный ореол. Все это производит такое впечатление, что руководитель избирательной кампании президента Клинтона Джеймс Карвилл как-то заметил: «Хотел бы я [в следующей жизни] воплотиться в виде рынка ценных бумаг. Тогда я мог бы шантажировать кого угодно». Противники рыночной экономики очень любят в качестве аргумента указывать на раз-

витие ситуации на биржах, которое непосвященным кажется совершенно иррациональным. Тем самым они бросают тень подозрения на рыночный механизм в целом. К примеру, акционеры любой фирмы довольны, если она сокращает штат. Но это происходит не потому, что им приятно, когда люди теряют работу. Им нравится другое — рост производительности труда и сокращение издержек, к которому может привести оптимизация структуры компании.

Тем не менее тенденция налицо: в Америке при увеличении безработицы котировки акций тоже повышаются. Разве это не признак того, что биржевики радуются несчастью других? Нет, просто инвесторы знают, что руководство Федеральной резервной системы (ФРС) расценивает рост безработицы как проявление экономического спада, при котором риск инфляции уменьшается, а потому ФРС, скорее всего, снизит процентную ставку. Биржа позитивно реагирует не на то, что люди теряют работу, а на дополнительную «смазку» рыночного механизма за счет уменьшения процентных ставок. Так что ничего удивительного здесь нет, как и в другом явлении того же порядка — когда биржа порой реагирует ростом котировок на снижение показателей коммерческого цикла и замедление роста. «Отлично, — думают при этом инвесторы. — Теперь, наконец-то, можно ждать очередного снижения процентных ставок».

Однако нельзя отрицать того факта, что биржевые колебания в последнее время усиливаются. Можно ли из этого сделать вывод, что инвесторов теперь меньше интересует долгосрочная перспектива и они чаще «следуют за толпой»? Какая-то доля истины в этом, вероятно, есть. Рынок, естественно, не действует абсолютно рационально во всех ситуациях. Резкие колебания, которые мы наблюдаем в последние годы, особенно в отношении котировок ценных бумаг интернет-компаний, свидетельствуют о том, что преувеличенные ожидания и ошибки с назначением цены на акции являются неотъемлемой частью рыночного процесса в условиях, когда рынок ориентирован на «отрасли будущего». Но одновременно это показывает, что преувеличенные ожидания не могут сохраняться до бесконечности — они не заменят реальных показателей деятельности предприятия.

Отчасти колебания котировок связаны с влиянием на биржевую ситуацию именно соображений долгосрочного по-

рядка. Будущие показатели деятельности предприятий традиционного типа было нетрудно определить на основе данных об объемах инвестиций и продаж в прошлом. Поэтому рыночная оценка ценных бумаг таких предприятий отличалась относительной стабильностью. Но когда речь идет о фирмах, действующих в инновационных секторах, в большей мере связанных с научными исследованиями и разработками, долгосрочные перспективы коммерческой популярности новых товаров и услуг, а значит и объем продаж, прогнозировать сложнее. Поэтому сегодня совсем нелегко определить, что ждет ту или иную фирму — успех или банкротство. Откуда, к примеру, мы можем знать, останутся ли в лидерах через десять лет компании, занимающиеся сегодня разработкой новых моделей мобильных телефонов? В условиях подобной неопределенности появление любых, даже самых незначительных признаков, указывающих на перспективы той или иной фирмы, может привести к резкому изменению котировок ее акций. В ситуации, когда тенденции будущего развития экономики неясны, то же самое характерно и для рынка ценных бумаг в целом. Он немедленно реагирует на любой, самый косвенный намек относительно намечающегося роста или спада.

Теперь представим себе, какими последствиями это оборачивается для компаний, чья деятельность полностью устремлена в будущее, — например, тех, которые занимаются разработкой новых фармацевтических средств. Возможно, через десять лет такая фирма разорится, а возможно, ей удастся разработать вакцину от СПИДа, и тогда ее акционеры заработают миллионы. Таким образом, возникновение биржевых «мыльных пузырей» объясняется вполне рациональными причинами. Даже если «лошадка» в результате не придет первой, при наличии достаточно высоких шансов на нее могут поставить деньги. Однако, если проанализировать динамику финансового рынка в целом, мы увидим: когда речь идет о фирмах традиционного типа, усиления колебаний котировок акций *не наблюдается*.

Пойдем дальше: многие противники рыночной экономики говорят, что ничего не имеют против финансовых рынков на национальном уровне. Проблема в «гиперкапитализме» — потоки капитала свободно «рыщут» по всему миру, невзирая на национальные границы, ведь капиталам не нуж-

но предъявлять паспорт при их пересечении. Именно так, внушают нам, ведет себя «нетерпеливый» капитал, движение которого определяется лишь прибылью в следующем квартале, а не интересами долгосрочного развития и технической модернизации.

Однако обеспечение мобильности капиталов — вопрос, касающийся свободы в целом. И речь здесь идет не о «свободе для капитала», как утверждают критики, ведь капитал — не человек, который может быть свободен или не свободен. Дело здесь именно в праве *людей* распоряжаться своими средствами по собственному усмотрению — к примеру, об их праве вкладывать свои пенсионные сбережения туда, куда они считают целесообразным. На деле именно пенсионные фонды стали крупнейшими инвесторами на международном рынке. Сегодня более половины американских семей владеют акциями — либо напрямую, либо через такие фонды. Так что за рынком ценных бумаг стоят в первую очередь простые люди.

Существует и другой вопрос — о праве частных компаний искать финансирование за рубежом. Заводы и офисы не возникают из воздуха: чтобы их построить, нужны капиталы. Представление о том, что биржевые «спекулянты» препятствуют долгосрочному развитию, противоречит фактам: его предпосылкой становится как раз увеличение инвестиций в научные исследования и инновации. Поэтому либерализация движения капиталов в последние годы служит одним из важных факторов развития в мировом масштабе — благодаря этому инвесторы могут вкладывать средства туда, где они приносят наибольшую отдачу, а значит — эффективность инвестиций повышается².

Причины этого легче понять, если мы рассмотрим проблему в меньшем масштабе. Допустим, у вас появилась свободная тысяча долларов, и вы хотите ее одолжить под проценты, но сделать это можете лишь в пределах маленького городка, в котором вы живете. Представим, что на выбор у вас есть всего два варианта: вложить средства в букинистический магазин или небольшое кафе. Вы больше верите в предпринимательские способности владелицы кафе и одалживаете деньги ей. На вашу тысячу она покупает новый кофейный автомат и заменяет обветшавшие столики, но, поскольку в небольшом городке спрос на капучино ограничен, ее при-

быль от этих вложений будет невелика, и она может одолжить у вас деньги лишь под 2% годовых. Однако, поскольку букинист больше 1% платить не в состоянии, владелица кафе не опасается, что вы вложите свои средства куда-то еще.

Если же вы можете вложить деньги не только в родном городке, но и в пределах всей области, в которой живете, количество претендентов на ваш капитал резко увеличится. К примеру, фабрика, которая на ваши деньги купит новое оборудование и тем самым значительно повысит свои доходы, предложит вам вдвое больший процент, чем владелица кафе. Таким образом, вы получите больше прибыли, но выиграет и экономика в целом, поскольку вложенные вами средства в этом случае используются эффективнее. Та же схема действует и в случае, если имеется возможность вложить капитал в пределах вашей страны и тем более — всего мира. В этой ситуации вы можете оценить отдачу от всех потенциальных объектов для инвестиций. На ваши деньги будет претендовать еще больше фирм, и те, что способны воспользоваться полученным кредитом наиболее целесообразно, готовы выплачивать за него самый высокий процент. Деньги, кредиты и акционерный капитал, как правило, направляются туда, где можно получить максимальную отдачу. Таким образом, капитал используется эффективно — он способствует повышению производительности, а следовательно — развитию экономики страны, в которой он вложен. Что же касается инвестора, то он получает от своих средств наибольшую прибыль.

Поскольку в ходе этого процесса предприниматели конкурируют друг с другом, может показаться, что все капиталы достаются самым крупным и богатым фирмам, которые могут одолжить их под максимальный процент. Но ведь рынок капиталов охватывает все страны мира, так что на нем возрастает не только спрос, но и предложение. При этом максимальные процентные ставки инвесторам предлагают не самые богатые компании, а те, которые могут получить наибольшую отдачу от полученных денег. Действительно, зачем утвердившейся на рынке крупной фирме брать кредиты под самый высокий процент — ведь ее существование от этих займов не зависит. Наибольшую прибыль, как правило, можно получить не в тех отраслях, куда уже были направлены крупные капиталовложения, а от новых предприятий, которым жизненно необходимы средства для финансирования инно-

вационных проектов. Рынок капитала особенно полезен тем, у кого нет недостатка в творческих идеях, но не хватает денег на их реализацию. Как уже было показано, либерализация рынков капитала, судя по всему, способствует уравниванию шансов для всех игроков на экономическом поле. Люди и корпорации, имеющие свободные капиталы, могут получать прибыль, одалживая деньги тем, кто в них нуждается и способен использовать эти средства более эффективно. В результате небольшие фирмы обретают возможность успешно конкурировать с более мощными соперниками. Чем большей гибкостью отличается такой рынок, чем меньше на нем ограничений, тем шире доступ к капиталу для предпринимателей, которые могут им распорядиться наилучшим образом.

В богатых странах накопились большие объемы капиталов, а бедные страны Юга испытывают острый недостаток инвестиций. Поэтому либерализация движения капиталов приводит к тому, что инвестиционные потоки направляются в те страны, где ощущается дефицит капитала, — ведь там от вложений можно получить большую отдачу. Сегодня на долю развивающихся стран приходится четверть общемирового объема инвестиций в предприятия, отдельные проекты и земельные ресурсы. Таким образом, мы наблюдаем гигантское по масштабам перераспределение капиталов между промышленно развитыми странами и третьим миром. Совокупный приток прямых инвестиций в развивающиеся страны сегодня составляет около 200 миллиардов долларов в год. Эта цифра вчетверо превосходит соответствующий показатель десятилетней давности и в 15 раз — объем таких инвестиций двадцать лет назад. Подобный результат стал возможным благодаря либерализации рынка капиталов и совершенствованию информационных технологий. Для стран, развитие которых традиционно сдерживалось из-за недостатка инвестиций, возникают просто фантастические возможности. Как мы уже отмечали, за последние десять лет бедные страны привлекли прямые зарубежные инвестиции на триллион долларов — это несколько больше совокупного объема помощи в целях развития, поступившей в указанные страны за пятьдесят лет. Выходит, что «коллектив без лидера, бесцельно бредущий куда-то, спотыкаясь на каждом шагу» обеспечивал развивающиеся страны необходимыми капиталами в пять раз эффективнее, чем правительства и ведомства по оказанию

межгосударственной помощи в целях развития из всех богатых стран, вместе взятых.

Оппоненты глобализации указывают, что на долю торговли реальными товарами и услугами приходится лишь 5% от всех трансфертов. Остальной объем — это оборот капиталов, когда «деньги делают деньги», что, по мнению некоторых критиков, никакой пользы экономике не приносит. Однако самый продуктивный вид вложений — это финансирование развития производства. Именно оно обеспечивает процесс изготовления товаров и технический прогресс необходимыми ресурсами.

Наличие международного финансового рынка позволяет увеличить объем инвестиций. В рамках крупных и эффективных финансовых рынков, дающих возможность «торговать» рисками через вторичные ценные бумаги, создаются условия для финансирования более масштабных проектов и более рискованных вложений, чем прежде. Именно на такие операции приходится большая часть оборота на финансовом рынке. Хотя миллиарды долларов ежедневно совершают «кругосветное путешествие», лишь ничтожная доля этих денег реально переходит из рук в руки: большая часть транзакций связана с тем, что инвесторы и компании, страхуясь от рисков, перенаправляют свои вложения. Только с появлением такой возможности развивающиеся страны получили достаточный доступ к международному рынку капиталов.

За счет доступа к международному финансовому рынку мы можем оптимизировать риски, вкладывая капиталы в различных странах. Раньше, если в экономике отдельно взятой страны дела шли неважно, это приводило к нехватке средств на такие нужды, как выплата пенсий. Если то же самое происходит сегодня, подобные проблемы не возникают — конечно, при условии, что государство позволяет своим гражданам вкладывать свои сбережения в других странах. Например, я сам раньше не владел акциями компаний или трастовых фондов, но новая пенсионная система, введенная в Швеции, позволяет мне вложить часть пенсионных накоплений не на родине, а на новых рынках — например, в Латинской Америке и Азии. Кроме того, при наличии финансовых рынков отдельные люди, компании и даже правительства, в случае сокращения своих доходов, могут брать кредиты и расплачиваться по ним, когда

дела пойдут на лад. Таким образом, появляется способ смягчить последствия экономических трудностей без резкого снижения уровня потребления.

В исследовании «Индекс доступа к капиталу», подготовленном Институтом Милкена, показано, что оптимальное развитие экономики обеспечивается в тех случаях, когда свободных капиталов имеется достаточно, они дешевы, а их распределение происходит прозрачно и честно. И наоборот, дефицит и дороговизна капиталов, а также произвол в области их распределения создают наихудшие условия для развития. Наличие масштабных, свободных финансовых рынков с большим количеством игроков способствует развитию, а система, при которой «управляемые государством потоки капитала сосредотачиваются в небольшом количестве финансовых институтов и корпораций, препятствует росту». Как показывают научные исследования, функциональное развитие финансовых рынков в той или иной стране позволяет судить о ее перспективах с точки зрения экономического роста. В некоторых трудах утверждается, что связь между отсутствием регулирования на рынках капитала и экономическим ростом не прослеживается, однако их авторы не пытались сравнить масштабы такого регулирования в различных странах. Но в одном исследовании, проведенном на основании данных по 64 промышленно развитым и развивающимся странам, этот показатель учтен: при этом авторы постарались по возмож-

Рисунок 30. Приток капиталов в развивающиеся страны постоянно увеличивается

Источник: *Eichengreen B., Mussa M. et al. Capital Account Liberalization: Theoretical and Practical Aspects. Washington: IMF, 1998.*

ности исключить из расчетов воздействие других факторов. В результате обнаружилась четкая связь между свободой движения капиталов и экономическим ростом; кроме того, страны, где рынки капитала либерализованы, как выяснилось, получают гораздо больше налоговых поступлений от бизнеса. Благодаря свободе передвижения финансовые ресурсы направляются туда, где их использование наиболее продуктивно, что облегчает процесс создания новых компаний и способствует развитию международной торговли³.

Больше регулирования?

Несомненно, мобильность капитала порождает и проблемы: если в стране возникают финансовые трудности, инвесторы могут внезапно забрать свои вложения; кроме того, действия финансовых спекулянтов порой оборачиваются дестабилизацией национальной валюты. Многие кредиторы и инвесторы плохо знают экономическую ситуацию в какой-либо конкретной стране: в результате, если из нее начинается «бегство капиталов», они могут воспринять это как сигнал тревоги и последовать примеру других. Возникает паническое «стадное чувство». Возможности заимствования исчезают, проекты приостанавливаются, отдельные компании разоряются, и в экономике наступает спад.

Одна из причин, по которым объем краткосрочных финансовых транзакций растет быстрее, чем долгосрочные инвестиции и товарооборот, заключается в том, что две последние сферы во всех странах мира подвергаются жесткому государственному регулированию. Если эти рынки должным образом либерализовать, динамика будет совершенно иной. Некоторые считают необходимым выровнять уровень регулирования, но только в противоположном направлении — введя дополнительные рычаги контроля и на финансовом рынке. Так, в ходе «азиатского кризиса» в конце 1990-х годов Малайзия ввела жесткий контроль над обменным курсом национальной валюты. Однако, если подобные меры, возможно, и позволяют решить текущие проблемы, их долгосрочный эффект заключается в том, что инвесторы будут обходить такое государство стороной. Если запрещено выводить капиталы из страны в любой момент, когда инвесторы сочтут нужным, они, прежде чем вложить средства в ее экономику, потребуют за это более высокую процентную ставку — в ре-

зультате в стране может образоваться дефицит капитала. Все эмпирические данные показывают: свобода *вывоза* капитала на деле способствует его притоку в страну. В случае с Малайзией непосредственным результатом введения валютного контроля стало ускорение бегства капиталов из соседних стран, в частности, Индонезии: инвесторы опасались, что эти государства последуют примеру малайзийских властей. В долгосрочном плане пострадала и сама Малайзия: доверие инвесторов к стране было подорвано. Недавно один инвестор, работающий на азиатских рынках, отозвался о Малайзии следующим образом: «Рынок, ценные бумаги которого в свое время составляли до 18% в портфелях большинства фондов, сегодня все обходят стороной»⁴.

Подобная экономическая изоляция совпала с усилением политической изоляции страны.

Одна из возможных альтернатив заключается в постоянном регулировании краткосрочных потоков капитала. Если краткосрочные инвестиции вообще не поступают в страну, это снижает вероятность бегства капиталов в будущем. В качестве примера такой политики нередко приводят правила, существующие в Чили, — поскольку этому государству удается избегать масштабных финансовых кризисов. Чилийские власти установили минимальный срок, до истечения которого нельзя вывести из страны инвестированный в нее капитал; кроме того, определенная часть средств должна быть размещена в центральном банке под низкий процент. Подобная система регулирования, судя по всему, действует эффективнее, чем другие аналогичные меры, но причина ее введения чилийскими властями связана с высоким уровнем накоплений в стране — то есть цель этих шагов заключалась как раз в том, чтобы *остановить* дальнейший приток капиталов. Однако в большинстве развивающихся стран сложилась совершенно иная ситуация: они страдают от недостатка капиталов и инвестиций. Даже в Чили, где капитал имелся в избытке, описанное выше регулирование породило финансовые проблемы. Крупные компании, действующие на международном рынке, научились обходить установленные правила, обеспечивая себе доступ к капиталам, а вот малому бизнесу пришлось труднее — небольшие компании вынуждены были брать кредиты под многократно повысившийся процент.

Те, кто вводит такие правила, уделяют чрезмерное внимание краткосрочной перспективе. В 1981–1982 годах Чили поразил жестокий финансовый кризис, обернувшийся разорением многих банков и девальвацией национальной валюты на 90%. Кризис разразился, когда в стране действовали максимально жесткие меры по контролю над рынком капитала: вложенные в стране средства нельзя было вывести в течение пяти с половиной лет. Чилийские власти извлекли из кризиса нужные уроки: они провели реформу, покончив с хаосом в банковском секторе. Возможно, именно это и стало главной причиной того, что финансовые потрясения в Чили больше не повторялись (кстати, в разгар азиатского кризиса чилийские власти приняли решение прекратить регулирование рынка капиталов)⁵.

Меры по контролю над рынком капиталов нередко создают у инвесторов и политиков ложное ощущение безопасности. Если правила регулирования, искажающие действие рыночных механизмов, скрывают надвигающийся кризис, то его последствия в дальнейшем, когда глубинные проблемы, от которых страдает экономика, проявятся и на поверхности, будут лишь болезненнее. За несколько месяцев до того, как азиатский кризис докатился до Южной Кореи, ее политическое руководство и международные инвесторы были уверены, что действующие в стране ограничения мобильности капитала спасут национальную валюту от потрясений. В 1997 году аналитики Goldman Sachs оценивали положение южнокорейского банковского сектора и центрального банка как неустойчивое, однако, поскольку движение капиталов в стране было ограничено, они сочли, что инвесторы могут не обращать внимания на риски, связанные с подобной ситуацией. Инвесторы послушались этих советов и продолжали игнорировать риски. Впоследствии азиатский кризис сильнее всего ударил по Индонезии, Южной Корее и России, где, из всех стран с развивающейся рыночной экономикой, действовала самая жесткая система регулирования движения капиталов. Государства, в которых уровень такого регулирования был самым низким, — Гонконг, Сингапур и Тайвань — пострадали от кризиса гораздо меньше⁶. Сильно досталось и Бразилии, хотя местные политики полагали, что благодаря ограничениям на рынке краткосрочных капиталов кризис минует эту страну.

Рано или поздно ошибочная экономическая политика приводит к кризису. Если контроль над рынком капиталов создает у политиков убеждение, что они могут проводить любой курс, какой захотят, их действия, скорее всего, лишь усугубят этот неизбежный кризис. В теории временные меры по контролю над капиталами в период кризиса дают стране «отсрочку», в ходе которой можно провести модернизацию банковского и финансового сектора, решить бюджетные проблемы и осуществить либерализацию экономики. Однако меры регулирования часто служат прямо противоположной цели — избежать болезненных реформ. Одним из признаков подобной ситуации является тот факт, что в странах с регулируемым рынком капиталов бюджетный дефицит и уровень инфляции, как правило, выше, чем в тех государствах, где такого регулирования нет. Поэтому страны с либеральной экономикой и более свободными финансовыми рынками быстрее преодолевают последствия экономических потрясений. Так, после азиатского кризиса многие страны этого региона оправились очень быстро. По-иному развивались события после кризиса 1980-х годов в Латинской Америке: страны региона установили контроль над вывозом капитала и отказались от проведения либеральных реформ. В результате десять лет были потрачены впустую — в течение всего этого периода латиноамериканские государства страдали от высокой инфляции и безработицы при низких темпах роста. Например, в Мексике после «долгового кризиса» 1982 года установилась продолжительная депрессия, но изменение экономического курса позволило стране очень быстро преодолеть последствия «текилового кризиса» 1995 года.

Другая проблема связана со сложностью осуществления мер по контролю над рынком капиталов в условиях постоянного совершенствования связи и ускорения обмена информацией. На практике подобные меры провоцируют людей на нарушение закона, и инвесторы значительную часть усилий тратят на то, чтобы правила регулирования обойти. Чем дольше такое регулирование действует, тем больше снижается его эффективность, поскольку инвесторы имеют время проложить «обходные пути». Кроме того, в подобных правилах часто предусматриваются исключения для самых важных или уязвимых предприятий. В результате

в большинстве стран меры по контролю над рынком капиталов лишь стимулируют коррупцию и подрывают принцип равенства всех перед законом.

«Налог Тобина»

В последние годы большую популярность приобрел другой способ регулирования рынков капитала — «налог Тобина», названный именем автора этой идеи — нобелевского лауреата экономиста Джеймса Тобина. Речь идет об обложении всех валютно-обменных операций сравнительно небольшим налогом — в размере 0,05–0,25%, чтобы тем самым снизить скорость движения капиталов и заставить инвесторов осторожнее относиться к перемещению капиталов через государственные границы. Подобную меру поддерживает, среди прочих, и движение АТТАС; его сторонники утверждают, что она поставит заслон на пути спекулянтов и позволит избежать серьезных валютных кризисов. Критики «налога Тобина» указывают в первую очередь на то, что на практике подобное налогообложение невозможно. Для этого необходимо, чтобы налог ввели все страны мира; в противном случае потоки капиталов просто пойдут через государства, не присоединившиеся к этой системе. К тому же в случае введения такого налога товарные сделки, во избежание транзакционных издержек, будут осуществляться в основном с использованием наиболее распространенных валют. Кончиться все это может тем, что вся мировая экономика перейдет на американские доллары. Но есть и более серьезный аргумент против «налога Тобина»: даже если удастся его ввести, последствия окажутся негативными.

На практике он принесет финансовому рынку даже больше вреда, чем регулирование на уровне отдельных стран. Последнее лишь сокращает приток капитала в страну, вводящую подобные ограничения, а «налог Тобина» приведет к снижению оборота капитала в целом и сократит возможности внешнего финансирования для всех стран мира — даже тех, кто в таком финансировании крайне нуждается. Препятствия на пути движения капиталов «запрут» свободные средства в границах тех государств, где они имеются, — то есть в богатых странах, и в роли проигравшего окажется третий мир. Таким образом, «налог Тобина» в действительности является не налогом на капитал, а заградительным та-

рифом, который приводит к удорожанию торговых и инвестиционных операций. Сторонники этой идеи утверждают, что она не приведет к подобным последствиям, поскольку предлагаемый налог крайне низок, и с точки зрения долгосрочных инвестиций удорожание составит ничтожно малую величину. Но проблема в том, что вложение капитала — это не одна-единственная транзакция. К примеру, инвестор может частично профинансировать какой-то проект, часть денег взять себе в виде прибыли, увеличить объем вложенных средств, если это ему выгодно, перевести поступления в другие направления бизнеса, прибавить их к имеющемуся капиталу, закупить запчасти за рубежом и т.д. При этом, если каждая, даже небольшая транзакция облагается «налогом Тобина», общие издержки многократно превысят скромные несколько сотых долей процента, а следовательно, более прибыльными для инвестора окажутся операции в валюте его страны, осуществляемые в ее пределах. Все это снизит доходность капитала, затруднит его доступность именно для тех стран, которые в нем нуждаются, а значит, приведет к сокращению инвестиций. Процентные ставки повысятся, и заемщикам придется больше платить по кредитам.

Сторонники «налога Тобина» утверждают, что их цель — закрыть путь для валютных спекуляций, а не для инвестиций в производство. Но представление о наличии некоей четкой границы между «полезными» инвестициями и «непродуктивной» спекуляцией в корне неверно. Вторичные финансовые инструменты, которые критики обычно рассматривают как орудие спекулянтов, на самом деле — необходимый элемент инвестиционного процесса. В условиях, когда цены и валютные курсы быстро меняются, прогноз развития ситуации на рынке, сделанный той или иной фирмой, может не оправдаться, и дело закончится для нее плохо, если фирма не подстрахуется с помощью вторичных финансовых инструментов. Допустим, компания занимается выплавкой металла, и цена на него вдруг резко падает, лишая фирму ожидаемых доходов и ставя на грань банкротства. Но компания может не тратить время и силы на попытки предсказать развитие событий, а просто приобрести право продавать свое сырье в будущем по фиксированной цене — опцион на продажу. Тот, кто купит у нее этот опцион, вместе с ним берет на себя все риски и ответственность за прогнозирование ситуа-

ции на рынке. Таким образом, металлургическая фирма может сосредоточиться на производственных вопросах, а риски добровольно берут на себя специалисты по анализу событий и оценке опасностей — те самые спекулянты.

Поскольку курсы валют также подвержены резким колебаниям, фирмы сталкиваются с аналогичными рисками в тех случаях, когда валюта, которой с ними расплачиваются, вдруг падает. Если металлургической компании непросто спрогнозировать ситуацию даже на том рынке, где она действует, то следить за событиями в валютной сфере и оценивать риски на несколько месяцев, а то и лет вперед ей еще труднее. В условиях подобной неопределенности торговля разнообразными вторичными валютными инструментами приобретает особое значение — ведь тогда компания, к примеру, может приобрести право продавать получаемую валюту по фиксированному курсу. Но это относится к разряду тех самых «спекуляций», с которыми призван бороться «налог Тобина». Причем, подобно обычным инвестициям, этот процесс также не ограничивается одной транзакцией. Если спекулянт полностью отвечает по всем рискам, он оказывается в крайне уязвимом положении. Поэтому у него должна быть возможность перераспределять эти риски в соответствии с развитием событий, обеспечивая таким образом сбалансированность своего «портфеля рисков». Подобную возможность ему предоставляет обширный вторичный рынок, позволяющий практически мгновенно выставить на торги эти финансовые инструменты. Именно за счет подобных «спекуляций» компания может по максимально низкой цене «застраховаться», что создает возможность инвестировать, невзирая на риски. Этот процесс фактически аналогичен тому, что происходит на вторичном рынке акций — бирже, которая позволяет людям смело финансировать вновь создаваемые компании, выступая в роли их акционеров.

Именно против вторичного рынка и направлен «налог Тобина». Его введение приведет к сокращению числа спекулянтов, которые готовы брать на себя риски, а если они все же пойдут на это, то цена опционов резко повысится. В результате цена «страховки» для компаний и инвесторов увеличится, и они не станут вкладывать капиталы в страны и валюты, подверженные значительным рискам. От этого опять же проиграют страны, где ощущается дефицит капи-

талов и существует более высокая вероятность рисков, — то есть бедные развивающиеся государства. Инвесторы будут размещать капиталы только на тех рынках, где обстановка им хорошо известна и представляется безопасной. В последнее десятилетие на долю развивающихся стран приходилась четверть общего объема прямых иностранных инвестиций. В случае введения «налога Тобина» эта доля резко снизится. Физическим лицам и фирмам из бедных стран будет намного труднее получать кредиты, а процентные ставки по ним возрастут.

Таким образом, введение «налога Тобина» создает серьезную угрозу нарушения функционирования финансовых рынков. Однако предотвратить валютные кризисы с помощью этого налога не удастся. На практике созданный им барьер будет довольно низким и сможет воспрепятствовать лишь текущим коммерческим транзакциям. Если обменные операции, идущие «*поверх*» этого барьера, в какой-то момент станут прибыльными, результатом будут самые резкие колебания валютных курсов. Таким образом, проблем, связанных с валютными спекуляциями и бегством капиталов, этим способом избежать не удастся. Когда спекулянты осознают, что у них есть возможность подорвать фиксированный курс той или иной валюты (как это случилось, например, с британским фунтом и шведской кроней в 1992 году), то их несколько не смутит необходимость уплатить налог — ничтожный по сравнению с баснословной прибылью. Если они могут получить на колебаниях валютного курса прибыль от 20 до 50%, налог в 0,05% их, естественно, не остановит. Тот же принцип действует и в случае утраты доверия к какому-либо рынку, когда «бегство» с него становится насущной необходимостью, позволяющей избежать гигантских убытков, — именно такая ситуация сложилась в ходе азиатского кризиса 1997 года. Низкий «налог Тобина» способен нарушить нормальное текущее функционирование финансового рынка, но не позволяет предотвратить подобные кризисы.

Высокий оборот на валютном рынке сокращает риск возникновения временного дефицита и искажений в ценообразовании. Кроме того, большой масштаб рынка снижает опасность того, что отдельные игроки или транзакции способны решающим образом повлиять на цены. Таким образом, отсутствие ограничений на валютном рынке предотвра-

щает резкие колебания обменных курсов, а «налог Тобина», как это ни парадоксально, может их усилить из-за снижения ликвидности на этом рынке. На смену постоянным незначительным колебаниям, обеспечивающим выравнивание и корректировку курсов, придут периодические резкие скачки. С 1970-х годов, несмотря на масштабную либерализацию валютного рынка и четырехкратное увеличение его объема, роста неустойчивости и потрясений в этой сфере не наблюдается. На деле страны, где существует жесткое регулирование рынка капиталов, больше подвержены хаотичным колебаниям валютных курсов, чем те государства, где таких ограничений меньше⁷.

Впрочем, при всех перечисленных недостатках у «налога Тобина» есть одно несомненное преимущество: он принесет огромные доходы странам, которые его введут. По подсчетам движения АТТАС, они должны составить 100 миллиардов долларов в год; в других оценках фигурируют более скромные цифры — от 10 до 50 миллиардов. Однако возникает вопрос: а как собирать этот налог? Для того чтобы отследить все трансакции на мировом рынке, потребуются гигантский бюрократический аппарат, наделенный полномочиями по сбору налога. Причем речь идет об операциях, осуществляемых в электронном виде по всему миру, в том числе в странах, где нет ни нормальной системы бухгалтерской отчетности, ни эффективной администрации. Другими словами, придется создавать нечто вроде «мирового правительства», чей бюрократический аппарат, очевидно, и «съест» большую часть собранных денег. Встает и второй вопрос: кто будет руководить этим аппаратом? ООН? Но в этой организации страны с диктаторскими режимами имеют не меньше влияния, чем демократические государства. Кто помешает этому «мировому правительству» превратиться в рассадник коррупции? Кто не даст ему злоупотреблять своими обширными полномочиями? И кто в результате получит эти деньги?

Впрочем, теоретически за счет «налога Тобина» можно получить несколько миллиардов долларов в год и использовать эти средства, к примеру, для помощи развивающимся странам. Но если мы считаем, что подобное перераспределение капитала целесообразно, почему не осуществить его другими методами — к примеру, за счет упразднения тарифов,

направленных против стран третьего мира, или пересмотра деструктивной сельскохозяйственной политики ЕС, сдерживающей их развитие? Почему бы не увеличить объемы помощи, выделяемой на нужды развития, или не ввести в мировом масштабе штрафы за деятельность, наносящую ущерб окружающей среде? Неужели обязательно получать эти доходы путем подрыва финансового рынка? Впрочем, может быть, к этому инициаторы подобной идеи и стремятся...

Азиатский кризис

Для предотвращения новых кризисов необходимо прежде всего изучить случившиеся в прошлом и определить их причины. Часто слышишь, что азиатский кризис 1997–1998 годов разразился как гром среди ясного неба: страны с вполне здоровой экономикой стали жертвой атак спекулянтов и бегства капиталов. На самом деле все было совершенно иначе. Единственное рациональное зерно в подобной версии событий заключается в том, что в отсутствие свободных финансовых рынков эти страны не пострадали бы от бегства капиталов, которые в этом случае вообще не пришли бы в их экономику. Причиной кризиса стало сочетание целого ряда факторов — и спекуляции здесь были не детонатором, а скорее последней каплей, переполнившей чашу⁸.

В экономике стран, затронутых азиатским кризисом, уже какое-то время до этого наблюдались признаки неблагополучия, усилившиеся в 1996–1997 годах. В 1990-х годах указанные страны привлекли гигантские объемы капитала, особенно за счет краткосрочных займов за рубежом: подобная практика поощрялась их правительствами. Доля зарубежных кредитов в общей задолженности банков и других учреждений Таиланда с 1990 по 1995 год возросла с 5 до 28%. Центральный банк страны среди прочих мер финансового регулирования установил высокие процентные ставки по внутреннему кредитованию, в результате чего стало выгоднее занимать деньги за рубежом. Большинство средств, полученных от этих займов, затем повторно отдавалось займы на внутреннем рынке под более высокий процент. Правительства азиатских стран стимулировали подобные заимствования за счет фиксированного курса национальной валюты и налоговых субсидий. Одновременно они проводили дискриминационную политику в отношении долгосрочных

капиталовложений. Власти Южной Кореи, к примеру, попытались полностью их исключить, запретив прямые иностранные инвестиции и приобретение иностранцами акций и облигаций отечественных компаний. Таким образом, краткосрочные займы стали единственным способом привлечения капиталов из-за рубежа.

В результате сложилась следующая схема: южнокорейские банки занимали доллары или иены на очень короткий срок — то есть должны были быстро расплачиваться по этим кредитам. Одновременно они вкладывали полученные таким образом деньги на внутреннем рынке — под более высокий процент и на длительный срок. При этом банки рассчитывали на то, что всегда смогут получать новые краткосрочные займы за рубежом, — только так они могли расплачиваться по предыдущим обязательствам. Капиталы поступали в экономику азиатских стран через банки и финансовые корпорации, не готовые к такому мощному притоку средств. Они работали в отсутствие конкуренции и часто были связаны с правящими режимами и мощными национальными экономическими группировками. В Южной Корее, Малайзии, Таиланде и Индонезии значительная часть привлеченных средств направлялась фирмам, находившимся в фаворе у властей, или на осуществление «престижных» проектов. Иностранцев это не беспокоило: они знали, что власти не позволят своим любимцам «пойти на дно». Этот принцип относился не только к национальным банкам, но и к частным компаниям вроде южнокорейских «суперкорпораций»-чеболей или бизнес-империй, принадлежавших друзьям индонезийского лидера Сухарто. Кроме того, иностранные кредиторы были уверены: в случае возникновения проблем регионального масштаба МВФ вмешается и не даст им понести убытки. В результате иностранцы выдавали этим странам займы в неограниченных объемах, что привело к перенасыщению инвестициями тяжелой промышленности, приносившей небольшую отдачу, и сектора недвижимости — в ущерб более динамичным отраслям.

У всех стран, которые охватил кризис, существовала громадная краткосрочная задолженность по сравнению с имеющимися валютными резервами. В то же время курсы их валют были либо фиксированными, либо контролировались. Эта ситуация породила ряд проблем, последствия кото-

рых оказались катастрофическими. Когда курс национальной валюты постоянно колеблется, банки обычно не решаются занимать большие суммы за рубежом, а затем вкладывать их внутри страны под несколько больший процент. В случае даже небольшого изменения валютного курса подобные вложения в отсутствие «подстраховки» от рисков могут обернуться убытками. Однако, поскольку государство обещало поддерживать фиксированный валютный курс, эта опасность, казалось бы, была исключена, и все бросились лихорадочно набирать кредиты. Кроме того, результатом государственного регулирования стали завышенные курсы национальных валют (примерно на 20%) — не в последнюю очередь из-за роста доллара, к которому они были привязаны. Завышенный курс этих валют препятствовал увеличению экспорта. Так, если в 1995 году экспорт Таиланда вырос на 25%, то в следующем году он даже сократился. В 1996 году, за год до якобы абсолютно неожиданного кризиса в азиатских странах, индекс таиландской биржи снизился на треть.

Поскольку курсы валют азиатских стран, по мнению рыночных игроков, были выше, чем следовало, эти валюты стали объектом спекуляций; то же самое произошло в 1992–1993 годах с валютами ряда стран, присоединившихся к Европейской валютной системе. Когда все готовы покупать что-то дороже, чем оно того стоит, спекулянты, конечно, не упустят случая на этом заработать. К примеру, они занимают гигантские суммы в местной валюте, а затем меняют их на доллары в центральном банке по максимальному курсу. В результате страны, пострадавшие в 1997 году от азиатского кризиса, были вынуждены использовать свои валютные резервы для поддержания завышенного курса.

Таким образом, бегство капиталов из этих стран явилось не результатом бессмысленной паники, а вполне рациональным шагом. Доверие к устойчивости и дальнейшему росту их экономики стало улетучиваться. Более того, исчезала и уверенность в том, что им удастся успешно преодолеть кризис. Все знали об отсутствии в этих государствах эффективных правовых механизмов, например, законов о банкротстве. Теперь же к концу подошли и валютные резервы, служившие гарантией получения иностранных займов и устойчивости всей финансовой системы. В случае массового оттока капиталов валютных резервов этих стран просто бы не

хватило. Инвесторы осознали, что они должны быстро изъять свои капиталы, чтобы вовремя покинуть терпящий бедствие рынок. Вера в способность властей спасти все компании, у которых возникнут неприятности, заколебалась. Первыми, кто избавился от своих авуаров в местной валюте, стали даже не спекулянты, а местные предприятия, которым надо было быстро расплатиться по долгам. Когда азиатским странам из-за истощения резервов пришлось отказаться от завышенного валютного курса, недоверие к ним возросло еще больше. Началось бегство капиталов, новые кредиты никто не предоставлял, и корпорации внезапно лишились финансирования. Механизм кризиса был запущен.

Несомненно, позиция одних инвесторов влияла на действия других, и нечто вроде «стадного чувства» действительно возникло, но и в данном случае это не было слепой панической реакцией. Страны со здоровой экономикой и прочными институтами — например, Тайвань, Сингапур и Австралия — устояли, в то время как их соседи катились в пропасть. Так что название «азиатский кризис» не совсем точное. По зрелом размышлении становится ясно: глубина кризиса, охватившего ту или иную страну, зависела от ее экономической политики. Двое исследователей, проанализировавших развитие кризиса, пришли к следующему выводу: «Мы не нашли никаких свидетельств „эпидемии“ — когда валютные затруднения, возникшие у одной страны, перекидываются на другие. У всех стран, столкнувшихся с наиболее серьезными финансовыми трудностями, были реальные проблемы в экономике, во многом связанные с чрезмерным ростом объема банковских кредитов, банковских займов и финансовой несостоятельностью компаний»⁹.

Последствия кризиса ощущались в самых разных странах, но в условиях взаимозависимого мира события в одном регионе, естественно, не могли не затронуть и другие — и дело здесь не в иррациональном «стадном чувстве». Недостаток ликвидности — то есть ситуация, когда вам срочно нужны деньги, но у вас нет свободных средств, поскольку все ваши капиталы уже вложены, — означает, что инвесторы вынуждены выводить капиталы из других подверженных риску стран. Если на одном из крупнейших рынков, где вложены американские капиталы, возникает жестокий кризис, это не может не затронуть компании и банки США, а значит, и эко-

номику страны в целом. Банки азиатских стран, охваченных кризисом, начали выводить средства из России, что создало проблемы для бразильских банков и фондов, одолживших деньги российским компаниям, а дальше началась цепная реакция. Однако подобные последствия международного масштаба бывают не только негативными. Позитивное развитие событий в одной стране оборачивается позитивным эффектом для других. Предшествовавший кризису подъем в Латинской Америке и Азии способствовал благоприятной экономической конъюнктуре в Европе и США. И вполне вероятно, что укрепившаяся в результате этого экономика США предотвратила глобальную депрессию в ходе азиатского кризиса и помогла странам Азии быстро оправиться от его последствий.

Утверждения Наоми Кляйн и других авторов о том, что кризис свел на нет все предыдущие достижения восточноазиатских стран, — полная чушь. В одной из наиболее пострадавших стран — Южной Корее — ВВП на душу населения в пересчете на покупательную способность в 1998 году снизился до уровня 1995 года, но даже этот уровень был вдвое выше, чем в середине 80-х. К тому же всего через год, в 1999-м, ВВП Южной Кореи достиг рекордно высокого объема. Представители левых движений также чрезвычайно преувеличивали некоторые аспекты кризиса. Некоторые даже утверждали, что из-за него 50 миллионов индонезийцев оказались в абсолютной нищете (то есть их доход составил меньше доллара в день). Эта цифра вчетверо превышает число людей, временно оказавшихся в полной нищете по всей Юго-Восточной Азии. По официальным данным Всемирного банка, в 1999 году число жителей Индонезии, находящихся в таком положении, увеличилось меньше чем на миллион человек, а с тех пор ситуация в стране улучшилась¹⁰.

Чтобы не было кризисов...

Существует целый ряд методов, позволяющих избегать финансовых и валютных кризисов, но важнейший из них можно сформулировать одной фразой: государство должно прово-

дить здоровую экономическую политику. Первыми свои накопления из страны, которой суждено пережить «бегство капитала», как правило, выводят ее собственные граждане, больше других «погруженные» в ситуацию и часто лучше всех знающие, какие экономические проблемы власти пытаются скрыть. Это позволяет предположить, что резкий всплеск недоверия к стране порождается реальными проблемами, а не незнанием ситуации или «цепной реакцией». Чтобы избежать кризиса, государство должно прежде всего контролировать собственный бюджет и инфляцию. Среди причин азиатского кризиса галопирующий бюджетный дефицит и высокая инфляция не фигурировали, но именно эти явления чаще и быстрее всего приводят к подрыву доверия к экономике страны.

Для государств с развивающейся рыночной экономикой самая важная задача долгосрочного порядка — это реформа правовых и финансовых институтов. Прежде чем «открывать» свою экономику для иностранных капиталов, подобные страны должны осуществить либерализацию внутренних финансовых рынков и торговой политики. В противном случае направленность потоков капитала будет дисгармонизировать с потребностями рынка в целом, что приведет к инвестиционным диспропорциям. Систему надзора и регулирования на финансовом рынке необходимо перестроить, обеспечив в этом секторе конкуренцию. На смену коррупции и кумовству должны прийти верховенство закона и принцип максимальной отдачи от вложенного капитала. Поскольку в критической ситуации незнание реального положения дел нередко порождает панику, большое значение имеет надежность официальной информации и прозрачность сделок с участием как государства, так и частных корпораций (заметим, что правительства многих азиатских стран сознательно игнорировали этот принцип). Необходимо разработать систему объективной оценки кредитоспособности компаний и законодательство о банкротстве — во многих странах Азии эти инструменты также отсутствовали. Международное сообщество может предоставить стране рекомендации о способах укрепления ее финансового рынка. На международном уровне следует добиться координации систем бухгалтерской отчетности и страхования капиталов, а также заключить договоры о согласованных мерах, направленных на преодоление финансовых кризисов, — пока что в этой сфере существует разнობой.

Бесспорно, за либерализацией финансовых рынков порой действительно следуют финансовые кризисы. Причина этого, однако, заключается не в самой либерализации, а в отсутствии необходимых институтов, которые следовало создавать одновременно. Экономист Джагдиш Бхагвати — один из тех ученых, которые отмечают: если либерализация потоков капитала предшествует проведению других важных реформ, могут возникнуть серьезные проблемы. Чтобы этого избежать, по его мнению, следует не вводить контроль над движением капиталов, а сначала обеспечить политическую стабильность, свободу торговли и провести внутриэкономические реформы, например приватизацию, и уже после этого приступать к либерализации финансового рынка¹¹. На практике, однако, либерализация финансовых рынков, будучи не столь уж сложной задачей, часто предшествует внутриэкономическим реформам, осуществление которых занимает больше времени и требует преодоления сопротивления групповых интересов. Немалую долю ответственности за подобное дерегулирование, проведенное без создания необходимых предпосылок, несет МВФ. Двое журналистов из Economist даже сравнили сторонников мобильности капитала из МВФ с недобросовестными торговцами из зоомагазина, с жаром расписывающими покупателю, сколько радости доставит ему собака, забывая при этом упомянуть, что ее необходимо кормить и выгуливать¹².

Сегодня, правда, МВФ в своих рекомендациях уделяет больше внимания долгосрочным задачам по созданию нужных институтов, и правительства стран, которым эти советы адресованы, внимательнее к ним прислушиваются. Эти реформы, несомненно, важны, но они требуют долгой и кропотливой «черной» работы. Призывы к введению контроля над движением капиталов и «налога Тобина», будучи неверными по сути, способны показаться более легким и привлекательным способом решения проблемы, чем трудоемкий процесс постепенного формирования институтов. Впрочем, и ускоренные реформы подобного плана могут оказаться вполне целесообразными — речь идет, в частности, об упразднении контроля над валютным курсом. Кстати, сам Джеймс Тобин, автор идеи о введении налога, названного его именем, указывал на то, что именно фиксированный обменный курс стал, по всей вероятности, главной причиной азиатского кризиса¹³.

При фиксированном курсе валюта часто подвергается атакам спекулянтов. Как только в стране возникают экономические проблемы, порождающие подозрения о возможности скорой девальвации национальной валюты, или появляются признаки инфляционной политики, тут же возникает ощущение, что валютный курс завышен, то есть рыночные игроки решают, что государство ее переоценивает. При режиме фиксированного курса спекулянты могут заработать огромные деньги, получая займы в этой валюте, а затем продавая ее центральному банку страны. По кредитам они расплачиваются потом, когда государству уже пришлось девальвировать национальную валюту, понизив ее обменный курс, и это им обходится значительно дешевле. Завышенный обменный курс по сравнению с соотношением спроса и предложения и стоимостью данной валюты после вероятной девальвации фактически представляет собой косвенное субсидирование спекулянтов. Государство, по сути, само «покупает» себе валютный кризис. Неверное ценообразование несовместимо со свободным движением капитала; главное — установить, в чем корень зла: в неправильных ценах или «неправильном» движении капиталов. Спекулянт, продающий национальную валюту центральному банку, который готов платить за нее завышенную цену, по сути, поступает точно так же, как тысячи европейцев, выращивающих сахарную свеклу, потому что ЕС платит за нее больше, чем она стоит.

Когда фиксированный курс валюты завышен, спасти положение уже невозможно — что бы ни предпринимало правительство. Оно может поддерживать этот курс ценой колоссальных расходов, истощая свои валютные резервы, — результатом станет повышение процентных ставок, которое удушающе действует на экономику. Альтернативный путь — допустить резкое падение курса национальной валюты до рыночного уровня, но в этом случае предприятия страны не смогут расплатиться по кредитам, которые они взяли за рубежом, когда курс был еще высоким. В обоих случаях страну ждет кризис. Авторы одного исследования отмечают, что практически во всех случаях фиксированный курс рано или поздно приводит к валютному кризису. Именно это произошло со странами — участницами Европейской валютной системы в 1992 году, с Мексикой в 1997-м, с Россией в 1998-м, с Бразилией в 1999-м и с Аргентиной в 2001-м. Тот же вывод, но «от против-

ного», формулируют два других аналитика: «Нам не известно ни одного примера серьезного финансового или валютного кризиса в странах с развивающейся рыночной экономикой, где действует абсолютно гибкий валютный курс»¹⁴.

«Диктатура рынка»?

Один из аргументов против либерализации финансовых рынков касается не только экономики. По мнению критиков глобализации, это явление угрожает демократии. В условиях свободного рынка капиталы и компании могут быстро покинуть страну, если их не устраивает ее политика. Если владельцы корпораций сочтут, что налоги на родине стали слишком высоки, они переведут свои активы в офшоры. Когда у государства, особенно небольшого, возникает значительный бюджетный дефицит, оно может понести за это наказание в виде повышения процентных ставок. Обозреватель *New York Times* Томас Фридман уподобил воздействие глобализации на правительства «смирительной рубашке из золота»: гибкость их политического курса ограничивается опасением вызвать «бегство» обретающих повышенную мобильность корпораций из страны. Все это, по словам критиков, приводит к тому, что политику государства начинает определять рынок; они говорят даже о «рыночном фашизме» или «диктатуре рынка».

Последняя формулировка выглядит хлесткой, но полностью искажает действительность — ведь она либо преуменьшает преступления реальных диктаторских режимов, либо представляет явления абсолютно противоположного характера как две вариации на одну и ту же тему. Вероятно, первым в истории примером неконвертируемой национальной валюты — то есть валюты, которую гражданам было запрещено обменивать на деньги других стран, — стала рейхсмарка в нацистской Германии, проводившей жесточайшую протекционистскую политику. Что же касается коммунистических режимов, то они рассматривали политическую диктатуру как необходимое условие для создания административно-командной системы в экономике. Смена правительств и свобода дискуссий не позволяет составлять долгосрочные государственные планы в масштабах всего народного хозяйства: эти демократические принципы совместимы лишь с либеральной рыночной экономикой, где каждый принимает решения самостоятельно.

В государствах, где на смену диктатуре приходит демократия, одним из первых шагов новой власти становится открытие рынков и либерализация экономики. Тот же принцип действует и в обратном направлении: если диктаторский режим допускает свободу в экономике, он не в состоянии долго закрывать путь политической демократии. В последние десятилетия мы на примере многих стран наблюдали, как диктаторы, давшие гражданам свободу выбора товаров и вложения капиталов, вскоре вынуждены были предоставлять им и свободу выбора руководителей. Именно это происходило с диктаторскими режимами в Юго-Восточной Азии и Латинской Америке. В Мексике однопартийная система рухнула через несколько лет после введения свободной торговли. После азиатского кризиса диктатура Сухарто в Индонезии развалилась как карточный домик. Сегодня мы наблюдаем первые случаи утверждения демократии в Африке, и происходит это в государствах, выбравших путь экономической открытости.

Очень многие считают, что в арабских государствах, где женщины лишены равных прав с мужчинами, а основанная на нефтедобыче экономика носит плановый характер, демократия невозможна. Однако в двух арабских государствах — Катаре и Бахрейне — осуществляются либеральные экономические реформы, которые уже привели к росту. Этот экономический рост сопровождается и постепенными политическими реформами. Власти Катара отказались от цензуры в печати, и спутниковый телеканал «Аль-Джазира» действует совершенно свободно — даже *слишком* свободно, по мнению американцев, которых он критикует за войну с талибами в Афганистане и с режимом Саддама Хусейна в Ираке. Вашингтон попытался оказать на правительство Катара давление, требуя, чтобы оно взяло под контроль деятельность телеканала, но в ответ услышал, что в стране, где существует свобода слова, подобные меры невозможны. Кроме того, в Катаре состоялись демократические выборы в местные органы власти, в которых женщинам было разрешено участвовать не только в качестве избирателей, но и в качестве кандидатов. Новый лидер Бахрейна выпустил на свободу политических заключенных и разрешил диссидентам, жившим в изгнании, вернуться в страну для участия в политическом диалоге. В 2002 году в стране состоялись выборы не только в муниципальные ор-

ганы, но и в национальный парламент: здесь женщины также получили и право голоса, и право выставлять свои кандидатуры. Когда люди становятся богаче, образованнее и привыкают к возможности выбора, они уже не готовы мириться с тем, что за них решают другие; рыночная экономика нередко способствует утверждению демократии, точно так же, как политическая демократия приводит к либерализации экономики. Когда социальные группы, прежде исключенные из политического процесса, получают право голоса в вопросах управления страной, элите труднее сохранять за собой привилегии, которыми она пользуется за счет народа. Результатом становятся новые шаги по экономической либерализации, которые сокращают число бедных, а значит, способствуют укреплению демократии. В условиях децентрализованной экономической системы появляется возможность для формирования групп, независимых от государственной власти, что, в свою очередь, создает основу для политического плюрализма. Исследования по вопросам, связанным с экономической свободой, показывают, что страны, где гражданам разрешено вести международную торговлю, имеют в четыре раза больше шансов на утверждение политической демократии, чем государства, где люди лишены этого права. В этом заключалась одна из причин активной поддержки китайскими демократами вступления страны во Всемирную торговую организацию: членство в ВТО создает условия для большей прозрачности и демократизации. После присоединения к ВТО диктаторский режим с присущими ему тиранией и произволом вынужден подчиняться международным нормам хотя бы в одной сфере. Вскоре после вступления Китая в ВТО один диссидент, находящийся за решеткой, выразил свои надежды, связанные с экономической открытостью, следующим образом: «До этого небо было черным-черно. Теперь мы увидели свет. Это может быть началом новой эпохи»¹⁵.

История XX века наглядно показала, что с демократией совместима лишь одна экономическая система — капиталистическая. Любые разговоры о «диктатуре рынка» просто оскорбительны в своем невежестве и неуважении к фактам и здравому смыслу.

Любой должник в каком-то смысле несвободен. Если власти допускают бюджетный дефицит и высокую задолженность, это вызывает на рынках подозрения. Чтобы восстано-

вить доверие к экономике страны, необходимы реформы — иначе международные инвесторы будут предоставлять новые займы под более высокий процент, а то и вообще откажутся выдавать кредиты. Таким образом, сегодня государство действительно может попасть в зависимость от «милости рынка», но винить за это оно должно себя, а не рынок. Если государство проводит неразумную бюджетную политику и финансирует свои расходы не за счет собственных средств, а на деньги международного рынка, значит, оно добровольно идет на такую зависимость.

Международные финансовые рынки возникли в ходе кризисов 1970-х годов, потому что «государства всеобщего благосостояния» нуждались в кредитах для финансирования своих расходов. Тем самым их правительства расширяли пространство для маневра. Иначе — в отсутствие финансовых рынков, которые дают передышку, пока поступления в казну не увеличатся, — пришлось бы «жить по средствам». В результате у государств, проводящих разумную и стабильную экономическую политику, сегодня в распоряжении намного больше вариантов действий, чем в тот период, когда международных финансовых рынков еще не было. Однако прошлый опыт учит кредиторов не доверять странам, у которых накопился большой государственный долг. Часто такие государства снижают реальные объемы платежей по иностранным займам за счет раскручивания инфляции или девальвации национальной валюты. Поэтому игроки финансовых рынков внимательно следят за действиями правительств и не предоставляют кредиты на благоприятных условиях тем из них, которые не выглядят надежными заемщиками. Тем не менее кредиторы, диктующих условия предоставления займов, нельзя ставить на одну доску с диктаторами. Никто не лишает государства суверенного права проводить любую экономическую политику, в том числе ошибочную; они лишь теряют возможность финансировать свои ошибки за счет других.

«Не было, кажется мне, еще почти ни одного примера того, чтобы национальные долги, накопившиеся до известных пределов, были потом полностью и честно выплачены. Освобождение государственных доходов от лежащих на них обязательств, если оно вообще когда-нибудь происходило, всегда

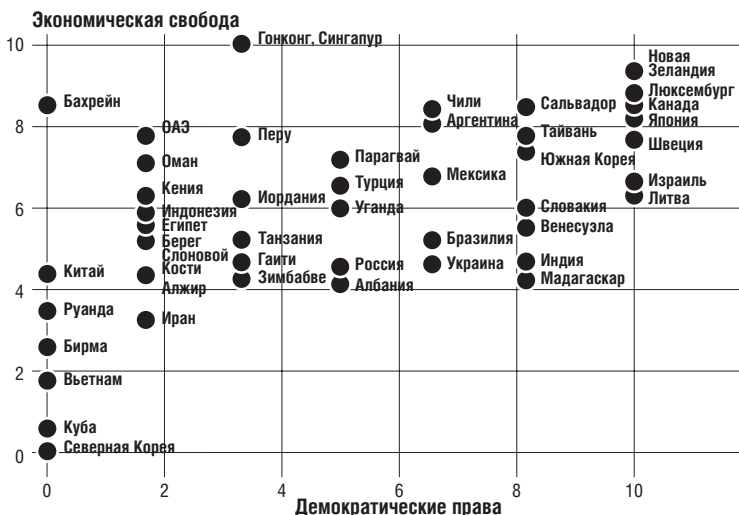
*производилось посредством банкротства — в некоторых случаях открыто признанного, но всегда настоящего банкротства, хотя часто в виде фиктивного платежа» (Адам Смит, 1776)*¹⁶.

Оценка рынком ситуации в стране часто играет позитивную роль. Так, в 1980-х годах диктаторские режимы в латиноамериканских государствах рухнули после того, как международный рынок отказался и дальше финансировать экономику этих стран из-за высокой задолженности и постоянных кризисов. После азиатского кризиса большинство стран региона стали проводить политику открытости и демократизации. Инвесторам как воздух необходимы объективные данные и законность, поэтому засекречивание информации и коррупция для них неприемлемы. Если в отношении политической элиты страны возникают подозрения в злоупотреблениях, бегство капиталов неизбежно; и напротив, один из самых эффективных способов привлечения инвестиций — обеспечение прозрачности и гласности в сфере государственной политики.

Некоторым сама идея о том, что рынок «выносит вердикты» государственной политике, представляется антидемократичной. По их мнению, кредиторы должны соблюдать спокойствие и с готовностью выдавать займы — даже в тех ситуациях, когда есть все основания предполагать, что правительство, раскручивая инфляцию, вернет им гроши. Но тогда «антидемократическим актом» следует признать и то, что налогоплательщики размещают свои накопления за рубежом. Называть «антидемократичным» стремление людей защитить свои интересы от последствий ошибочной политики могут только те, для кого демократия — синоним тотального государственного контроля и фактического подчинения народа правителям. Если *это* считать демократией, тогда публичные проявления инакомыслия или журналистские расследования — тоже «антидемократичные» действия. Однако подобная «демократия» больше напоминает диктаторский режим, требующий от всех полного повиновения¹⁷.

На самом же деле эти критики считают, что рынок угрожает не демократии, а политическому курсу, который, по их мнению, должны проводить демократические страны, — курсу на расширение возможностей государства

Рисунок 31. Капитализм и демократия идут рука об руку (индексы экономической свободы и демократических прав на основе данных по 46 странам)

Источник: Donway R. Lands of Liberty // Navigator. 2000. № 4.

влиять на решения граждан в экономической сфере. Но, если честно сказать, что рынок угрожает контролю государства над нашими действиями, это, конечно, не добавит таким деятелям популярности, в то время как заявлениями об угрозе демократии можно привлечь людей на свою сторону. Если же докопаться до сути, то почему интересам демократии должно способствовать предоставление властям, пусть и демократически избранным, бóльших возможностей принимать решения за граждан? По этой логике получается, что США станут более демократичной страной, если правительство будет решать, на ком американцам жениться, где работать и о чем следует писать в газетах. Ответ очевиден. Народ должен большинством голосов избирать своих политических представителей, но это не означает, что избранные таким образом представители имеют право решать, как людям следует жить. Демократия — это способ управления государством, а не обществом.

Если государству под давлением рынка приходится менять политический курс, на первый взгляд действительно

может показаться, что в этом есть угроза демократии. Представьте, говорят критики, что правительству США пришлось бы отказаться от двойного налогообложения доходов с капитала под угрозой того, что в противном случае корпорации «убегут» из страны. Но подобная точка зрения опять же предполагает, что люди обязаны всегда подчиняться политическим решениям и что политический процесс состоит исключительно из решений, принимаемых Конгрессом по собственной воле, без всяких посторонних влияний. Однако на деле все происходит не так: проблемы и импульсы, заставляющие менять статус-кво, часто приходят извне, а не от самих политиков. Одна из задач демократической системы как раз и состоит в том, чтобы корректировать политику страны в соответствии с меняющейся обстановкой, и когда подобная адаптация происходит, ничего противоречащего демократии в этом нет. Если бы было иначе, то угрозой для демократии следовало бы считать любые факторы, вынуждающие правительство повышать налоговое бремя и увеличивать государственные расходы выше уровня, обещанного политическими партиями на выборах. А таких факторов — бесчисленное множество; среди них давление общественных организаций (например, «зеленых»), расширение госаппарата масштабов собственной деятельности или стремление политиков удовлетворить сторонников своей партии. Но мне не приходилось слышать, чтобы кто-то называл подобное положение дел «диктатурой государственных расходов».

На мой взгляд, тезис о том, что рынок заставляет государство принимать те или иные политические решения, выдуман малодушными политиками. Не имея достаточной энергии или таланта, чтобы убедительно объяснить народу необходимость сокращения государственных расходов или либерализации экономики, такие политики заявляют, что эти шаги носят вынужденный характер, поскольку навязаны глобализацией. Это, конечно, удобная отговорка и к тому же клевета на рыночную экономику.

Аргументы в защиту тезиса о том, что политика экономической либерализации проводится под давлением рынка, вызывают большие сомнения. Рыночные игроки не требуют от государств принимать на вооружение либеральную идеологию, обещая в обмен «вознаградить» их при выборе объектов для инвестиций; им достаточно того, чтобы в экономике

страны был порядок и она не находилась на грани коллапса. Реакция рынка на тот или иной курс в экономической политике — одна из причин все большего распространения таких позитивных явлений, как сокращение бюджетного дефицита, обуздание инфляции и снижение процентных ставок в тех странах, где раньше наблюдалось нечто прямо противоположное. Вряд ли вы понесете свои деньги в пенсионный фонд, который вкладывает капиталы исходя из идеологических, а не экономических соображений. Если с экономикой страны все в порядке, инвесторам не важно, является она социал-демократическим «государством всеобщего благосостояния» или устроена ультралиберальным образом, так что роль государства сводится к функциям «ночного сторожа». За примером далеко ходить не надо: одним из самых «глобализованных» государств мира является Швеция, хотя налоги там выше, чем в большинстве стран.

За два последних десятилетия глобализации мы стали свидетелями разрастания государственного аппарата. С 1980 по 1995 год средний уровень налогообложения по всему миру увеличился с 22,6 до 25,9% ВВП, а объем государственных расходов — с 25,7 до 29,1% ВВП¹⁸.

Тот факт, что люди и корпорации получили свободу передвижения, не обязательно означает, что они немедленно переместятся в страны с самыми низкими налогами. Они направятся туда, где, по их мнению, получают больше благ за уплаченные налоги. Граждане не станут покидать страну, если решат, что качество социального обеспечения и иных услуг, оказываемых государством, стоит тех денег, которые они ему отдают. Аналогичным образом корпорации тоже останутся в стране, где наука, образование и инфраструктура стоят тех налогов, которые с них взимает государство. Только если налоговые поступления расходуются неэффективно или на цели, не отвечающие потребностям граждан (что, как известно, время от времени случается), свобода передвижения людей и капиталов может создать государству проблемы. Будет не просто поддерживать высокий уровень налогообложения, если люди считают, что они ничего не получают за свои деньги. Но в этом, по-моему, нет ничего «антидемократичного».

Возможно, глобализация даже способствует сохранению именно той политической системы, которая соответствует желаниям избирателей, — даже если они предпочитают

вариант с высокими налогами и масштабным госсектором в экономике. Это связано с тем, что глобализация и свободная торговля облегчают нам возможность получать то, чего не может дать существующая на родине система, за счет обмена со странами, где утвердилось иное устройство. Например, если государственная монополия в сфере здравоохранения, действующая в Великобритании и Канаде, не создает стимулов для научных исследований и разработки новых медицинских технологий, есть возможность импортировать все необходимое из стран, где этот сектор развивается динамичнее. Если высокие налоги препятствуют формированию внутреннего рынка капиталов, компании могут получить нужные средства в других странах. Глобализация позволяет странам приобретать то, что они не в состоянии с успехом делать сами. Естественно, при определенном политическом курсе проблемы остаются. Если государство не создает собственным гражданам возможностей и стимулов для повышения образовательного уровня и развития производства, ему будет нечего предложить на международном рынке. Но это не отменяет главного: характер существующей у нас в стране политической системы по-прежнему определяем мы, избиратели, на основе тех ценностей, которым мы привержены.

Глава 7

Не стандартизация, а либерализация

Право на культурное разнообразие

Если бы детям приходилось до всего доходить своим умом, их развитие сильно замедлилось бы. К счастью, родители всегда готовы им помочь, поделившись знаниями и опытом. Таким образом, дети получают «в готовом виде» нужную информацию — родители объяснят им, что съедобно, а чем можно отравиться, расскажут, как добраться до центра города, научат плавать. Одно из величайших преимуществ глобализации заключается в том, что молодые государства получают возможность учиться на опыте «старших». Развивающиеся страны, естественно, не «дети», а промышленно развитые государства, конечно, им не «родители», но экономика последних уже прошла через те этапы, которые первым еще предстоит преодолеть. Поэтому на осуществление необходимых преобразований развивающиеся страны имеют возможность затратить значительно меньше времени, чем ранее западный мир. Они могут «срезать путь» и учиться на наших прошлых ошибках. Так, Тайвань всего за четверть века достиг того уровня развития, к которому западные страны шли от восьмидесяти до ста лет.

Страны третьего мира в состоянии «перескочить» через промежуточные стадии и заимствовать технологии, разработанные, например, в Европе и Соединенных Штатах. Наглядный пример в этом плане — мобильная связь. Развивающимся странам не нужно тратить огромные деньги на создание стационарной телефонной сети: минуя эту стадию, они могут сразу перейти на беспроводные технологии. Мобиль-

ные телефоны сейчас доступны даже бедным людям; с их помощью они узнают, например, цены на продукцию, которую производят. Во многих из этих стран сегодня существуют компании, дающие телефоны напрокат, или сельчане в складчину покупают один мобильник на всех. В результате на рынках устанавливаются более стабильные цены, а продукты питания не портятся, поскольку теперь можно договориться о точном времени их доставки.

Халима Хатуун — неграмотная крестьянка из Бангладеш. Она продает яйца торговцу, который в обговоренный срок приезжает в ее деревню. Раньше Халима была вынуждена отдавать яйца по той цене, которую он назначит, поскольку не имела возможности связаться с другими покупателями. Но однажды, когда торговец приехал и предложил ей 12 така за четыре яйца, она попросила его подождать, позвонила по мобильному телефону в другую деревню и, выяснив, что там за четыре яйца дают 14 така, стала торговаться и добилась от покупателя повышения цены до 13 така. Таким образом, женщина отстояла свои интересы благодаря информации о ситуации на рынке¹.

Сегодня новые информационные технологии радикально преобразуют традиционные виды экономической деятельности по всему миру. Сотни кустарей из Марокко, Туниса, Ливана и Египта (многие из них — женщины), прежде лишенные доступа на международный рынок, могут продавать свою продукцию по Интернету, через специальную сеть под названием Virtual Souk². Объемы продаж выросли, и с каждого изделия ремесленники теперь получают больше денег, чем при прежней системе.

С помощью Интернета и спутниковой связи граждане бедных стран ныне имеют возможность работать на западные компании, чьи штаб-квартиры расположены за тысячи километров. Благодаря Интернету рекомендации квалифицированных врачей и качественное образование сегодня доступны не только жителям больших городов. Люди, конечно, жалуются, что прогресс в этой области идет слишком медленно и среди пользователей Интернета по-прежнему преобладают граждане богатых западных стран, но такие

пессимисты просто не способны взглянуть на проблему в исторической перспективе. Интернету в его нынешнем виде всего 5000 дней от роду, а он уже достиг каждого десятого жителя планеты. Ни одна технология в истории не распространялась с такой скоростью. Телефон существует 125 лет, но еще совсем недавно половина человечества не имела возможности пользоваться этим видом связи. Интернет развивается гораздо быстрее, и причиной тому — глобализация. В Пекине и Шанхае уже каждая десятая семья имеет компьютер, и через несколько лет самым распространенным языком в Интернете станет китайский.

Способность развивающихся стран двигаться к прогрессу кратчайшей дорогой побуждает некоторых задуматься об общей цели в конце этого маршрута — «пункте назначения», в котором сойдутся все страны. У многих подобный образ вызывает беспокойство. Они опасаются «макдональдизации» и «диснеизации» планеты, унификации образа жизни в мировом масштабе, в результате чего все будут носить одинаковую одежду, есть одну и ту же пищу, смотреть одни и те же фильмы. Но эта картина неточно отражает процесс глобализации. Сегодня в любой европейской столице вы без труда найдете кока-колу и гамбургеры, но с той же легкостью сможете отведать кебаб, суши, утку по-пекински, блюда мексиканской и тайской кухни, французские сыры или капучино. Всем известно, что американцы слушают Бритни Спирс и смотрят фильмы Адама Сэндлера, но не стоит забывать о том, что в этой стране существует 1700 симфонических оркестров, оперу посещают 7,5 миллиона человек в год, а музеи могут похвастаться 500 миллионами экскурсантов³. Глобализация несет миру не только пошлые реалити-шоу или навязшие в зубах музыкальные клипы, но и классику мирового кино на многочисленных кабельных каналах, документальные фильмы на Discovery и History Channel, новости по CNN, MSNBC и множеству конкурирующих информационных телестанций. Сегодня, чтобы познакомиться с литературными и музыкальными шедеврами, достаточно выйти в Интернет и несколько раз щелкнуть мышкой, а на полках ближайшего пункта видеопроката представлена вся история мирового кинематографа.

Со многими оговорками можно согласиться с тем, что мировое развитие действительно идет к общей цели, но эта цель — не гегемония какой-то одной культуры. Напротив,

речь идет о плюрализме, свободе выбрать любую из множества дорог и тропинок. И каждый человек выберет то, что ему по вкусу. Глобализация и развитие международных связей приведут не к тому, что во всех странах будут выбирать одно и то же, а к расширению возможностей выбора для граждан каждой страны. Расширение и интернационализация рынков позволят даже небольшим по масштабу культурным явлениям процветать и развиваться. Возможно, в отдельно взятой стране не так уж много людей интересуется экспериментальная электронная музыка или экранизации романов Достоевского, поэтому у музыкантов и режиссеров, чьи творческие замыслы связаны именно с этим, немного шансов на успех. Но если художник может продемонстрировать свои произведения, к какому бы жанру они ни относились, не только местной, но и всей мировой публике, на них всегда найдется спрос. Глобализация повышает шансы каждого получить то, что интересно именно ему, даже если «родственных душ» у него окажется немного. У марокканского народного искусства или французского сыра рокфор больше шансов сохраниться, если рынком для них станет вся планета. Когда спрос приобретает мировой масштаб, растет и предложение — неважно, идет ли речь о товарах или культурных явлениях. Именно подобная интернационализация, как это ни парадоксально, и порождает у людей ощущение, что культурные различия стираются. Приезжая в другую страну, вы находите там многое из того, к чему привыкли у себя дома: там тоже есть товары и бренды со всех уголков планеты. Но этот феномен связан не с унификацией и стиранием различий, а, напротив, с развитием плюрализма по всему миру. Лидерство американских брендов в культурной сфере вызвано тем, что американцы привыкли производить коммерчески привлекательный продукт, рассчитанный на очень многих потребителей, — это преимущество связано с большой численностью и языковой общностью населения США. Теперь такой же шанс получают и другие страны.

Конечно, расширение выбора в некоторых случаях приводит и к негативным результатам. Путешествуя в другую страну, вы хотите увидеть нечто новое, уникальное. Поэтому, когда вы приезжаете в Рим и обнаруживаете там голливудские фильмы, китайские рестораны, японских «покемонов» и шведские «вольво», вам недостает местного коло-

рита. При этом многие вещи, которые считаются «визитной карточкой» Италии, — пицца, паста, эспрессо и т. д., — вам уже знакомы, потому что они есть и у вас в стране. А в Риме, к примеру, есть пиццерии, где посетителям предлагают «пиццу по-чикагски». Преимущества, которые мы обретаем за счет богатства выбора у себя дома, имеют оборотную сторону — в результате нам все труднее обнаружить в других странах что-то «исконное», по крайней мере, если речь идет о популярных туристских маршрутах. Проблема налицо, но она из разряда «у кого-то жемчуг мелкий». К одному пражанину иногда приезжают в гости друзья-чехи, которые давно обосновались за границей. Как-то раз они выразили недовольство тем, что в Праге появились закусочные сети McDonald's — по их мнению, это угрожает особому шарму древней чешской столицы. Услышав эти слова, пражанин возмутился. Мой город — не музей, сказал он им: вы бываете в Праге наездами, отдыхаете от фастфуда, а мы здесь живем, и нам нужен живой город, со всеми атрибутами комфорта, в том числе удобными и дешевыми закусочными, которыми на своей новой родине могут пользоваться его друзья-эмигранты. А живой, реальный город — это не набор туристских достопримечательностей. Другие страны и их жители существуют не для того, чтобы обеспечивать нам возможность приятно провести отпуск в живописном «городе-музее». Они, как и мы, имеют право выбирать то, что им нравится⁴.

Культура — не статичное явление, и чем больше возможностей открывается в этой области, тем быстрее она меняется. Когда человек читает в газете или видит по телевизору, как живут другие, воспринять другой образ жизни становится не так уж трудно. Однако, по сути, в представлении о том, что все культуры склонны к изменчивости, взаимному соприкосновению и проникновению, нет ничего нового. Культура означает развитие, а перемены и обновление — его неотъемлемые элементы. Если мы попытаемся «заморозить» какие-то культурные особенности, потому что они отражают нечто уникально американское, тайское, французское, шведское, бразильское или нигерийское, эти явления перестанут быть частью живой культуры. Они станут не элементом нашей жизни, а музейным экспонатом и фольклором. Я ничего не имею против музеев — там можно приятно и интересно провести время, но нельзя жить.

Анализируя идею об изоляции и сохранении культурного наследия, норвежский ученый Томас Хюлланд-Эриксен, специалист по социальной антропологии, отмечает, что культура — не статичный объект, а процесс, а потому пределов ее развития, по сути, не существует: «Когда государство берет на себя роль гаранта культурной идентичности народа, культура определяется и кодифицируется на косном административном языке бюрократии. Она утрачивает живость, динамичность, изменчивость и многообразие, превращаясь в жесткую законченную конструкцию, которая рухнет, если вынуть из нее хоть один кирпичик»⁵.

Даже многие из традиций, которые мы считаем «аутентичными», связаны с культурными заимствованиями⁶. Так, многие иностранцы просто не могут поверить в то, что в Швеции свято соблюдается традиция в сочельник смотреть по телевизору мультфильмы про Дональда Дака, а праздник, который мы отмечаем за одиннадцать дней до Рождества, когда девушки-блондинки украшают прически зажженными свечками, связан с именем итальянской святой. Перуанский писатель Марио Варгас Льоса пишет, что многие годы изучения культуры, особенно французской, которую политики в этой стране стремятся «защитить» протекционистскими тарифами и субсидиями, привело его к следующему выводу:

Самый поразительный урок, который я усвоил... заключается в том, что для сохранения культуры ее не нужно защищать с помощью бюрократии и полиции, ограждать решетками или изолировать таможенными барьерами — в этом случае она провинциализируется и чахнет. Она должна жить свободно, быть открытой для взаимообмена с другими культурами, благодаря которому обновляется и обогащается.

Культуре, которая дала миру Монтеня и Флобера, Дебюсси и Сезанна, Родена и Марселя Карне, угрожают не динозавры из «Парка Юрского периода», а банда демагогов, говорящих о культуре так, словно это мумия, которую нельзя вынести на открытый воздух окружающего мира, потому что свобода ее погубит⁷.

Соприкосновение культур, вызванное глобализацией, снижает риск того, что люди могут оказаться в «ловушке» какой-

то одной культуры. Возможно, ревнителям традиций будет неприятно это услышать, но многие люди мечтают освободиться от пут и стереотипов культурной среды, к которой они принадлежат. Глобализация просто необходима, чтобы избавиться от навязанных обычаем гендерных ролей, жить, руководствуясь собственными ценностями, или порвать с семейной традицией и самостоятельно выбрать профессию по душе. Примеры из других культур могут помочь людям. Элите не удастся и дальше убеждать народ, что образ жизни, который она считает правильным, — единственно возможный, если по телевизору и Интернету люди получают массу информации о бесконечном разнообразии вариантов. Политические лидеры не смогут открыто выступать за гомофобию, если им придется вести торговые переговоры с представителями других стран, не скрывающими своей нетрадиционной сексуальной ориентации. Постоянные встречи с людьми, которые думают и живут не так, как мы, — отличное противоядие от узколобости и «местечковости» мышления, чванства и самоуспокоенности.

Британский социолог Энтони Гидденс приводит пример из собственного опыта, свидетельствующий о том, как слепая приверженность установленным традициям порой подавляет личность: «Если у меня возникает мысль, что традиционная семья, возможно, все-таки наилучший вариант из всех, я вспоминаю разговор с моей двоюродной бабушкой. Ее брак был рекордно долгим — они с мужем прожили вместе более шестидесяти лет. Так вот, как-то раз она сказала мне, что все эти годы была глубоко несчастлива в браке, но в те времена другого выбора у нее просто не было»⁸.

Не существует универсальной формулы для вычисления оптимального соотношения традиций и современности в культурной сфере. Каждый человек определяет этот баланс по-своему. В каких-то случаях это может привести к отмиранию тех или иных культурных форм. Но теперь, когда к каждой культуре получают доступ люди, для которых она не является родной, ее шансы сохраниться повышаются не из-за поддержки в силу обычаев, а за счет распространения путем свободного осознанного выбора. Как заметил писатель Салман Рушди, корни — это атрибут деревьев, а не людей.

Свобода покоряет все новые рубежи

Открытость внешним влияниям способствует распространению самых привлекательных и убедительных идей. Потому что идеи свободы и индивидуализма в период глобализации обрели такую невероятную силу. Мало что способно так вдохновить людей, как перспектива стать хозяином собственной жизни. Это стремление становится практически неодолимым, когда выясняется, что в других странах люди имеют такое право. Возможность беспрепятственно соприкоснуться с новыми мыслями, образами, звуками, свобода выбора побуждает людей требовать еще более широких прав принимать решения самостоятельно. Поэтому люди, получившие свободу в экономике, начинают требовать и политической демократии, а добившись демократии, требуют неукоснительного соблюдения прав личности. Идея прав человека все больше овладевает миром. Если и можно говорить о тирании каких-то различий, то лишь в том смысле, что разные общества движутся к демократии, к тому, чтобы людям было позволено жить так, как они хотят. Единообразие заключается в том, что все больше людей получают одно и то же право — быть не такими, как другие.

«Презрение, с которым прежде относились к людям из низших каст, исчезло почти полностью. Теперь мне ясно, что все — даже неприкасаемые — такие же люди, как и я, и у них тоже есть чувство собственного достоинства. В конце концов, кровь у нас у всех одинакового цвета» (индийский крестьянин Рам Вишал, принадлежащий к средней касте)⁹.

Над этим стоит призадуматься сторонникам расистской идеи о том, что некоторые народы не могут «правильно распорядиться» свободой, что на какое-то время им нужна «твердая рука» или что иностранцы не могут судить о внутренней политике того или иного государства. Если в других странах власти угнетают собственных граждан, мы не только имеем право, но, скорее, обязаны бороться с такой политикой. Представление о том, что в различных странах понятие человеческого достоинства должно трактоваться по-разному, сегодня уже кажется бесспорным. Важной вехой в этом отношении стал случай, когда испанскому прокурору удалось

вынудить английские власти арестовать бывшего чилийского диктатора Аугусто Пиночета, находившегося с частным визитом в Великобритании, — пусть даже в итоге он и не предстал перед судом. Не стоит удивляться, что это решение страшно возмутило кубинского диктатора Фиделя Кастро, хотя они с Пиночетом придерживаются совершенно противоположных политических взглядов. Его разгневало то, что в мире остается все меньше безопасных мест для тиранов. Сегодня деспоты и виновники массовых убийств, которые еще десятилетие назад без помех разъезжали по свету, рискуют, выехав за рубеж, оказаться перед трибуналом для военных преступников или международным судом. Это, в свою очередь, стало вдохновляющим примером для судебных систем на уровне отдельных государств — вот наглядное свидетельство тому, что международное законодательство не подменяет, а скорее дополняет национальное. Вероятно, не за горами тот день, когда совершать преступления против человечества станет слишком опасно.

Конечно, будущее не предопределено. Существует много вариантов развития, и ничто не заставляет нас выбрать именно путь глобализации. Всегда есть возможность «запереть» в стране капитала, поставить барьеры на пути международной торговли и «забаррикадировать» государственные границы. Такое уже случалось в истории как минимум однажды — после глобализации конца XIX века. Тогда в течение нескольких десятилетий мир становился все более демократичным и открытым. Люди могли пересекать границы, не предъявляя паспортов, и устраиваться на работу в других странах, не спрашивая разрешения властей. Они без каких-либо препон получали гражданство того государства, где хотели обосноваться. Однако в начале XX века, после нескольких десятилетий антилиберальной пропаганды и националистского «бряцания оружием», эта открытость сменилась централизацией и закрытием границ. Страны, еще вчера торговавшие и совместными усилиями утверждавшие общие идеи, теперь стали считать друг друга врагами и готовиться к войне во имя традиционных ценностей. Утвердилось мнение, что новые рынки надо завоевывать не в конкурентной борьбе, а силой оружия. Первая мировая война, разразившаяся в 1914 году, положила конец периоду глобализации: повсюду воцарились протекционистская политика и визовый режим.

Многие последствия глобализации могут легко вызвать подозрение — ведь она ломает традиционные экономические механизмы, подрывает устоявшиеся групповые интересы, подвергает сомнению прежние культурные формы и ослабляет существующие центры влияния. Когда национальные границы перестают играть прежнюю роль, большую свободу передвижения обретают не только люди, товары и капиталы, но и преступность, фанатизм, болезни. Сторонникам глобализации необходимо убедительно доказать, что преимущества, связанные с расширением свободы и возможностей, компенсируют эти негативные явления. Следует искать и находить способы решения этих проблем — причем более эффективные, чем прежние. В противном случае реальной станет опасность, что в западном мире утвердятся антиглобалистские взгляды, и тогда экономический спад или обычная тарифная война могут вызвать мощную протекционистскую реакцию. После биржевого краха на Уолл-стрит в 1929 году Соединенные Штаты перешли к радикальной протекционистской политике, в результате на многие годы их единственным «экспортным товаром» стала экономическая депрессия. Правительства других стран ответили аналогичными мерами, и международная торговля рухнула: всего за три года ее объем сократился на две трети. Кризис в одной стране породил депрессию мирового масштаба. Сегодня возврат к протекционизму обернулся бы стагнацией для богатых стран и усилением нищеты — для развивающихся. В худшем случае это приведет к новому витку конфликтов, к тому, что страны опять станут относиться друг к другу с враждебностью. Когда государство замыкается в себе, рассматривая все, что исходит из-за рубежа, как угрозу, а не как многообещающую возможность, дело заканчивается усилением национализма в его самых примитивных и грубых формах.

Впрочем, опасность, что нынешняя глобализация тоже «потерпит крушение», не так велика. Империалистские амбиции сегодня не в чести, и к глобализации уже подключилось беспрецедентное количество демократических стран. Идеи демократии и прав человека обретают все больше влияния, а Азия и Латинская Америка сегодня сделали свой выбор и активно интегрируются в мировую экономику. Большинство стран мира стремятся, чтобы международная торговля регулировалась многосторонними соглашениями, например

в рамках ВТО, — это не позволит властям могущественных держав нарушать свободу торговли в своих интересах. Но даже если распространение демократии и рыночной экономики будет продолжаться, это не значит, что перед всеми лежит единственный путь развития. Такие государства, как Бирма и Северная Корея, наглядно демонстрируют, что самоизоляция от глобальных тенденций вполне возможна — если, конечно, вы готовы расплачиваться за это угнетением и нищетой. Да и страны ЕС никто не принуждает к либерализации рынка — опять же, если мы готовы поступиться свободой и процветанием, которые несет с собой такая либерализация, и обречь бедняков в развивающихся странах на страдания ради сохранения наших тарифных барьеров. Участие в процессе глобализации не носит обязательного характера, но оно желательно — ведь глобализация не сможет развиваться сама по себе, если никто не будет ее поддерживать, если никто не захочет бросить вызов изоляционизму.

Любые перемены вызывают подозрения и тревогу, и порой для этого есть основания — ведь даже позитивные изменения в краткосрочной перспективе часто имеют негативные последствия. Политические руководители не желают брать на себя ответственность за неудачи и проблемы, им удобнее обвинить в этом кого-то другого. Глобализация в этом смысле — просто идеальный козел отпущения, ведь в этом процессе представлены все те «анонимные» силы, что служили мишенью для политиков на протяжении всей истории человечества: другие страны, другие расы и народности и «беспощадный» рынок. Глобализация не может защититься от обвинений политиков в том, что она приводит к экономическим потрясениям, обнищанию народов и обогащению ничтожного меньшинства, или от утверждений предпринимателей, что именно из-за нее они вынуждены загрязнять окружающую среду, сокращать рабочие места и повышать собственную зарплату. Если же происходит нечто позитивное — улучшается экология, набирает обороты экономический рост, повышается жизненный уровень, — никто, как правило, не ставит это в заслугу глобализации. Неудивительно — в подобных случаях всегда находится достаточно желающих приписать все эти достижения себе. Одним словом, глобализация не может ничего сказать в собственную защиту. Поэтому мы, если хотим, чтобы она продолжалась и усили-

валась, должны взять на себя идеологическую борьбу в защиту свободы — за ликвидацию границ и контроля.

Лет через тридцать нас, жителей планеты, скорее всего станет больше на 2 миллиарда, причем 99% этого прироста придется на развивающиеся страны. Никакой силы, автоматически предопределяющей, в каком мире они будут жить и какие возможности перед ними откроются, просто не существует. Это зависит прежде всего от того, во что верят, о чем думают и за что борются такие люди, как мы с вами.

В китайской деревне Тау-Хуа-Линь Лассе Берг и Стиг Карлссон беседуют с людьми о том, что изменилось со времени их первого приезда. «Тогда мышление людей было закрыто, скованно», — объясняет крестьянин Юан Жэнмин. Но после того как сельчане получили право распоряжаться собственной землей, у них впервые появилась возможность принимать самостоятельные решения на этот счет. Даже такой, довольно скромный, уровень свободы оказал на жителей деревни революционное воздействие. Теперь они должны были сами думать о том, что делать, мыслить по-новому. Людям разрешили уделять больше внимания себе и своим близким, а не просто выполнять указания лидеров. Человек — не инструмент для достижения чьей-то цели, он — самостоятельная личность. Юан продолжает свой рассказ: «После этого крестьянин стал сам себе хозяином. Ему уже не надо кому-то подчиняться. Он сам должен решать, что, когда и как делать. Плоды его труда теперь принадлежат ему самому. Так мы получили свободу. Нам разрешили думать самостоятельно». Обобщая свои впечатления, писатель Лассе Берг приходит к такому выводу: «Великая Китайская стена сегодня рушится в сознании не только китайцев. Примерно то же самое происходит по всему миру — в Бихаре, Восточном Тиморе, в Овамболенде. Люди начинают осознавать то, что прежде совсем не казалось им очевидным: человек должен быть хозяином собственной жизни. Такое осознание влечет за собой стремление — не только к свободе, но и к жизненным благам, к процветанию»¹⁰.

Этот переворот в сознании, несмотря на все оговорки, должен внушать нам оптимизм. Конечно, мы прошли далеко не весь путь: во многих регионах планеты по-прежнему царят угнетение и нищета. И впереди нас, несомненно, ожи-

дают не только успехи, но и серьезные неудачи. Но люди, которые поняли, что жизнь в невежестве и под гнетом — отнюдь не естественное и неизбежное состояние, уже не смиряются с таким положением дел. Люди, осознавшие себя не просто «винтиками» общества и коллектива, а самодостаточными личностями, не захотят безропотно подчиняться другим. Ощувив вкус свободы, они не позволят изолировать себя от мира стенами и барьерами. Люди постараются улучшить собственную жизнь и мир, в котором мы живем. Они будут требовать свободы и демократии. Главная цель политического процесса должна состоять именно в том, чтобы они эту свободу получили.

Примечания

Предисловие

1 Barber B. R. *Globalizing Democracy // The American Prospect*. Vol. 11 (2000). № 20. September 11. P. 16.

2 Ehnmark A. *Minnets hemlighet: en bok om Erik Gustaf Geijer*. Stockholm: Norstedts, 1999. P. 60.

3 Berg L., Karlsson S. T. *I Asiens tid: Indien, Kina, Japan 1966–1999*. Stockholm: Ordfront, 2000. Ch. 1.

4 Gray J. *False Dawn: The Delusions of Global Capitalism*. New York: The New Press, 1998. P. 39–43.

5 См. к примеру: Human Rights Watch: *The Price of Oil: Corporate Responsibility and Human Rights Violations in Nigeria's Oil Producing Communities*. New York: Human Rights Watch, 1999 (<http://www.hrw.org/reports/1999/nigeria/index.htm>).

Глава 1

1 Слова Вульфстана приводятся по книге: *Giddens A. Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives*. London: Profile Books, 1999 [*Гидденс Э. Ускользающий мир: Как глобализация меняет нашу жизнь*. М.: Весь мир, 2004]. P. 1. Высказывания папы Иоанна Павла II взяты из «Пастырского наставления на площади Хосе Марти в Гаване» 25 января 1998 года (текст проповеди см.: http://www.vatican.va/holy_father/john_paul_ii/travels/documents/hf_jp-ii_hom_25011998_lahavana_en.html).

2 Если специально не оговорен иной источник, статистические данные и другие сведения, приведенные в этой главе, взяты из материалов Программы развития ООН и Всемирного банка, в особенности из ежегодных публикаций этих двух организаций, соответственно «Доклада о человеческом развитии» (Human Development Report), «Доклада о мировом развитии» (World Development Report) и сводного издания «Показатели мирового развития 2000» (World Development Indicators 2000). Следует отметить, что из-за различий в методике подсчета данные в зависимости от источника могут варьироваться, поэтому при анализе конкретных тенденций за определенный период необходимо использовать одну и ту же методику. В настоящей книге, сопоставляя развивающиеся страны с промышленно развитыми, я пользуюсь общепринятым определением развивающихся (или слаборазвитых) стран, относящимся к государствам, где уровень жизни низок, государственные системы здравоохранения и образования находятся в зачаточном состоянии, производительность труда невелика, экономика зависит от сельского хозяйства и сырьевых отраслей, внутривластная ситуация нестабильна, а положение на

международной арене зависит от других стран (ср.: *Todaro M. P. Economic Development / 6th ed. Reading, Mass.: Addison Wesley Longman, 1997. P. 38*). Если следовать этому определению, около 135 беднейших государств мира можно назвать «классическими» развивающимися странами, а еще более тридцати — «переходными», постепенно преодолевающими эту стадию. Необходимо помнить: различия между развивающимися странами так велики, что на практике трудно рассматривать их как единую группу. В эту категорию входят страны как с диктаторскими режимами, так и с демократическим устройством, государства, охваченные войной, и страны с бурно развивающимися рынками, государства, где царят ужасающая нищета и массовый голод, и те, что приближаются к промышленно развитым.

3 Опубликована в Швеции под названием «I Asiens tid: Indien, Kina, Japan 1966–1999».

4 *Berg L., Karlsson S. T.* Op. cit. P. 96.

5 *Williamson A.* The World Economy: Historical Statistics. Paris: OECD, 2003. P. 234.

6 UNDP. Human Development Report 1997. New York: Oxford University Press for the United Nations Development Program, 1997. Overview. P. 12.

7 Историческая статистика взята из работы: *Burguignon F., Morrison Ch.* Inequality Among World Citizens, 1820–1922 // *American Economic Review*. 2002. September. Данные за последние десятилетия см.: *Shaohua Chen, Ravallion M.* How Have the World's Poorest Fared Since the Early 1980s? World Bank, 2004 (http://www.worldbank.org/research/promonitor/MartinPapers/How_have_the_poorest_fared_since_the_early_1980s.pdf).

8 *Bhalla S. S.* Imagine There's No Country: Poverty, Inequality, and Growth in the Era of Globalization. Washington: Institute for International Economics, 2002.

9 *Berg L., Karlsson S. T.* Op. cit. P. 300.

10 FAO. Summary of Food and Agricultural Statistics 2003. Rome: FAO, 2003.

11 *Goklany I. M.* The Globalization of Human Well-Being // *Cato Institute Policy Analysis*. 2002. № 447. P. 7 (<http://www.cato.org/pubs/pas/pa447.pdf>).

12 *Forbes*. 1998. November 16. P. 36; World Bank. World Development Report 2000/2001: Attacking Poverty. New York: Oxford University Press; World Bank, 2000. P. 184 (<http://www.worldbank.org/poverty/wdrpoverty/report/index.htm>).

13 *Sen A.* Development as Freedom. New York: Anchor Books, 1999 [*Сен А.* Развитие как свобода. М.: Новое издательство, 2003]. Ch. 7.

14 Freedom House. Freedom in the World 2002. New York: Freedom House, 2002 (<http://www.freedomhouse.org/research/freeworld/2002/web.pdf>).

15 *Berg L., Karlsson S. T.* Op. cit. P. 202.

16 How Women Beat the Rules // *Economist*. 1999. October 2.

17 *Filmer D.* The Structure of Social Disparities in Education: Gender and Wealth. World Bank Policy Research Working Paper 2268. Washington: World Bank, 1999 (<http://econ.worldbank.org/docs/1021.pdf>).

18 Oxfam. The Clothes Trade in Bangladesh. Oxford: Oxfam (<http://www.oxfam.org.uk/campaign/clothes/clobanfo.htm>); автор посещал сайт 1 мая 2001 года.

19 *Shujie Yao.* Economic Development and Poverty Reduction in China over 20 years of Reform // *Economic Development and Cultural Change*. Vol. 48 (2000). № 3. P. 447–474; World Bank. Does More International Trade Openness Increase World Poverty? Assessing Globalization. Vol. 2. Washington: World Bank; PREM Economic Policy Group and Development Economics Group, 2000 (<http://www.worldbank.org/economicpolicy/globalization/ag02.html>).

20 *Berg L., Karlsson S. T.* Op. cit. Ch. 4.

21 *Bajpai N., Sachs J.* The Progress of Policy Reform and Variations in Performance at the Sub-National Level in India. Development Discussion Paper № 730. Cambridge, Mass.: Harvard Institute for International Development, 1999.

22 Central Intelligence Agency. CIA World Factbook 2002 (<http://www.cia.gov/cia/publications/factbook>).

- 23 Cox M. W., Alm R. Myths of Reach and Poor: Why We're Better Off than We Think. New York: Basic Books, 1999. P. 14ff.
- 24 Melchior A., Telle K., Wiig H. Globalisering och ulikhet: Verdens inntektsfordeling og levestandard, 1960–1998. Oslo: Royal Norwegian Ministry of Foreign Affairs, 2000. В ближайшие десятилетия тенденция к сокращению неравенства будет развиваться еще быстрее: «средний возраст» трудовых ресурсов по всему миру увеличится, а значит, будет постепенно выравниваться и зарплата. См.: Larsson T. Falska mantran: globaliseringsdebatten efter Seattle. Stockholm: Timbro, 2001. P. 11ff (<http://www.timbro.se/bokhandel/pejling/pdf/75664801.pdf>).
- 25 Sala-I-Martin X. The Disturbing “rise” of Global Income Inequality. National Bureau of Economic Research Working Paper № 8904 (<http://www.nber.org/papers/w8904>).
- 26 Bhalla S. S. Op. cit.
- 27 World Bank. Making Transition Work for Everyone: Poverty and Inequality in Europe and Central Asia. Washington: World Bank, 2000.
- 28 Larsson T. Op. cit. P. 11f.
- 29 UNICEF. Children Orphaned by AIDS: Front-Line Responses From Eastern and Southern Africa (<http://www.unicef.org/pubsgen/aids/>).

Глава 2

- 1 Crews C. W. Ten Thousand Commandments: An Annual Snapshot of the Federal Regulatory State. Washington: Cato Institute, 2003.
- 2 Sen A. Op. cit. P. 276.
- 3 См., например: Kwitny J. Endless Enemies: The Making of an Unfriendly World. New York: Congdon and Weed, 1984. P. 286–300, 380–381.
- 4 Конечно, данные схемы не позволяют проследить причинно-следственную связь между явлениями. Они допускают разное истолкование: скажем, какие-то страны могли сначала разбогатеть, а уже потом приступить к либерализации экономики. Это, конечно, существенная оговорка, но, если мы проанализируем конкретную ситуацию в странах, по которым приводятся цифры, выяснится, что здесь наблюдается в основном противоположная последовательность: именно либерализация сопровождается ростом. Еще хочу добавить: мои аргументы ни в коем случае не означают, что развитие страны не зависит от исторических, культурных и иных факторов. Напротив, я считаю, что идеи и убеждения людей играют огромную роль в развитии экономики, но в данном случае я сосредоточиваюсь на политических факторах, которые, естественно, тоже влияют на имеющиеся у человека стимулы.
- 5 Buer M. C. Health, Wealth and Population in the Early Days of the Industrial Revolution, 1760–1815. London: Routledge and Sons, 1926. P. 88.
- 6 Maddison A. Monitoring the World Economy, 1820–1992. Paris: Development Center of the Organization of Economic Cooperation and Development, 1995.
- 7 Абсурдно расценивать экономический рост как самоцель. При таком подходе главное состояло бы в том, чтобы просто производить как можно больше. Подобный рост может с легкостью обеспечить государство, конфисковав у всех деньги и пустив их на изготовление в гигантских объемах продукции, которая людям не нужна, — как это было с выплавкой стали и производством вооружений в СССР. Рост должен происходить «под диктовку» потребителей: производить надо те товары, в которых люди нуждаются. По сути, именно поэтому только в условиях рыночной экономики, где спрос определяет цены и объемы производства, рост действительно приносит благо всем.
- 8 Berg L., Karlsson S. Op. cit. P. 245.
- 9 Dollar D., Kraay A. Growth Is Good for the Poor. Washington: World Bank, April 2001 (<http://econ.worldbank.org/files/1696wps2587.pdf>). Сбалансированный анализ дискуссий по поводу этого доклада см.: Vlachos J. Är ekonomisk tillväxt bra för de fattiga?: en översikt över debatten. Stockholm: Globkom, 2000 (<http://www.globkom.net/rapporter/vlachos.pdf>). Среди работ, подтверждающих выводы доклада, см.: Gallup J. L.,

- Radelet S., Warner A. Economic Growth and the Income of the Poor. CAER II Discussion Paper № 36. Cambridge, Mass.: Harvard Institute for International Development, 1998 (<http://www.hiid.harvard.edu/caer2/htm/content/papers/confpubs/paper36/paper36.htm>). Авторы утверждают, что в сравнительном плане экономический рост приносит бедным даже больше выгод, чем другим слоям населения.
- 10 Mill J. S. Principles of Political Economy: Books IV and V. London: Penguin, 1985.
- Book V. Ch. 2 [*Милль Дж. С. Основы политической экономии. М.: Прогресс, 1980. Т. 3. С. 162*].
- 11 См. например: *Engen E., Skinner J. Taxation and Economic Growth // National Tax Journal. Vol. 49 (1996). № 4. P. 617–642; Feldstein M. Tax Incidence in a Growing Economy with Variable Factor Supply // Quarterly Journal of Economics. Vol. 88 (November 1974). P. 551–573; The Welfare Cost of Capital Income Taxation // Journal of Political Economy. Vol. 86 (1978). № 10. Pt. 2. P. S29–51. Общий обзор исследований на эту тему см.: Leufstedt S., Voltaire F. Vad säger empirin om skatter och sysselsättning? Stockholm: Svensk Handel, September 1998 (<http://www.svenskhandel.se/Filer/empiri.pdf>). Авторы этой работы указывают, что увеличение гонектора в экономике на 10% приводит к снижению роста на 1,5 процентных пункта.*
- 12 *Cox M. W., Alm R. Op. cit. Ch. 4. Некоторые специалисты утверждают, что в более эгалитарных обществах, например шведском, социальная мобильность выше, несмотря на высокий уровень налогообложения, — но здесь, скорее всего, смешиваются разные понятия. В Швеции действительно проще переместиться в новую категорию по уровню доходов, поскольку разница в оплате труда очень невелика. Однако повысить абсолютную цифру своих доходов в Швеции труднее.*
- 13 О различии между равенством с точки зрения базовых активов и равенстве доходов см.: *Deininge K., Olinto P. Asset Distribution, Inequality, and Growth. World Bank Policy Research Paper № 2375. Washington: World Bank, 2000. О связи роста с демократией см.: Deininge K., Squire L. New Ways of Looking at the Old Issues: Asset Inequality and Growth // Journal of Development Economics. Vol. 57 (1998). P. 259–287.*
- 14 *Kuznets S. Economic Growth and Income Inequality // American Economic Review. Vol. 45 (March 1955). P. 26.*
- 15 World Bank. Income Poverty: Trends in Inequality. Washington: World Bank, 2000 (<http://www.worldbank.org/poverty/data/trends/ineqial.htm>). Данные, опровергающие гипотезу Кузнецца, представлены в работе: *Deininge K., Squire L. Op. cit. P. 259–287. Обзор научных работ на данную тему см.: Bigsten A., Levin J. Tillväxt, inkomstfördelning och fattigdom i u-länderna. Stockholm: Globkom, September 2000 (<http://www.globkom.net/rapporter.phtml>).*
- 16 *Scully G. W. Constitutional Environments and Economic Growth. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1992.*
- 17 *Berggren N. Economic Freedom and Equality: Friends or Foes? // Public Choice. Vol. 100 (1999. September). P. 203–223.*
- 18 *Measuring Globalization // Foreign Policy. 2001. January–February. Когда «индекс глобализации» вычислялся в третий раз, результаты были таковы: самими «глобализованными» странами оказались Ирландия и Швейцария. Соединенные Штаты заняли 11-е место, но в данном случае рейтинг, пожалуй, не полностью отражает реальную ситуацию — из-за огромной территории США ее граждане совершают дальние поездки, торговые сделки и звонят в другие регионы внутри страны намного чаще, чем жители малых государств.*
- 19 См.: *Dollar D., Kraay A. Property Rights, Political Rights, and the Development of Poor Countries in the Post-Colonial Period. Washington: World Bank, 2000 (<http://www.worldbank.org/research/growth/pdffiles/dollarkraay2.pdf>), и их же работу «Growth Is Good for the Poor». О значении прав собственности для экономического развития см.: *Rosenberg N., Birdzell L. E. How the West Grew Rich: The Economic Transformation of the Industrial World. New York: Basic Books, 1986.**

- 20 De Soto H. The Mystery of Capital: Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else. London: Bantam Press, 2000 [Де Сото Э. Загадка капитала. М.: Олимп-Бизнес, 2004].
- 21 Gwartney J., Lawson R., Edwards Ch., Park W., de Rugy V., Wagh S. Economic Freedom of the World 2002. Vancouver: Fraser Institute, 2002 (<http://freetheworld.com>); O'Driscoll G. P., Feulner E. J., O'Grady M. A. The 2003 Index of Economic Freedom. Washington: Heritage Foundation and Wall Street Journal, 2002 (<http://www.heritage.org/index/2003>).
- 22 Gunnarsson Ch., Rojas M. Tillväxt, stagnation, kaos: en institutionell studie av underutvecklingens orsaker och utvecklingens möjligheter. Stockholm: Studieförbundet Näringssliv Samhalle, 1997. P. 50ff.
- 23 Berg L., Karlsson S. Op. cit. P. 93f. Цитата взята из доклада Всемирного банка: World Development Report 2000/2001. P. 85.
- 24 World Bank. The East Asian Miracle: Economic Growth and Public Policy. New York: Oxford University Press; World Bank, 1993. P. 6. См. также: Gunnarsson Ch., Rojas M. Op. cit.
- 25 Sachs J., Warner A. Economic Reform and the Process of Global Integration // Brookings Papers on Economic Activity. 1995. № 1. P. 26–32, 72–95.
- 26 Sachs J., Warner A. Sources of Slow Growth in African Economies // Journal of African Economies. Vol. 6 (1997). № 3. P. 335–376; Goldsmith A. Institutions and Economic Growth in Africa. African Economic Policy Papers. Discussion Paper № 7. Cambridge, Mass.: Harvard Institute for International Development. 1998. July (<http://www.eager-project.com/discussion7.shtml>). Существует ошибочное мнение о том, что Африка интегрирована в мировую экономику больше, чем другие континенты, поскольку доля экспорта в ВВП африканских стран чрезвычайно велика. Это, однако, связано не с их максимальной ориентацией на экспорт, а с крайней неразвитостью и слабостью их внутреннего рынка. См. также: Ayttey G. B. N. Africa in Chaos. New York: St. Martin's, 1999.
- 27 Gwartney J., Lawson R., Edwards Ch., Park W., de Rugy V., Wagh S. Op. cit.
- 28 The Zimbabwean Model // The Economist. 2002. November 30.
- 29 Sachs J., Warner A. Op. cit.

Глава 3

1 Самый распространенный упрек в адрес свободной торговли заключается в том, что тарифы и квоты необходимы для защиты отдельных отраслей национальной промышленности. Политика автаркии сегодня уже не пользуется былой популярностью, однако у нее есть сторонники — организации, критически относящиеся к современной цивилизации, в частности партии «зеленых». Среди поклонников этой политики числится и французское антиглобалистское движение АТТАС. Его основатель Бернар Кассен использует принцип автаркии в качестве аргумента против снижения заградительных тарифов для товаров из развивающихся стран: «Меня крайне удивляет тезис о том, что бедные, слаборазвитые страны должны получить более широкий доступ на рынки развитых государств. Что это означает на практике? Это означает, что слаборазвитые страны должны больше экспортировать. Но что они будут экспортировать? Товары, которые необходимы им на внутреннем рынке... мы должны вернуться к „самодостаточной“ экономике, отказавшись от экспортно-ориентированной модели, проявившей свою полную несостоятельность». См.: Cassen B. Who Are the Winners, and Who Are the Losers of Globalization («Кто выигрывает и кто проигрывает от глобализации?»), выступление на конференции организации Amis UK «Globalization in Whose Interest?» («Глобализация — в чьих интересах?»), Конвей-холл, Лондон, 17 июня 2000 г.

2 Mill J. Elements of Political Economy / 3^d. ed. London: Baldwin, Cradock and Joy, 1826. Ch. V. Section 3.

3 *Smith A.* An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Indianapolis: Liberty Classics, 1981. P. 488 [*Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. С. 472].

4 Томас Ларссон предсказал провал встречи ВТО именно по этой причине в своей прекрасной книге: *Larsson T.* The Race to the Top: The Real Story of Globalization. Washington: Cato Institute, 2001 (впервые опубликована на шведском языке в 1999 году под названием «Varldens klassresa»).

5 *Lindsey B., Ikenson D.* Antidumping 101: The Devilish Details of “Unfair Trade” Law. Cato Trade Policy Analysis. 2002. № 20 (<http://www.freetrade.org/pubs/pas/tpa-020es.html>).

6 *Ikenson D.* Steel Trap: How Subsidies and Protectionism Weaken US Steel Industry. Cato Trade Briefing Paper № 14. 2002 (<http://www.freetrade.org/pubs/briefs/tbp-014es.html>).

7 *Sachs J., Warner A.* Economic Reform and the Process of Global Integration.

8 Подобную критику высказывали и сторонники свободной торговли Т. Н. Шринивасан и Джагдиш Бхагвати (см. их работу «Outward Orientation and Development: Are Revisionists Right?», включенную в сборник статей по случаю юбилея профессора Анны Крюгер, опубликованный в сентябре 1999 года: <http://www.columbia.edu/~jb38/krueger.pdf>). Среди ученых, скептически относящихся к свободной торговле, ведущую роль играют Франсиско Родригес и Дани Родрик (см.: *Rodriguez F., Rodrik D.* Trade Policy and Economic Growth: A Skeptic’s Guide to Cross-National Evidence. Working Paper Series № 7081. Cambridge, Mass.: National Bureau of Economic Research, 1999), но даже они отмечают: «Мы не хотим создать у читателя впечатление, будто мы считаем, что протекционизм в области торговли способствует экономическому росту. Нам не известны какие-либо заслуживающие доверия данные — по крайней мере за период после 1945 года, — свидетельствующие о наличии устойчивой связи между торговыми ограничениями и ускорением темпов роста... Возможно, либерализация торговли приносит в целом позитивные результаты с точки зрения стандартного критерия сравнительных преимуществ; имеющиеся данные не дают серьезных оснований в этом усомниться» (р. 62). Выступая против свободной торговли, Дани Родрик, в частности, приводит такой аргумент: экономический рост в странах, где существуют высокие тарифы, например в Китае и Индии, мощнее, чем в странах, где эти тарифы ниже, скажем, в США или ЕС. Однако он забывает о том, что Китай и Индия добились этих темпов роста именно за счет либерализации экономики. Страны добиваются наибольшего ускорения роста как раз в тот период, когда снижают тарифы по сравнению с первоначальным уровнем, потому что тогда люди начинают заниматься теми видами экономической деятельности, где они обладают наибольшими преимуществами. Развитие экономики США и стран ЕС получило такой же импульс, когда там произошла либерализация торговли. Кроме того, население Китая и Индии настолько велико, что либерализация торговой деятельности даже только на внутреннем рынке означает введение свободной торговли в значительно большем масштабе, чем это обычно происходит при подписании региональных соглашений о свободе торговли с участием нескольких стран.

9 *Edwards S.* Openness, Productivity and Growth. National Bureau of Economic Research Working Paper 5978. Cambridge, Mass.: National Bureau of Economic Research, 1997; *Nordström H.* The Trade and Development Debate: An Introductory Note with Emphasis on WTO Issues. Stockholm: Kommittén om Sveriges politik för global utveckling; Globkom, 2000. March (<http://www.globkom.net/rapporter/nordstrom.pdf>).

10 *Frankel J., Romer D.* Does Trade Growth Cause Growth? // American Economic Review. Vol. 89 (June 1999). № 3. P. 379–399.

11 *Collier P., Dollar D.* Globalization, Growth and Poverty: Building an Inclusive World Economy. London: World Bank, Oxford University Press, 2001.

- 12 *Dollar D., Kraay A.* Trade, Growth and Poverty. World Bank Working Paper 2615. Washington: World Bank, 2001. P. 5, 35.
- 13 *Ibid.* P. 26.
- 14 *Barnevik P.* Global Forces of Change (лекция, прочитанная на Международной промышленной конференции в Сан-Франциско 29 сентября 1997 года). P. 4.
- 15 Этот тезис в целом подтверждается и работой Дэниэла Бен-Давида и Л. Алана Уинтерса: *Ben-David D., Winters L. A.* Trade, Income Disparity and Poverty. World Trade Organization Special Study № 5. Geneva: World Trade Organization, 1999 (http://www.wto.org/english/res_e/book-sp_e/disparity_e.pdf). К аналогичным выводам пришли также Альберто Ф. Эйдс и Эдвард Л. Глэйзер: *Ades A. F., Glaeser E. L.* Evidence on Growth, Increasing Returns, and the extent of the Market // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 114 (August 1999). № 3. Один из аргументов против тезиса о позитивном воздействии свободной торговли на экономический рост состоит в том, что в первые послевоенные десятилетия темпы роста в мире были выше, чем сегодня, в период глобализации. Однако при этом не учитывается факт особенного ускорения роста в период сразу после отмены высоких тарифов. Кроме того, наиболее высокий рост демонстрируют страны, отличающиеся на стартовом этапе низким уровнем жизни, где инвестиции дают самую большую отдачу: это связано с дефицитом капитала и иными последствиями недавних политических катастроф, например войны. По мере того как страны достигают более высокого уровня развития и перестают испытывать дефицит в инвестициях, темпы роста их экономики снижаются до «нормы». Кроме того, упомянутый аргумент не позволяет объяснить, почему сегодня самые высокие темпы экономического роста наблюдаются в странах, осуществивших либерализацию торговли, а государства, проводящие протекционистскую политику, отстают от них все больше и больше.
- 16 *Rojas M.* Mitos del milenio. Buenos Aires: Fundación Cadal; Timbro, 2004.
- 17 *Rojas M.* Millennium Doom: Fallacies about the End of Work. London: Social Market Foundation, 1999.
- 18 *Krugman P.* The Accidental Theorist: All Work and No Play Makes William Greider a Dull Boy // *Slate*. 1997. 24 January (<http://www.slate.msn.com/id/1916>).
- 19 Сюзан Жорж в интервью Биму Клинеелу: *Dom callar oss huliganer* // *Ordfront*. 2000. 12.
- 20 *Matusz S. J., Tarr D.* Adjusting to Trade Policy Reform. World Bank Working Paper 2142. Washington: World Bank, 2000 (<http://www.worldbank.org/html/dec/Publications/Workpapers/wps2000series/wps2142/wps2142.pdf>).
- 21 *Cox M. W., Alm R.* Op. cit. P. 65ff, ch. 1.
- 22 *Åslund A.* Därför har Estland lyckats // *Svenska Dagbladet*. 2000. 2 August; *Sally R.* Free Trade in Practice: Estonia in the 1990s // *Central Europe Review*. Vol. 27. 2000 (<http://www.ce-review.org/00/27/sally27.html>).
- 23 *Cato Handbook for Congress: 108th Congress*. Washington: Cato Institute, 2002. P. 631–641.
- 24 *Simon J.* The Economic Consequences of Immigration / 2nd ed. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1999. P. 368. См. также главы 5–6, 17.

Глава 4

- 1 *Low P., Olarreaga M., Suarez J.* Does Globalization Cause a Higher Concentration of International Trade and Investment Flows? World Trade Organization Staff Working Paper: Economic Research and Analysis Division. Geneva: World Trade Organization, 1998. Экономика многих стран остается в той или иной степени «закрытой». Так, из 161 развивающегося государства, которые стали объектом данного исследования, в 131 действуют нормы, препятствующие прямым иностранным инвестициям.
- 2 *Hertel T. W., Martin W.* Would Developing Countries Gain from Inclusion of Manufacturers in the WTO Negotiations? (p. 12), доклад на конференции, организованной

Всемирным банком и ВТО по теме «Развивающиеся страны на пороге нового тысячелетия» (Developing Countries in a Millennium Round), состоявшейся 20–21 сентября 1999 года в Женеве в Центре ВТО имени Уильяма Рапарда (см.:

<http://www.itd.org/wb/hertel.doc.>)

3 *Horesh R.* Trade and Agriculture: The Unimportance of Being Rational // *New Zealand Orchardist*. 2000. April (также см.: <http://www.geocities.com/socialpbonds/orchard2.html>).

4 Основатель АТТАС Бернар Кассен утверждает, что «каждая страна или группа стран имеет полное право защищать свое сельское хозяйство»; см. его интервью Ларсу Могенсену под заголовком «АТТАС lider af børnesygdomme» (*Danish Information*. 2001. February 23). В своей программной платформе АТТАС выражает намерение бороться против тех сил в странах ЕС, которые предприняли «крестовый поход за свободную торговлю» и, в частности, стремятся «демонтировать Единую сельскохозяйственную политику». Интересно отметить, что сторонникам АТТАС в Швеции этот постулат показался настолько «неудобным», что они даже пытаются его замалчивать. Так, в шведском переводе апологетической книги Бима Кли-нелла «АТТАС: gräsrotternas revolt mot marknaden» (Stockholm: Agora, 2000; перевод Маргареты Крусе) этот пассаж заменен мягким упреком в адрес тех, кто «направляет развитие в сторону дерегулирования все новых областей», а упоминание об ЕСП вообще отсутствует (р. 75–78).

5 *Anderson K., Hoekman B., Strat A.* Agriculture and the WTO: Next Steps. Washington: World Bank / Center for Economic Policy Research, 1999 (http://wbweb4.worldbank.org/wbiep/trade/papers_2000/ag-rie-sept.pdf).

6 *François J., Glismann H. H., Spinange D.* The Cost of EU Trade Protection in Textiles and Clothing. Stockholm: The Ministry of Foreign Affairs, 2000. March; *Pagrotsky L.* Varför en ny WTO-runda? (выступление на слушаниях в комитете ЕС по делам ВТО 25 ноября 1999 года).

7 *Messerlin P.* Measuring the Costs of Protection in Europe. Washington: Institute for International Economics, 2001.

8 *Heckschler E.* Vaårt tullsystems framtid III. Industri- och agrartullar // *Svensk Handelstidning*. 1918. August 25.

9 *White Man's Shame* // *Economist*. 1999. September 25; *Short C.* Eliminating World Poverty: Making Civilization Work for the Poor. White Paper on International Development. London: Her Majesty's Stationery Office. 2000. December (<http://www.globalisation.gov.uk>).

10 Характеристика ситуации в Латинской Америке основана на: *Gunnarson Ch., Rojas M.* Op. cit.

11 *Friedman M., Friedman R.* Two Lucky People: Memoirs. Chicago: University of Chicago Press, 1998. Ch. 24.

12 *Sachs J., Warner A.* Economic Reform and the Process of Global Integration. P. 52–55.

13 *Lukas A.* WTO Report Card III: Globalization and Developing Countries. Cato Trade Briefing Paper № 10. 2000. P. 11 (<http://www.freetrade.org/pubs/briefs/tbp-010.pdf>).

14 См.: *Bartlett B.* The Truth about Trade in History / Freedom to Trade: Refuting the New Protectionism / Ed. by E. L. Hudgins. Washington: Cato Institute, 1997.

15 *Hertel T. W., Martin W.* Op. cit. P. 4ff.

16 *Illarionov A.* Russia's Potemkin Capitalism // *Global Fortune: The Stumble and Rise of World Capitalism* / Ed. by I. Vasquez. Washington: Cato Institute, 2000.

17 *Goldsmith A.* Op. cit. P. 11.

18 *Demery L., Squire L.* Macroeconomic Adjustment and Poverty in Africa: An Emerging Picture // *The World Bank Research Observer*. Vol. 11 (February 1996). № 1. P. 39–59; *Sachs J.* External Debt, Structural Adjustment, and Economic Growth (доклад на конференции «Исследовательской группы двадцати четырех» 18 сентября 1996 года).

19 World Bank. World Development Report 2000/2001. P. 202.

20 *Easterly W.* How Did Highly Indebted Countries Become Highly Indebted? Reviewing Two Decades of Debt Relief. World Bank Working Paper № 2225. Washington: World Bank, 1999 (<http://econ.worldbank.org/docs/952.pdf>).

21 World Bank. Assessing Aid: What Works, What Doesn't, and Why. New York: Oxford University Press / World Bank, 1998 (<http://www.worldbank.org/research/aid/aid-toc.htm>); *Burnside C., Dollar D.* Aid, Policies and Growth // *American Economic Review*. Vol. 90 (September 2000). № 4. P. 847–868.

22 World Bank. World Development Report 2000/2001. P. 182f.

23 *Doherty B.* WHO Cares? // *Reason Magazine*. 2002. January (<http://reason.com/0201/fe.bd.who.shtml>).

Глава 5

1 Такой же прием используется и при обсуждении концепции глобализации. К примеру, когда антиглобалисты из разных стран провели демонстрацию в Праге, в роли организатора выступала координирующая структура под названием «Инициатива против экономической глобализации» (Initiative Against Economic Globalization), однако ее шведское отделение называется «Глобализация снизу» (Globalization from Beneath), поскольку в Швеции это слово имеет позитивные коннотации. Глава французской организации АТТАС Бернар Кассен заявляет, что «пытался обнаружить хоть одно преимущество, которое приносит глобализация, но безрезультатно» (см. интервью Кассена Джону Эйнару Сандванну под заголовком «Globalisering kun til besvær», опубликованное в норвежской газете *Aftenposten* 2 марта 2001 года). В то же время представители шведского филиала АТТАС утверждают, что ничего не имеют против глобализации как таковой и выступают лишь за изменение правил, по которым она проходит.

2 Цит. по: *Greenhouse S., Kahn J.* Workers' Rights: US Effort to Add Labor Standards to Agenda Fails // *New York Times*. 1999. December 3. Сторонники упомянутой идеи указывают, что включение «социальных» пунктов в торговые соглашения поддерживает Международная конфедерация свободных профсоюзов, однако и в этой организации представители Юга активно выступают против такого подхода. Другая международная профсоюзная организация — Всемирная федерация профсоюзов, объединяющая 110 миллионов работников из 130 стран, — также выступает против включения «социальных пунктов» в торговые соглашения, заключаемые в рамках ВТО.

3 *Lukas A.* Op. cit. P. 11.

4 *Bellamy C.* The State of the World's Children 1997. New York: UNICEF, 1997. P. 23 (<http://www.unicef.org/sowc97>).

5 Råderna BARNEN: Faktatablad om barnarbete (<http://www.rb.se>); автор посещал сайт 1 мая 2001 года.

6 Данные МОТ приводятся по изданию: *Berg L., Karlsson S.* Op. cit. P. 64. Общемировую статистику см.: *Goklary I. M.* Op. cit. P. 8.

7 *Burtless G., Lawrence R. Z., Litan R. E., Shapiro R.* Globophobia: Confronting Fears about Open Trade. Washington: Brookings Institution, 1998. Ch. 4.

8 *Rones Ph. L., Gardner J., Ilg R. E.* Trends in Hours of Work since the Mid-1970s // *Monthly Labor Review*. 1997. April. P. 3–14.

9 *Illarionov A.* Op. cit.

10 *De Grauwe P., Camerman F.* How Big Are the Multinational Companies? Mimeo. 2002. January (<http://www.degrauwe.org/publicatie.php?pub=globalisering/multinationals.htm>).

11 *Edwards J. R.* The Myth of Corporate Power // *Liberty*. 2001. January.

12 *Lukas A.* Op. cit. P. 6.

13 Данные опросов работников компании Nike см. на сайте <http://www.theglobalalliance.org>. Данные, полученные Лим, приводятся в работе: *Featherstone L., Henwood D.* Clothes Encounters: Activists and Economists Clash over Sweatshops //

- Lingua Franca. Vol. 11 (March 2001). № 2; *Lim L.* My Factory Visits in Southeast Asia and UM Code and Monitoring. PM. University of Michigan. 2000. September 6 (<http://www.fordschool.umich.edu/rsie/acit/Documents/LimNotes00.pdf>). Данные по сотрудникам шведского правительства см.: *Aronsson G., Gustafsson K.* Kritik eller tystnad: en studie av arbetsmarknads-och anställningsförhållandens betydelse för arbetsmiljökritik // *Arbetsmarknad and Arbetsliv.* Vol. 5 (1999). № 3. P. 189–206.
- 14 Organization for Economic Cooperation and Development. International Trade and Core Labour Standards. Paris: Organization for Economic Cooperation and Development, 2000.
- 15 Foreign Friends // *The Economist.* 2000. January 8; Organization for Economic Cooperation and Development. Survey of OECD Work on International Investment. Working Paper on International Investment. Paris: Organization for Economic Cooperation and Development, 1998 (<http://www.oecd.org/pdf/M0000113000/M0000113315.pdf>).
- 16 *Klein N.* No Logo: Taking Aim at the Brand Bullies. New York: Picador USA, 2000 [*Кляйн Н.* No Logo: Люди против брэндов. М.: Добрая книга, 2004]. Кляйн возмущает тот факт, что корпорации эксплуатируют потребность людей быть частью чего-то, их стремление к «групповой идентичности». Но если это действительно одна из основополагающих потребностей человека, то разве не лучше, когда ее можно выбирать самому из нескольких вариантов, а не просто получать по наследству? По-моему, пусть люди спорят о достоинствах разных компьютерных брендов, чем о том, какая раса лучше — белая или черная. Уже из-за самой банальности предмета разногласий предпочтительнее, если человек будет считать себя выше других из-за наличия в своем гардеробе спортивного костюма Adidas, а не потому, что у него традиционная, а не гомосексуальная ориентация.
- 17 The World's View of Multinationals // *The Economist.* 2000. January 27. Даже критики капитализма, например Бьёрн Эльмбрант, признают, что ситуация с мировым частным бизнесом не ухудшается, а напротив, «продолжающаяся эксплуатация все больше сочетается с ответственным предпринимательством» (см.: *Elmbrant B.* Hyperkapitalismen. Stockholm: Atlas, 2000. P. 79).
- 18 *Crook C.* Third World Economic Development // *The Fortune Encyclopedia of Economics* / Ed. by D. Henderson. New York: Warner Books, 1993.
- 19 *Dasgupta S., Mody A., Roy S., Wheeler D.* Environmental Regulation and Development: A Cross-Country Empirical Analysis. World Bank Policy Research Working Paper 1448. Washington: World Bank, 1995.
- 20 *Jaffe A. B., Peterson S. R., Portney P. R., Stavins R.* Environmental Regulation and the Competitiveness of US Manufacturing: What Does the Evidence Tell US? // *Journal of Economic Literature.* Vol. 33 (1995. March). № 1. P. 132–163.
- 21 О связи между уровнем инвестиций и охраной окружающей среды см.: *Wheeler D.* Racing to the Bottom? Foreign Investment and Air Pollution in Developing Countries. World Bank Policy Research Working Paper 2524. Washington: World Bank, 2000 (<http://econ.worldbank.org/view.php?type=5&id=1340>). О ситуации в металлургии см.: *Wheeler D., Huq M., Martin P.* Process Change, Economic Policy and Industrial Pollution: Cross Country Evidence from the Wood Pulp and Steel Industries (доклад на ежегодном совещании Американской экономической ассоциации в Анахайме, Калифорния, в 1993 году).
- 22 *Wilk R. R.* Emulation and Global Consumerism // *Environmentally Significant Consumption* / Ed. by P. C. Stern, T. Dietz, V. W. Ruttan, R. H. Socolow, J. L. Sweeney. Washington: National Academy Press, 1997. P. 110.
- 23 *Grossman G. M., Krueger A. B.* Economic Growth and the Environment. National Bureau of Economic Research Working Paper 4634. Cambridge, Mass.: National Bureau of Economic Research, 1994; *Radetzki M.* Der gröna myten: ekonomisk tillväxt och miljöns kvalitet. Stockholm: Studieförbundet Näringsliv Samhälle, 2001.

- 24 Moore S., Simon J. L. It's Getting Better All the Time: 100 Greatest Trends of the Last 100 Years. Washington: Cato Institute, 2000. Section XIV.
- 25 Ibid. Section XV.
- 26 Этот случай приводится в работе: *Nordin I.* Etik, teknik och samhälle. Stockholm: Timbro, 1992. P. 154.
- 27 *Roodman D.* Worldwatch Proposes \$ 2000 Tax Cut per Family to Save the Planet. Worldwatch Briefing. Washington: Worldwatch Institute, 1998 (<http://www.worldwatch.org/alerts/pr980912.html>).

Глава 6

- 1 *Elmbrant B.* Op. cit. P. 89f.
- 2 Хорошей популярной работой на эту тему является статья Класа Эклунда (*Eklund K.* Globala kapitalrörelser // *Välfärd, politik och ekonomi i en ny värld.* Stockholm: Arbetarrörelsens Ekonomiska Råd, 1999). Теоретический подход к проблеме излагается в работе: *Eichengreen B., Mussa M. et al.* Capital Account Liberalization: Theoretical and Practical Aspects. Washington: IMF, 1998.
- 3 Анализ упомянутого исследования, а также работ, давших противоположный результат, см.: *Eichengreen B., Mussa M. et al.* Op. cit. P. 19. См. также: *Yago G., Goldman D.* Capital Access Index Fall 1998: Emerging and Submerging Markets. Santa Monica, Calif.: Milken Institute, 1998.
- 4 *McNulty Sh.* Investors Lose Faith in Malaysia's Weak Reforms // *Financial Times.* 2001. January 17.
- 5 *Edwards S.* A Capital Idea? Reconsidering a Financial Quick Fix? // *Foreign Affairs.* Vol. 78 (May–June 1999). P. 18–22.
- 6 *Micklethwait J., Wooldridge A.* A Future Perfect. New York: Random House, 2000. P. 55.
- 7 *Eichengreen B., Mussa M. et al.* Op. cit. P. 18.
- 8 *Radelet S., Sachs J.* What Have We Learned, So Far, From the Asian Financial Crisis. CAER II Discussion Paper № 37. Cambridge, Mass.: Harvard Institute for International Development, 1999 (<http://www.hiid.harvard.edu/caer2/htm/content/papers/paper37/paper37.htm>); *Larsson T.* Asia's Crisis of Corporatism // *Global Fortune: The Stumble and Rise of World Capitalism* / Ed. by I. Vasquez. Washington: Cato Institute, 1997.
- 9 *Yago G., Goldman D.* Op. cit.
- 10 *Klein N.* Op. cit. Ch. 9; *Elmbrant B.* Op. cit. P. 85f; World Bank. World Development Report 2000/2001. P. 163.
- 11 *Bhagwati J.* Why Free Capital Mobility May Be Hazardous to Your Health: Lessons From the Latest Financial Crisis (доклад на конференции Национального бюро экономических исследований США по вопросам контроля над движением капиталов в Кембридже, штат Массачусетс, 7 ноября 1998 года, см.: http://www.columbia.edu/~jb38/papers/NBER_comments.pdf).
- 12 *Micklethwait J., Wooldridge A.* Op. cit. P. 178.
- 13 См. интервью Джеймса Тобина Радио Австралии 17 ноября 1998 года (<http://www.abc.gov.au/money/vault/extras/extra14.htm>). В частности, он заметил: «Лично мне кажется, что в условиях развивающейся экономики фиксированный валютный курс является большой ошибкой... У трех крупнейших валют — доллара, иены и немецкой марки (которую скоро заменит евро) — плавающий курс, и с ними никаких валютных кризисов не происходит. Не понимаю, почему мы настаиваем на том, чтобы Корея, Таиланд и другие страны поддерживали фиксированный курс своих валют. Ведь это приводит к кризисам...» См. также: *Tobin J.* Financial Globalization: Can National Currencies Survive? (доклад на ежегодной конференции Всемирного банка по вопросам экономического развития, Вашингтон, 20–21 апреля 1998 года, <http://www.worldbank.org/html/rad/abcde/tobin.pdf>).

- 14 Цитата относительно плавающих валютных курсов взята из работы: *Radelet S., Sachs J.* Op. cit. P. 13. Оценку фиксированных курсов см.: *Obsfeld M., Rogoff K.* The Mirage of Fixed Exchange Rates // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 9 (Fall 1995). № 4. P. 73–96.
- 15 В Китае за членство в ВТО выступали критики режима, реформаторы и либералы, а против — представители крупных корпораций, органов безопасности и военные. См.: *Pomfret J., Laris M.* Chinese Liberals Welcome WTO Bid // *Washington Post*. 1999. November 18. О сопротивлении консервативных сил см.: *Pomfret J.* Chinese Are Split over WTO Entry // *Washington Post*. 2000. March 13.
- 16 *Smith A.* Op. cit. P. 929 [*Смum A.* Указ. соч. С. 859–860].
- 17 *Svensson M.* Mer demokrati — mindre politik. Stockholm: Timbro, 2000 (<http://www.timbro.se/bokhandel/pejling/pdf/75664666.pdf>).
- 18 *Larsson T.* Falska mantran: globaliseringsdebatten efter Seattle. P. 44.

Глава 7

- 1 World Bank. World Development Report 2000/2001. P. 73.
- 2 См.: <http://www.peoplink.org/vsouk>.
- 3 *Moore S., Simon J. L.* Op. cit. P. 218f.
- 4 *Goldberg J.* The Specter of McDonald's: An Object of Bottomless Hatred // *National Review*. 2000. June 5.
- 5 *Eriksen T. H.* Kulturterrorismen: en uppgörelse med tanken om kulturell renhet. Nora (Sweden): Nya Doxa, 1999. P. 46.
- 6 Многочисленные примеры «исконных» культурных явлений, которые на самом деле возникли в результате взаимодействия и торговли, см.: *Cowen T.* Creative Destruction: How Globalisation is Changing the World's Cultures. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 2002.
- 7 *Llosa M. V.* Can Culture Be Exempt from Free Trade Agreement? // *Daily Iomiuri*. 1994. April 25.
- 8 *Giddens A.* Op. cit. p. 66.
- 9 *Berg L., Karlsson S. T.* Op. cit. P. 51.
- 10 *Ibid.* P. 162–171.

Юхан Норберг
В защиту глобального капитализма

Выпускающий редактор Андрей Романович
Корректор Мария Смирнова
Верстка Тамара Донскова
Производство Семен Дымант

Новое издательство
103009, Москва
Брюсов переулок 8/10, строение 2
Телефон/факс (495) 629 64 93
e-mail info@novizdat.ru
<http://www.novizdat.ru>

Подписано в печать 15 апреля 2007 года
Формат 84×108 1/32
Гарнитура Charter
Объем 14,28 условных печатных листа
Бумага офсетная
Печать офсетная
Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО «Типография Момент»
141406, Московская область
Химки, улица Библиотечная 11